

ISSN1857-4440

Relații Internaționale Plus

Revistă științifico-practică

Nr.1

Chișinău, 2013

COLEGIUL DE REDACȚIE:

Redactor-șef: Valentin BENIUC, rector al IRIM, doctor habilitat în politologie, profesor universitar

Redactori-șefi adjuncți: Ludmila ROȘCA, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar, IRIM

Vasile CUCERESCU, doctor în filologie, IRIM

Redactor științific: Sergiu NAZARIA, doctor habilitat în politologie, IRIM

Membri:

Alexandru BURIAN, doctor habilitat în drept, profesor universitar, IRIM

Alexandru GRIBINCEA, doctor habilitat în economie, profesor universitar, IRIM

Iurii KROTENKO, doctor habilitat în economie, IRIM

Vasilii SACOVICI, doctor habilitat în politologie, profesor universitar, Republica Belarus

Stanislav KNEAZEV, doctor în drept, profesor universitar, rector, Universitatea Internațională MITCO, Republica Belarus

Victor JUC, doctor habilitat, profesor cercetător, Institutul de Cercetări Juridice și Politice, AȘM

Valeriu CUȘNIR, doctor habilitat în drept, profesor universitar, Institutul de Cercetări Juridice și Politice, AȘM

Iordan Gheorghe BĂRBULESCU, doctor în politologie, profesor universitar, SNSPA, România

Valerii KOPEIKA, director al Institutului de Relații Internaționale al Universității Naționale „Taras Șevcenko” din Kiev,

doctor habilitat în științe politice, profesor universitar, Ucraina

Mihail BÎRGĂU, doctor habilitat în drept, profesor universitar, prorector USEFS

Artiom MALGHIN, prorector МГМО(У),

doctor în științe politice, conferențiar universitar, Rusia

Stanislav CERNEAVSKII, director al Centrului de Cercetări Științifice, МГМО(У), doctor habilitat în istorie, Rusia

Chris GRANT, doctor în științe politice, Universitatea din Mercer, orașul Macon, statul Georgia, SUA

Ion IGNAT, doctor în economie, profesor universitar,

Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, Iași, România

Mitchell A. BELFER, decan al Facultății Relații Internaționale și Studii Europene,

Universitatea Metropolitană din Praga, doctor în relații internaționale,

profesor universitar, Republica Cehă

Vladimir GUTOROV, doctor habilitat în filosofie, profesor universitar,

Universitatea de Stat din Sankt-Petersburg, Conducătorul secției din Sankt-Petersburg a

Asociației Științei Politice din Federația Rusă (AȘPR)

Vitalie CAZACU, doctor în economie, conferențiar universitar, IRIM

Violeta MELNIC, doctor în drept, IRIM

Vasile LUNGU, doctor în drept, conferențiar universitar, IRIM

Ion BURUIANĂ, doctor în drept, IRIM

Veronica NEAGU, doctor în pedagogie, IRIM

Lilia PORUBIN, doctor în filologie, IRIM

Carolina DODU-SAVCA, doctor în filologie, IRIM

SUMAR

RELAȚIILE INTERNAȚIONALE – DOMENIU SPECIFIC DE ACTIVITATE INTELLECTUALĂ. CONTRIBUȚIA INSTITUȚIILOR DE PROFIL

Discursuri consacrată aniversării a X-a a Institutului de
Relații Internaționale din Moldova, 2 aprilie 2013

CONTRIBUȚIA INSTITUTULUI DE RELAȚII INTERNAȚIONALE DIN MOSCOVA ÎN PREGĂTIREA CADRELOR DIPLOMATICE	9
Stanislav CERNEAVSCHI, <i>doctor habilitat în istorie,</i> <i>directorul Centrului cercetărilor post-sovietice a MAE a Rusiei</i>	
SOFT POWER – FACTOR AL COMUNICĂRII MULTICULTURALE	19
Elena PONOMAREVA, <i>doctor habilitat în politologie,</i> <i>Institutul de Relații Internaționale din Moscova, Rusia</i>	
CONSTITUIREA ȘI DEZVOLTAREA SERVICIULUI DIPLOMATIC ÎN REPUBLICA BELARUS	30
Olga LAZORKINA, <i>doctor în istorie, Universitatea de Stat din Belarus</i>	
POLITICA MULTICULTURALISMULUI ȘI CARACTERUL POLIETNIC AL STATULUI – FACTORI IMPORTANȚII AI REINTEGRĂRII ȚĂRII ȘI A MENȚINERII SUVERANITĂȚII STATALE	43
Eduard VOLCOV, <i>doctor în filosofie, IRIM</i>	

RELAȚII INTERNAȚIONALE: ABORDĂRI ISTORICO-FILOSOFICE

FILOSOFIA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE: statutul social, semnificația practică	63
Ludmila ROȘCA, <i>doctor habilitat în filosofie, IRIM</i>	
HIPERMEDIA ȘI CULTURA INDUSTRIILOR EDUCAȚIEI ÎN PROCESUL DE ÎNVĂȚARE MULTIDIMENSIONALĂ	72
Carolina DODU-SAVCA, <i>doctor în filologie, IRIM</i>	
STATUL MOLDOVENESC CONTEMPORAN ȘI PACTUL MOLOTOV-RIBBENTROP	82
Victor STEPANIUC, <i>doctor în istorie, IRIM</i>	

DREPTUL NAȚIONAL ȘI LEGISLAȚIA INTERNAȚIONALĂ

MEDIEREA ÎN SPAȚIUL EUROPEAN 90

Constantin LAZARI, *doctor în drept, IRIM*

**LOCUL ȘI ROLUL IZVOARELOR DERIVATE ÎN DREPTUL UNIUNII
EUROPENE: PERIOADA POST-LISABONA 104**

Vasile CUCERESCU, *IRIM*

DEZVOLTAREA ECONOMICĂ ÎN CONTEXTUL GLOBALIZĂRII

**METODOLOGIA ȘI INSTRUMENTELE POLITICII
MACROPRUDENȚIALE 115**

Radu CUHAL, *doctor în economie, BNM*

Ludmila STARIȚÎNA, *doctor în economie BNM*

Nicolae BASISTÎI, *BNM*

DISCURSURI POLEMICE

**DESPRE ASPECTUL ANTROPOLOGIC AL RELAȚIILOR
INTERNAȚIONALE CONTEMPORANE 126**

Vladimir GUTOROV, *doctor habilitat în filosofie,*

Universitatea de Stat din Sankt-Peterburg

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS – SPECIFIC FIELD OF INTELLECTUAL ACTIVITY. CONTRIBUTION OF RELEVANT INSTITUTIONS

Discourses dedicated to the 10th anniversary of the
International Relations Institute of Moldova, April 2, 2013

CONTRIBUTION OF THE MOSCOW INTERNATIONAL RELATIONS INSTITUTE IN TRAINING OF THE DIPLOMATIC STAFF	9
<i>Stanislav CERNEAVSCHI, Ph.D. in History, Director of the Center of post-Soviet research from the Russian MFA</i>	

SOFT POWER – FACTOR OF MULTICULTURAL COMMUNICATION	19
<i>Elena PONOMAREVA, Ph.D. in political science Institute of International Relations, Moscow, Russia</i>	

CREATION AND DEVELOPMENT OF THE DIPLOMATIC SERVICE IN BELARUS REPUBLIC	30
<i>Olga LAZORKINA, Ph.D. in history, State University from Belarus</i>	

POLITICS OF MULTICULTURALISM AND THE POLY-ETHNIC CHARACTER OF THE STATE-KEY FACTORS FOR COUNTRY REINTEGRATION AND MAINTENANCE OF STATE SOVEREIGNTY	43
<i>Eduard VOLCOV, Ph.D. in Philosophy, IRIM</i>	

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORICAL-PHILOSOPHICAL APPROACHES

PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL RELATIONS: SOCIAL STATUS, PRACTICAL SIGNIFICANCE	63
<i>Ludmila ROSCA, Ph.D. in Philosophy, IRIM</i>	

HYPERMEDIA AND (INTER) CULTURAL AND CREATIVE EDUCATIONAL INDUSTRIES IN MULTIDIMENSIONAL LEARNING	72
<i>Carolina DODU-SAVCA, Ph.D. in Philology, IRIM</i>	

THE CONTEMPORARY MOLDOVAN STATE AND THE MOLOTOV-RIBBENTROP PACT	82
<i>Victor STEPANIUC, Ph.D. in History, IRIM</i>	

NATIONAL LAW AND INTERNATIONAL LEGISLATION

MEDIATION IN THE EUROPEAN SPACE 90

Constantin LAZARI, *Ph. D. in Law, IRIM*

**THE PLACE AND THE ROLE OF DERIVED SOURCES IN
THE EUROPEAN UNION LAW: POST-LISBON PERIOD 104**

Vasile CUCERESCU, *IRIM*

ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

**METHODOLOGY AND INSTRUMENTS OF
MACROPRUDENTIAL POLICY 115**

Radu CUHAL, *Ph. D. in Economics, NBM*

Ludmila STARITÎNA, *Ph. D. in Economics NBM*

Nicolae BASISTÎI, *NBM*

DEBATES, POLITICAL DISCOURSES

**ON THE QUESTION OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO
MODERN INTERNATIONAL RELATIONS 126**

Vladimir GUTOROV, *Ph.D. in Philosophy,*

State University from Sankt-Peterburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ОСОБАЯ ОТРАСЛЬ ИНТЕЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ВКЛАД ПРОФИЛЬНЫХ ВУЗОВ

Выступления посвящённые X – ой годовщине Института
Международных Отношений Молдовы (IRIM), 2 апреля 2013 г.

ВКЛАД МГИМО – УНИВЕРСИТЕТА В ПОДГОТОВКУ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КАДРОВ	9
<i>Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ, доктор исторических наук, Директор Центра постсоветских исследований (МГИМО (У) МИД России)</i>	
«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	19
<i>Елена ПОНОМАРЕВА, доктор политических наук, Московский Институт Международных Отношений, Россия</i>	
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	30
<i>Ольга ЛАЗОРКИНА, кандидат исторических наук, Беларусский Государственный Университет, Республика Беларусь</i>	
ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ГОСУДАРСТВА – ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ РЕИНТЕГРАЦИИ СТРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА	43
<i>Эдуард ВОЛКОВ, кандидат философских наук, Институт Международных Отношении Молдовы (IRIM)</i>	

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ - ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

ФИЛОСОФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	63
<i>Людмила РОШКА, доктор философских наук, Институт Международных Отношении Молдовы (IRIM)</i>	
ГИПЕРМЕДИЯ И КУЛЬТУРА ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	72
<i>Каролина ДОДУ-САВКА, кандидат филологических наук, Институт Международных Отношении Молдовы (IRIM)</i>	

СОВРЕМЕННОЕ МОЛДАВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПАКТ МОЛОТОВ – РИБЕНТРОП	82
--	-----------

Виктор СТЕПАНИЮК, кандидат исторических наук, *Институт
Международных Отношении Молдовы (IRIM)*

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	90
--	-----------

Константин ЛАЗАРЬ, кандидат юридических наук *Институт Международных
Отношении Молдовы (IRIM)*

МЕСТО И РОЛЬ ПРОИЗВОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОСТ-ЛИСАБОНСКИЙ ПЕРИОД	104
---	------------

Василий КУЧЕРЕСКУ, *Институт Международных Отношении Молдовы (IRIM)*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

МЕТОДОЛОГИЯ И СРЕДСТВА МАКРОПРУДЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	115
--	------------

Раду КУХАЛ, кандидат экономических наук, *Национальный Банк Молдовы*
Людмила СТАРИЦИНА, кандидат экономических наук, *НБМ*
Николай БАСИСТЫЙ, *НБМ*

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К СОВРЕМЕННЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ	126
--	------------

Владимир ГУТОРОВ, доктор философских наук, *Государственный
Санкт-Петербургский Университет*

RELAȚIILE INTERNAȚIONALE – DOMENIU SPECIFIC DE ACTIVITATE INTELECTUALĂ. CONTRIBUȚIA INSTITUȚIILOR DE PROFIL

**Discursuri consacrate aniversării a X-a a
Institutului de Relații Internaționale din Moldova,
2 aprilie 2013**

CONTRIBUȚIA INSTITUTULUI DE RELAȚII INTERNAȚIONALE DIN MOSCOVA ÎN PREGĂTIREA CADRELOR DIPLOMATICE

Stanislav CERNEAVSCHI, *doctor habilitat în istorie, directorul
Centrului cercetărilor post-sovietice a MAE a Rusiei*

Rezumat

În acest articol autorul descrie istoria Institutului de Relații Internaționale din Moscova, deschis la 14 octombrie 1944, în baza facultății relațiilor internaționale a Universității de Stat din Moscova „M. V. Lomonosov”. Din anul 1959 funcționează facultățile: Relații Internaționale cu secțiile: occidentală, orientală și Relații Economice Internaționale cu secțiile: comerț, relații valutare, creditare. A fost deschisă secția de seară a facultății Relații Economice Internaționale. Actualmente, Institutul de Relații Internaționale din Moscova pregătește specialiști în domeniile:

relații internaționale, politologie, economie mondială, jurisprudență, management, jurnalistică. La baza studiilor este plasat Planul de studii, în afara căruia studenții au posibilitate să frecventeze cursurile facultative. În concluzie, autorul menționează obiectivele de perspectivă ale instituției.

Cuvinte-cheie: *Institutul de Relații Internaționale din Moscova, Universitatea de Stat din Moscova, Facultatea Relații Internaționale, Facultatea Relații Economice Internaționale, secția orientală, secția occidentală relații internaționale, politologie, economie mondială, jurisprudență, management, jurnalistică.*

CONTRIBUTION OF THE MOSCOW INTERNATIONAL RELATIONS INSTITUTE IN TRAINING OF THE DIPLOMATIC STAFF

Stanislav CERNEAVSCHI, *Ph.D. in History, Director of the Center of post-Soviet research from the Russian MFA*

Abstract

The article describes the history of the Moscow International Relations Institute, which was opened on 14 October 1944, based on the international relations department of the Moscow State University „M. V. Lomonosov”. From 1959, the following departments are activating: International Relations with sections: western, eastern and International Economic Relations with sections: trade, currency relations, lending. An evening section was also opened for the International Economic Relations Department. Currently, the International Relations Institute from Moscow prepares specialists in the areas: international relations, political science, global economy, legal study, management, journalism. The studies are based on the study plan, and the students have the possibility to follow additionally optional courses. In conclusion, the author mentions the future objectives of the institution.

Keywords: *International Relations Institute from Moscow, Moscow State University, International Relations Department, International Economic Relations Department, Eastern Section, western section of international relations, political science, global economy, legal study, management and journalism.*

ВКЛАД МГИМО – УНИВЕРСИТЕТА В ПОДГОТОВКУ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КАДРОВ

Московский Государственный Институт Международных отношений МИД России является одним из старейших образовательных комплексов страны по подготовке специалистов международного профиля. Формальной датой создания университета принято считать 14 октября 1944 года, когда Совет Народных Комиссаров СССР преобразовал международный факультет Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в самостоятельный институт.

В первые годы в вузе существовало три факультета: международный, экономический и правовой. В 1954 году на международном факультете МГИМО открыто восточное отделение, это произошло в результате слияния с одним из старейших российских вузов — Московским институтом востоковедения. В 1958 году в МГИМО вошел Институт внешней торговли МВТ СССР. В результате существенно расширился экономический факультет, усилилась его ориентация на подготовку специалистов для внешней торговли, внешнеэкономической деятельности.

В 1959 году международный факультет преобразовали в факультет международных отношений (факультет МО) с западным и восточным отделениями, экономический факультет — в факультет международных экономических отношений (факультет МЭО) с отделениями коммерции, валютно-кредитных отношений и международных транспортных перевозок, а также было создано вечернее отделение факультета МЭО. В 1969 году созданы международно-правовой факультет (факультет МП) и факультет международной журналистики (с 1988 г. по 2001 г. - факультет международной информации). К этому же времени относится образование подготовительного факультета с годичным сроком обучения, а к 1984 году — подготовительного факультета для иностранных граждан. В 1991 году в институте открыт факультет международного бизнеса и делового администрирования (факультет МБДА), где ведется подготовка специалистов в области управления международными коммерческими операциями. В 1998 году учрежден новый факультет

университета — факультет политологии (ФП), ведущий подготовку бакалавров и магистров по двум направлениям высшего профессионального образования — “Политология” (программа “Сравнительная политология”) и “Международные отношения” (программа “Анализ мировых политических процессов”).

С 1994 года решением Совета Министров институту поручено осуществлять подготовку специалистов в области государственного и муниципального управления из числа лиц с высшим профессиональным образованием, работающих в органах государственного управления. В настоящее время программы подготовки этих специалистов реализуются новым структурным подразделением университета — Институтом государственного управления МГИМО(У) МИД России.

60 лет минуло с того дня, как первые выпускники Института международных отношений покинули стены *alma mater*. За эти годы изменился мир, изменился и МГИМО. Созданный более полувека назад как кузница дипломатических кадров, в новое тысячелетие МГИМО-Университет подошел как уникальный гуманитарный международный университет, авторитетный научный и учебный центр. Сегодня в Университете реализуется 20 основных образовательных программ подготовки бакалавров, специалистов и магистров по 16 направлениям и специальностям высшего профессионального образования и 15 программ послевузовского специального образования, преподаются более 50 иностранных языков (от наиболее распространенных до сравнительно редких и трудных в освоении).

Подготовку по направлениям и специальностям в области международных отношений, политологии, мировой экономики, юриспруденции, менеджмента, журналистики и информации осуществляют более 100 профессоров, 374 доцента, 500 преподавателей высокой квалификации. Обучается в МГИМО 3678 студентов, из них половина — на бюджетных местах. В настоящий момент в МГИМО осуществлен переход к принятой во всем мире многоуровневой системе образования, включающей четырехгодичную подготовку бакалавров с возможностью продолжения обучения по программам подготовки специалиста или магистра. В основе системы обучения в МГИМО лежит учебный план, выполнение которого является обязательным условием получения диплома о высшем

образовании для всех студентов. Такие учебные планы разработаны по каждому направлению, специальности и специализации, по которым проводится обучение. Они включают в себя подготовку по двум языкам и циклам общих гуманитарных и социально-экономических, общих математических и естественнонаучных, общепрофессиональных дисциплин, составляющих основу университетского образования нашего выпускника, а также по циклу специальных дисциплин, в ходе изучения которых осуществляется специализированная подготовка студентов. Помимо этого обязательного плана и при условии его выполнения, студент может прослушать факультативные курсы, изучать дополнительные языки. В МГИМО широкие возможности для разностороннего образования. В процессе обучения студенты используют общеинститутскую учебно-лабораторную базу: фонды Научной библиотеки МГИМО, 7 компьютерных классов, зал Интернета, мультимедийный класс, лингафонные кабинеты, лаборатории кафедр.

МГИМО делает акцент на изучении иностранных языков и страноведческую подготовку, имеет репутацию одного из лучших образовательных центров по международным отношениям не только в нашей стране, но и за рубежом. В Университете ведется обучение по следующим направлениям: международные отношения, регионоведение, политология, мировая экономика, юриспруденция, менеджмент, журналистика и связи с общественностью. Существует пять институтов, восемь факультетов и 76 кафедр.

Университет МГИМО – один из немногих вузов России, чья главная миссия состоит в подготовке специалистов, умеющих эффективно реагировать на комплекс сложнейших международных проблем.

Программы магистерской подготовки охватывают широкий спектр наиболее актуальных на данном этапе развития международных отношений вопросов. Часть программ реализуется совместно с университетами Франции, ФРГ, Италии, Норвегии и США (с выдачей двух дипломов). Помимо этого, после получения высшего образования или степени магистра выпускник МГИМО имеет право продолжить обучение в аспирантуре, а впоследствии и докторантуре.

В Университете есть большие возможности для самосовершенствования, повышения квалификации. Дополнительные знания можно получить в нескольких языковых и международных центрах, на факультете Дополнительного профессионального образования. Кроме

того, существует несколько специализированных программ, в том числе программы MBA.

В Университете МГИМО получают образование не только российские студенты, но и молодые люди из других государств. Причем число иностранных студентов с каждым годом растет, что говорит не только о растущем престиже российского образования в целом, но и об эффективности усилий МГИМО по интеграции в зону Болонского соглашения.

МГИМО-Университет предоставляет широкие возможности получения высшего образования, разных форм повышения квалификации в различных областях международных отношений, политологии, экономики, права, управления, журналистики и др. областях, ведет серьезную научно-исследовательскую работу, имеет широкие международные связи, активно участвует в общественно-политической жизни нашей страны. Но главная особенность МГИМО-Университета заключается не только в том, что наш выпускник получает блестящее образование, соответствующее международным образовательным и научным стандартам и основанное на лучших традициях отечественной высшей школы и дипломатической службы. Обладая широким кругозором и глубокими профессиональными знаниями, впитав в себя особую атмосферу нашего университета, он выходит в жизнь человеком, обладающим твердыми патриотическими убеждениями, способным к государственному мышлению, к осознанию национальных интересов России, готовым к участию в их отстаивании.

Такой подход необходим и на государственной службе, на которую по-прежнему идет значительная часть выпускников МГИМО-Университета, и в бизнесе, где без серьезного и глубокого политического и экономического анализа успех просто немыслим. Поэтому наши выпускники были и остаются желанными кандидатами на любые ответственные должности. Они достойно трудятся в дипломатической сфере, в правительственных структурах, парламенте, местных органах власти, банках, средствах массовой информации, государственных и коммерческих внешнеторговых организациях и др.

Особое внимание уделяется подготовке кадров для регионов Российской Федерации. Сегодня по целевым договорам МГИМО-Университет готовит несколько сотен специалистов из республик, краев и областей России. Это экономисты, управленцы, юристы, политологи,

специалисты в сфере массовых коммуникаций, чьи знания и высокая квалификация, полученные в МГИМО-Университете, будут направлены на эффективное и всестороннее развитие субъектов Федерации.

За прошедшие годы 30 тысяч человек получили дипломы международников. Среди выпускников МГИМО-Университета более пяти тысяч иностранных граждан из более чем 60 стран.

Научная школа МГИМО

Становление МГИМО как университета неотрывно от процесса формирования и развития многочисленных научных школ. Междисциплинарные взаимодействия в сфере педагогики и научных исследований – традиция, воспринятая МГИМО у своего предшественника – Московского государственного университета.

Ученые МГИМО всегда уделяли большое внимание творческому взаимодействию с коллегами и партнерами, в том числе в рамках различных профессиональных ассоциаций. В свою очередь, это было и остается существенным фактором в развитии научных школ университета. Так, ученые МГИМО принимали самое активное участие в становлении и развитии Советской ассоциации политической науки, а затем Российской ассоциации политической науки и Академии политической науки, занимая в них руководящие посты.

В 1999 году на базе МГИМО была образована Российская ассоциация международных исследований (президент РАМИ – ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов), которая вместе с другими зарубежными национальными ассоциациями международных исследований входит в International Studies Association.

В настоящее время РАМИ насчитывает свыше 300 членов – видных российских ученых, исследователей, педагогов – и имеет 25 отделений в российских регионах от Владивостока до Калининграда.

Цель РАМИ – сохранение и развитие лучших традиций в исследовании проблем международных отношений и преподавании соответствующих учебных дисциплин. Ассоциация ставит перед собой задачи поддержания и развития высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развитие профессиональных контактов с аналогичными зарубежными и международными ассоциациями, установление тесных связей между исследователями и преподавателями, работающими в области международных отношений и мировой политики.

В сотрудничестве с Ассоциацией международных исследований

(International Studies Association) и Центрально- и Восточноевропейской ассоциацией международных исследований (Central and East-European International Studies Association) РАМИ проведены крупные международные конвенты, собравшие ученых и исследователей-международников. РАМИ издает научный журнал «Космополис» и активно развивает свои интернет-ресурсы, проводит конкурсы на лучшие научные и педагогические работы по международным отношениям и мировой политике со значительным призовым фондом.

Одна из главных задач МГИМО как учебно-методического центра российской высшей школы по специальностям международного профиля – подготовка нового поколения учебников и учебных пособий.

Раз в два года Ученый совет института присуждает премии профессорам и преподавателям за значительные успехи в исследовательской и педагогической деятельности. Эти премии названы именами выдающихся ученых, в разные годы работавших в МГИМО: Е.В. Тарле, Г.П. Францова, Х.К. Баранова, И.Д. Удальцова.

В целях развития и углубления аналитической работы в области международных отношений, придания ей более системного и прогностического характера, решения задач по выявлению тенденций эволюции международных процессов, освоения новых исследовательских секторов – региональных и проблемных, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий *в мае 2009 года создан Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО (У) МИД России.*

В Институте несколько исследовательских центров. Директором одного из них – Центра постсоветских исследований – я являюсь.

Мысли о будущем

Прогресс человечества в эпоху транспарентных финансовых границ, отсутствие барьеров для передвижения капитала, изменения геополитического и геоэкономического климата открыли новые перспективы развития, которые существенно отличаются от тех, что были совсем недавно. Они же стали формировать мироощущение нового поколения.

Именно поколению «третьей волны» в будущем придется принимать самые важные и ответственные решения, от которых будет зависеть судьба нашего государства и общества. Скорость и быстротечность все больше олицетворяет наш образ жизни – три минуты в Интернете кажутся вечностью, если страница не загружается за 5-6 секунд. Как отмечает

американский социолог Элвин Тоффлер: «Мы сегодня живем в условиях таких сверхскоростей, что старинное правило «время-деньги» требует пересмотра. Сегодня каждый период времени стоит дороже, чем предыдущий» [1, с. 87]. Поскольку развитие свободного человека – наш абсолютный приоритет, повышение образовательного уровня молодого поколения является ключевым элементом самосохранения и самосовершенствования нации. Использование таланта молодых, креативных и интеллектуальных людей – это основной фактор, способный обеспечить инновационное развитие государства и преемственность реализуемой политики. Поэтому система национального образования должна вобрать в себя требования и стандарты современного периода, знания и технологии, методы воспитания и формирования нового поколения, которые отвечают общемировым тенденциям, понимая, что творческий ум и интеллект позволяют выделиться молодому человеку, реализовать свой потенциал на благо общества.

Ректорат и профессорско-преподавательский состав Университета стремятся идти в ногу со временем.

Важнейшей чертой нынешнего этапа в развитии МГИМО становится не просто возрастающая конкуренция с лучшими российскими вузами за перспективных абитуриентов, лучших преподавателей, исследовательские заказы, но конкуренция с зарубежными вузами.

В этой ситуации МГИМО должен стать подлинно международным университетом. Интернациональным - по духу, мировым – по значению. МГИМО должен идти в ногу с современной Россией, стремящейся вовне, все более заметной и влиятельной в глобальном мире.

Среди важнейших задач, которые предстоит решить нашему коллективу в ближайшие три-пять лет, я бы выделил следующие:

1. В сфере организации учебного процесса и работы преподавателей

- дальнейшее реформирование экономического образования и управленческих дисциплин с ориентацией на наиболее востребованные и перспективные направления;

- повышение внимания к деятельности языковых кафедр; курс на укрепление профессиональных языковых школ, в т.ч. синхронного и письменного перевода; создание механизмов взаимного перекрестного повышения квалификации преподавателей специальных и языковых кафедр;

- создание полноценной системы бизнес-образования и постдипломной переподготовки с максимальным включением потенциала

«линейных» факультетов и институтов; расширение практики приглашения ведущих российских и зарубежных преподавателей на программы бизнес-образования; разработка специальных корпоративных программ, прежде всего, для традиционно связанных с МГИМО компаний;

2. В исследовательской и издательской сферах

- повышение качественного уровня исследовательской работы за счет широкого привлечения преподавательского состава, аспирантов, выпускников и формирования многопрофильных междисциплинарных коллективов;

3. В вопросах позиционирования университета во внешней образовательной среде и международных связях

- проведение полноценной международной аккредитации университета;

- создание системы двойных дипломов/зарубежных модулей для всех без исключения магистерских программ;

Ставя перед собой столь амбициозные задачи, мы исходим из того, что как говорил идеолог либерализма Джон Стюарт Милль: «Достоинство государства зависит в конечном итоге от достоинства образующих его личностей». МГИМО-Университет готовит не просто высококвалифицированные кадры, интеллектуальную, политическую и деловую элиту страны. Мы готовим будущее России, а это – большая ответственность.

Литература

1. Э. Тоффлер, Х. Тоффлер «Революционное богатство», М., 2007.

chernyavskiy.stanislav@gmail.com

SOFT POWER – FACTOR AL COMUNICĂRII MULTICULTURALE

Elena PONOMAREVA, *doctor habilitat în politologie, Institutul de
Relații Internaționale din Moscova, Rusia*

Rezumat

În articol este analizată comunicarea multiculturală în condițiile lumii globalizate. Autoarea analizează potențialul tehnologiilor standardizării culturale, desemnate de conceptul soft power. Sensul principal al conceptului rezidă în formarea unei guvernări atractive, capabile să determine oamenii, într-un mod indirect, neobservabil, să facă ceea ce în alte situații n-ar face. Autoarea analizează mijloacele aplicării noilor tehnologii. În concluzie răspunde la întrebarea: Este posibilă comunicarea interculturală în condițiile păstrării diversității culturale?

Cuvinte-cheie: soft power, comunicare intercultural, rețele sociale, diversitate culturală, tehnologie, strategie, rețelele CMI, Facebook, Visa, YouTube, MySpace, Twitter etc.

SOFT POWER – FACTOR OF MULTICULTURAL COMMUNICATION

Elena PONOMAREVA, *Ph. D. in political science, Institute of
International Relations, Moscow, Russia*

Abstract

The article analyses the multicultural communication in the conditions of the globalized world. The author analyses the potential of cultural standardization technologies, which are defined by the concept of soft power. The main meaning of the concept resides in the creation of attractive governance, capable to determine people, in an indirect, unobserved manner, to do something that in other situations they would not do. The author analyses the methods to apply new

technologies. In conclusion she answers the questions: Is intercultural communication possible in the conditions of maintenance of cultural diversity?

Keywords: *soft power, intercultural communication, technology, strategies, media, Facebook, Visa, YouTube, MySpace, Twitter, social networks, cultural diversity.*

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Проблемы межкультурной коммуникации в условиях глобального мира приобретают, как бы сказал классик, архиважное значение. С одной стороны, глобализация создает уникальные возможности культурного проникновения, взаимообмена, а значит, и духовного взаимообогащения народов разных цивилизаций. С другой – порождает стандартизацию норм и правил поведения, культурное единообразие.

Само понятие «межкультурная коммуникация» (МК) было введено в научный оборот в конце 1950-х американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом в рамках разработанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских военных, дипломатов и бизнесменов в других странах [1]. Не вдаваясь в детали теории Холла, отмечу, что, по его мнению, специфика МК заключалась преимущественно в стереотипизации поведения представителей различных культур. Собственно эту тенденцию мы наблюдаем и сегодня – когда речь идет о глобальной культуре, прежде всего, под этим подразумевается стандартизация по западным культурным лекалам, тиражируемым мировыми СМИ, шоу-индустрией, рекламой, интернет-ресурсами, внедряемыми через систему образования.

«Мягкая сила» в контексте межкультурной коммуникации

Все эти техники и технологии культурной стандартизации детально разработаны в концепции «мягкой силы» (*soft power*), основоположником которой является другой американский исследователь – профессор Публичной административной Школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском Университете, член американской Академии искусств и наук и Дипломатической академии США – Джозеф С. Най. Именно эта концепция на протяжении последних десятилетий лежит в основе, как публичной дипломатии, так и многих иных мероприятий, в том

числе разведывательного характера, активно проводимых Соединенными Штатами.

Главный смысл *soft power* заключается в формировании *привлекательной* власти, т.е. *в способности влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы*. Такой властью становится, основываясь не только на убеждении, уговаривании или способности подвигнуть людей сделать что либо при помощи аргументов, но и на «активах», которые продуцируют ее привлекательность. Достичь этого возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов, проникающих в основу основ конкретного общества – культурную среду. В этой связи вспоминается известная фраза Наполеона Бонапарта: «Одно слова стоит нескольких дивизий».

Однако создание такой «привлекательности» – процесс сложный, довольно длительный и затратный, т.к. предполагает лингвистическое конструирование, интерпретацию реальности, переформатирование культурных кодов. «Мягкая сила» (МС), как раз и отвечающая за работу с сознанием посредством информации, знаний и культуры, имеет в своем арсенале краткосрочные, так и долгосрочные стратегии – своего рода программы-минимумы и программы-максимумы.

Согласно Наю, «в краткосрочном периоде, который, как правило, не превышает нескольких месяцев, наиболее эффективными инструментами являются СМИ, традиционные и новые социальные медиа, с присущими им возможностями и ограничениями... В длительной перспективе эффективными инструментами «мягкой власти» для государства являются, во-первых, предоставление услуг высшего образования. Во-вторых – развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства» [2].

Совокупность этих стратегий формирует способность «мягкой силы» «воздействовать на систему социокультурных фильтров или «матрицу убеждений», составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия. Таким образом, МС тесно связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения с целью подтолкнуть реципиента к его прочтению в определенном ключе и, в конечном итоге, заставить его изменить свое поведение».

Конкретно, как пишет Най, это проявляется в следующем. «...идеалы

и ценности, которые Америка «экспортирует» в умы более полумиллиона иностранных студентов, которые каждый год обучаются в американских университетах, а затем возвращаются в свои родные страны, или в сознание азиатских предпринимателей, которые возвращаются домой после стажировки или работы в Силиконовой долине, направлены на то, чтобы «добраться» до властных элит». В долгосрочной стратегии «мягкая власть» посредством только образования «позволяет сформировать определенное мировоззрение у иностранных гостей, *отражающее ценностные ориентации самого принимающего государства* (курсив мой – Е.П.) и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем».

А теперь обратимся к сухой статистике. По данным за 2011 г., в США обучается свыше 700 тыс. иностранных студентов, в Великобритании – свыше 300 тыс., в Австралии – около 150 тысяч. К 2020 г., согласно прогнозу Британского совета, ассоциации Университетов Великобритании и компании IDP (Австралия), обучаться в высших учебных заведениях не в своих родных странах будут около шести млн человек [3]. И это только студенты, не говоря уже о конкретных и специфических программах подготовки гражданских активистов, блогеров, краткосрочных научных грантах и т.п.

О многом заставляют задуматься и такие данные. Так, из Египта в 1998 г. США пригласили на обучение по программам в области развития демократии 3 300 человек, в 2007 г. – это уже было 47 300 человек, а в 2008 г. – 148 700 человек [4]. Именно эти люди, вернувшись в страну стали ядром «революционных» преобразований и активными участниками «Движения 6 апреля», повергшими страну в пучину хаоса.

Ресурсная база «мягкой силы», конечно же, не ограничивается обучающими программами. *Soft power* использует весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий. Все это в комплексе позволяет американской, и шире западной, культуре, «будь она низкого или высокого уровня, проникать повсюду с интенсивностью, которая наблюдалась только во времена Римской империи, но с новой характерной особенностью. Воздействие Рима или Советского Союза в области культуры как бы останавливалось на уровне их военных границ, американская же гибкая власть правит империей, где никогда не заходит солнце» [5].

Важнейшим инструментом *soft power*, используемым для стереотипизации поведения представителей различных культур

являются как традиционные, так и новые – сетевые – средства массовой информации. Именно СМИ являются трансляторами нового видения мира не только в публицистической или научно-популярной форме, но и через метафорику художественных произведений, соответствующим образом трактующих определенные исторические и, шире, культурные факты. Присутствуя ежечасно в жизни каждого человека, СМИ, фактически, управляют мнениями и оценками людей, продуцируют одни и те же мысли, порождают одни и те же образы, отвечающие целям и задачам персон, контролирующих средства коммуникации.

Без преувеличения, в XXI в. именно СМИ, сокращающие некогда непреодолимые расстояния между материками и цивилизациями, стали важнейшим инструментом «мягкой силы», придавшим ей динамизм и мобильность. В условиях невероятных технологических возможностей формирование мировоззрения, культурного кода социума конкретной страны значительно упрощается. Иными словами, межкультурная коммуникация рассматривается и используется Западом как технология пропаганды и внедрения своих культурных ценностей с целью продвижения и закрепления своего влияния в инокультурных зонах.

Сетевые технологии как ресурс «мягкой силы» и фактор межкультурной коммуникации

В условиях высокотехнологического, информационного общества одной из важнейших форм коммуникации являются социальные сети.

Несмотря на то, что в современном политологическом дискурсе понятие «сеть» является одним из самых востребованных, и существует уже довольно большой массив литературы, изучающей этот технологический продукт с точки зрения его влияния на массовое сознание и поведение, довольно незначительное количество исследователей указывает на самые главные характеристики этого явления. В то время как необходимо знать и помнить, что, во-первых, социальные сети – это не просто удобная площадка для обмена информацией, но сложнейшее и невероятно эффективное организационное оружие. Во-вторых, сети – это серьезный бизнес.

Например, чистая прибыль Facebook в 2012 г. превысила один млрд. долларов, а в результате IPO компания и ее акционеры привлекли более 19 млрд долларов [6]. В целом в Америке при первичном размещении акций больше привлекали только две компании – платежная система Visa в 2008 г. (19,7 млрд долл.) и производитель автомобилей General

Motors в 2010 г. (18,1 млрд долл.) [7]. В сравнении с этими гигантами капитализация Twitter составляет всего семь млрд долларов, что тоже не малая сумма. Колоссальные средства вращаются также вокруг YouTube, MySpace, ВКонтакте и других сетевых аккаунтов. Так что создавались эти «игрушки» далеко не из альтруистических соображений.

Старт первой в истории социальной сети – ClassMates – состоялся США в 1995 году. Проект оказался настолько успешным, что в последующие годы заработал целый ряд аналогичных сервисов. Прямой аналог проекта – Одноклассники – разработанный российским веб-разработчиком Альбертом Попковым (проживает в Лондоне) появился в России 4 марта 2006 г. и насчитывает сегодня более 205 млн зарегистрированных пользователей. Лидирующие позиции в РФ и в ряде стран постсоветского пространства занимает также постоянно растущая сеть ВКонтакте (более 220 млн пользователей). Если же судить по счетчику на сайте, то активных пользователей (тех, кто ежедневно заходит в сеть) сервиса ВКонтакте насчитывается 56 млн, а на сайт Одноклассников ежедневно заходит 40 миллионов пользователей [8]. Такой успех именно этих сетей объясняется наличием, с одной стороны, «сильных групп – коммуникационных платформ, которые отчасти заменяют пользователям автоматические алгоритмы EdgeRank от Facebook с точки зрения фильтрации интересующего их контента» [9]. С другой – простотой в использовании и огромным сопроводительным багажом: распространяемая в группах информация обычно состоит из фотографий, демотиваторов и коллажей, которые доходчивы и не требуют специальных знаний для интерпретации.

Начало бума социальных сетей пришлось на 2003-2004 гг., и связано с созданием LinkedIn, MySpace и Facebook. Для сравнения, если LinkedIn создавалась с целью установления и поддержания деловых контактов, то владельцы MySpace и Facebook сделали ставку на удовлетворение человеческой потребности в самовыражении. С этого периода, социальные сети становятся своего рода интернет-пристанищем, где каждый может найти техническую и социальную базу для собственного виртуального «я».

У англичан есть хорошая поговорка: «Каждое приобретение – есть потеря» (*Every acquisition is a loss*). Она как нельзя лучше, отражает ситуацию вокруг социальных сетей. На первый взгляд, значение соцсетей имеет положительную коннотацию – теперь любой человек может легко и быстро найти себе друзей, обмениваться мнениями,

дискутировать по любому поводу, пропагандировать свои культурные ценности. Позитивно можно оценить и экономическую составляющую проектов. И это, очевидно, «приобретения». А вот характеристика сетей как организационного оружия, вряд ли, вызовет положительные эмоции. В этой характеристике для народов многих стран как раз и проявляются огромные «потери».

Дело в том, что социальные сети есть разновидность когнитивных технологий. Под когнитивными или познавательными принято понимать информационные технологии, описывающие основные мыслительные процессы человека. Они являются одним из наиболее «интеллектуальных» разделов теории искусственного интеллекта. Более того, что при помощи сетей информация не просто передается, но и искажается, варьируется, фальсифицируется. Сети позволяют использовать заведомо ложные сведения, а при помощи видеозаписей (реальных, фальсифицированных или постановочных) создавать у пользователей ощущение настоящей, а не виртуальной реальности.

Например, сегодня уже широко известно, что за год до т.н. «арабской весны», в 2010 г. правительство США заключило договор с компанией HBGary Federal на разработку компьютерной программы, которая может создавать многочисленные фиктивные аккаунты в соцсетях для манипулирования и влияния на общественное мнение по спорным вопросам, продвигая нужную точку зрения. Эта программа также может быть использована для наблюдения за общественным мнением, чтобы находить «опасные» точки зрения [10]. Еще раньше BBC США заказала разработку программы Persona Management Software, которую можно использовать для создания и управления фиктивными аккаунтами на сайтах социальных сетей, чтобы исказить правду и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам. Буквально, «персонажи» соцсетей должны производить впечатление, что они происходят почти из любого места в мире, и могут взаимодействовать посредством обычных онлайн-сервисов и сетевых платформ. В июне 2010 г. программа была запущена [11].

В глобальном плане, если учитывать создание целого ряда сетевых структур, начиная НПО и заканчивая интернет-сетями, речь идет о новых технологиях социальной инженерии, создающих неведомые ранее модели принятия решений, изменяя когнитивный базис современного человека, в какой бы культурной среде он не жил. Получается, что интернет, будучи планетарной информационной магистралью,

превращает такие проекты, как WikiLeaks, Facebook и Twitter, в трансляторы американской «мягкой силы», в инструмент борьбы за влияние, а не является только площадкой межкультурного диалога. При помощи интернет-технологий происходит, словами Антонио Грамши, «молекулярная агрессия в культурное ядро» конкретного общества, разрушается основа национального согласия, накаляется до предела ситуация внутри страны и в ее окружении.

Конечно, социальные сети сами по себе не представляют культурную опасность, но являются прекрасным каналом распространения культурного и как следствие – политического – влияния тех, кто финансирует программы и проекты. Возьмем в качестве примера Twitter. Благодаря конструкции этого коммуникативного канала пользователь оказывается в потоке однотипных сообщений, в том числе, «закольцованных», повторяющихся при помощи т.н. «ретвиттов» [12]. Формируемый этим коммуникативным каналом «деградантный язык «словесных жестов»» [13] не способен инициировать сложную деятельность объекта, который оказывается погруженным в систему актуального информирования в режиме нон-стоп. В результате снижается сама культурная планка, происходит примитивизация сознания индивида. Таким индивидом гораздо легче управлять и манипулировать.

На иных принципах работает Facebook, насчитывающий уже более млрд активных юзеров [14]. Эта сеть стала самым значимым сетевым инструментом МС, благодаря «весу» в сети, зависящего от количества друзей, и отбору сообщений по их популярности. В результате наложения этих факторов у пользователей возникает ощущение значимости происходящих событий и мгновенной его включенности в этот процесс. Более того, создается впечатление, что от позиции, реакции конкретного субъекта зависит развитие ситуации. Условно, если именно ты выйдешь на площадь, то ненавистный диктатор будет повержен.

В то же время не в любой культурной среде этот аккаунт имеет успех. Так, в России Facebook, достигший планки в семь с половиной млн участников, что составляет 5,36 % населения [15], не самая популярная сетевая площадка. Как уже отмечалось, в России огромную роль играют сети Одноклассники и ВКонтакте, в большей степени соответствующие культуре российского пользователя.

Анализ работы социальных сетей позволяет выстроить их своеобразную иерархию как по степени воздействия на сознание, так и по технологической применимости. На вершине сетевой пирамиды может

быть размещен интеллектуальный портал для самых продвинутых и креативных пользователей, можно сказать, инициаторов социальных изменений – LiveJournal (Живой Журнал). Это место «высокого» общения, самоутверждения, либо же т.н. троллинга – размещение материалов с целью вызвать конфликт. По воздействию на общественное мнение ЖЖ технологически применим, практически, так же как классические СМИ. Другое дело Facebook, который занимает срединное или центральное место в сетевой иерархии, охватывая многомиллионные аудитории. В России эту планку занимает ВКонтакте. Затем уже следует Twitter.

Как уже отмечалось, социальные сети выполняют сегодня не столько роль площадки для общения, сколько детонатора общественного мнения. Они способны распространять данные по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Это вовсе не означает, что телевидение и радио теряют популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как WikiLeaks, Facebook, Twitter, YouTube, усиливающий, в конечном итоге, эффект информационных операций, вкладывая в сознание миллионов людей определенные идеи и смыслы.

В связи с вышесказанным возникает вопрос:

Возможна ли межкультурная коммуникация, сохраняющая культурное многообразие?

Ответ для меня очевиден – конечно, возможна. Межкультурная коммуникация по своей сути представляет процесс передачи информации о культуре (в самом широком смысле) своего народа, своей социальной группы другим людям, означает связь между индивидами, группами, странами, основанными на взаимопонимании, открытости, доверии, желании понять друг друга, взять лучшее, духовно обогатить себя и других. В МК культура предстает не просто как информация о достижениях в искусстве или массовой культуре. Так как культура – это, прежде всего, образ жизни, обычаи и верования людей конкретной страны. Именно поэтому полагаю, что межкультурная коммуникация не должна базироваться или стремиться к стандартизации, довольствоваться поверхностным знанием. Стандартизация с сохранением примитивного лубка (например, русская культура – это матрешки, балалайки и водка; украинская – чубы, шаровары и горилка) – это путь к серьезной трансформации культурных кодов, изменению сознания,

а значит, к разрушению любой культуры, не попадающей под мифические «общечеловеческие» стандарты.

Межкультурная коммуникация должна быть совокупностью разнообразных форм отношений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам, что должно делать достижения этих культур общим достоянием. Именно этот смысл – делать общим, делиться с кем-либо чем-либо – был первоначален для римлян в слове *communico*.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что концепция «мягкой силы» дополненная новейшими технологиями позволяет довольно легко и быстро воздействовать на сознание людей, изменять культурные коды и историческую память, формировать новые смылосимволы, программировать индивида на неприсущие его культуре поступки. Например, самоубийство в исламе (акты самосожжения в Тунисе и Египте), «восстание» женщин Востока, панкмолебны в России и Украине и т.п. Таким образом, происходит не диалог культур, а доминирование одной культуры, попрание и даже уничтожение инокультурных традиций и норм.

Однако необходимо знать и помнить, что происходит это лишь в том случае, если нет противодействия этому процессу. Поэтому для общества, стремящегося сохранить свою культуру, а значит, себя, как неотъемлемую часть уникальной человеческой цивилизации, нет иного выхода, кроме как сопротивляться стандартизации и крепить свою культурную безопасность. Только в этом случае, в случае противодействия давлению и поглощению возможна обогащающая все народы мира межкультурная коммуникация.

Литература

- 1 Хорст Б.В. дер Эдвард Холл – великий дедушка НЛП // Вестник НЛП. № 7. URL: <http://www.vestniknlp.ru/index.php?sid=250&did=794>.
- 2 Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004; Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М.: ФСПИ Тренды, 2006. 397 с.
- 3 International Student Exchange & Study Aboard Resource Center. URL: <http://www.internationalstudent.com>.
- 4 Американский фактор в арабских революциях. URL: <http://www.meast.ru/article/amerikanskii-faktor-v-arabskikh-revolutsiyakh-mobilizatsiya-protesta-cherez-publichnuyu-dip>.

5 Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. - М.: ФСПИ Тренды, 2006, 397 с.

6 Чистая прибыль Facebook выросла на 65 процентов. URL: <http://ria.ru/technology/20120202/554378898.html>; IPO Facebook. URL: <http://ria.ru/economy/20120518/651758662.html>.

7 В результате IPO Facebook Цукерберг стал богаче основателей Google. URL: http://bcs-express.ru/digest/?article_id=82147.

8 <http://www.liveinternet.ru/stat/odnoklassniki.ru/index.html>; <http://www.liveinternet.ru/stat/vkontakte.ru/index.html?period=week&id=8&report=index.html%3Fperiod%3Dweek>

9 Преображенский И. Интерфейс революции. <http://www.rosbalt.ru/main/2012/02/29/951775.html>.

10 Сундиев И.Ю. Когнитивные технологии: темная сторона прогресса. URL: http://www.crimpravo.ru/blog/deviantnoe_povedenie/1458.html.

11 U.S. Air Force. Persona Management Software. URL: <http://seankerri-gan.com/docs/PersonaManagementSoftware.pdf>.

12 Преображенский И. Интерфейс революции. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/02/29/951775.html>.

13 Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. № 1-2. С. 93.

14 <http://www.socialbakers.com/countries/continents/>.

15 <http://www.socialbakers.com/facebook-statistics/page-2/>.

nastya304@mail.ru

CONSTITUIREA ȘI DEZVOLTAREA SERVICIULUI DIPLOMATIC ÎN REPUBLICA BELARUS

Olga LAZORKINA, *doctor în istorie, Universitatea de Stat din Belarus*

Rezumat

În articolul *Constituirea și dezvoltarea serviciului diplomatic din Republica Belarus*, autoarea descrie etapele constituirii și dezvoltării serviciului diplomatic în Republica Belarus. La începutul secolului XXI serviciul diplomatic din Republica Belarus este definit ca domeniu al aparatului de stat. Autorul menționează că la moment Republica Belarus și-a creat o rețea de consulate care cuprinde 172 de state, în 48 de state sunt deschise ambasade. În concluzie, autoarea menționează că procesul constituirii unui serviciu diplomatic eficient este complex, care durează secole. Eficiența serviciului diplomatic este determinată de profesionalismul diplomaților.

Cuvinte-cheie: serviciu diplomatic, Ministerul Relațiilor Externe, Republica Belarus, eficiență.

CREATION AND DEVELOPMENT OF THE DIPLOMATIC SERVICE IN BELARUS REPUBLIC

Olga LAZORKINA, *doctor in history, State University from Belarus*

Abstract

In the article *Creation and development of the diplomatic service in Belarus Republic*, the author describes the stages of creation and development of the diplomatic service in Belarus Republic. At the beginning of the XXI century, the diplomatic service in the Belarus Republic is defined as part of the state apparatus. The author mentions that at the moment the Belarus Republic has created a network of consulates that includes 172 states, while in 48 states they are embassies opened. In conclusion the author mentions that the process of creating an efficient diplomatic service is complex, it requiring centuries. The efficiency of the diplomatic service is determined by the professionalism of the diplomats.

Keywords: diplomatic service, Minister of Foreign Affairs, Belarus Republic, efficiency.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Дипломатическая служба Беларуси может отыскать свои исторические корни в средневековье. Первое государственное образование на территории Беларуси – Полоцкое княжество вело активную внешнюю политику. Геополитическое лидерство и использование выгод от трансевропейских торговых путей было основным внешнеполитическим вопросом княжества. В мирных договорах Киевской Руси и Византии среди городов, имевших право на дань, упоминается Полоцк.

Немалое политическое значение имели в эту эпоху и брачные союзы. С целью обретения союзника в борьбе за Киевский престол, наследники великого князя Святослава Игоревича направили послов к полоцкому князю Рогволоду с просьбой руки его дочери Рогнеды. Однако переговоры завершились трагически. Рогволод и его семья поплатились жизнью за отказ от предложения князя Владимира.

Весьма искусным и знаменитым для своего времени политиком был полоцкий князь Всеслав Чародей, правнук Рогнеды и Владимира (1044–1101). Проиграв единожды дипломатическое испытание (поверил обещаниям послов киевских князей, пришел в стан врага без охраны, был вероломно схвачен и посажен в киевскую тюрьму), он в дальнейшем успешно избегал поражений как в дипломатии, так и в бою.

В XIII в. белорусские земли начали объединяться в новое государство, которое получило название Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское (ВКЛ). Уже первый (из известных) князь Новоградский Миндовг был вынужден проявить максимум политической изворотливости и дипломатической хитрости, чтобы сохранить свое княжество среди более могущественных соседей. Вступив в переговоры с Тевтонским орденом, он сумел расположить к себе высшую иерархию католической церкви и Папа Римский даровал ему титул короля Литвы.

Наследники Миндовга (среди них следует выделить князей Войшелка, Гедемина, Ольгерда, Ягайло, Витовта) мечом, но больше дипломатическим искусством объединили в одном государстве все белорусские этнические земли, отобрали у тевтонцев балтские земли

нынешней Литовской республики, освободили от владычества Золотой орды большую часть земель нынешней Украины. Их государство простиралось *Їот моря до моря* – от Балтики до Черноморского побережья.

Князья ВКЛ поддерживали отношения с Московским княжеством, Крымским ханством, Золотой ордой, Тевтонским и Ливонским орденами, Молдавией, Валахией, Польшей, Чехией, Венгрией, Швецией, Священной Римской империей, папским Римом, итальянскими городами-республиками, Францией, Византийской и Османской империями.

По мнению историков в период правления великого князя Витовта дипломатия ВКЛ достигла высшей степени развития. В этот период начала впервые функционировать канцелярия под руководством самого великого князя. После Грюнвальдской битвы 1410 г. значительно активизировались внешние связи ВКЛ. В 1429 г. состоялось одно из заметных событий в истории средневековой европейской дипломатии – съезд европейских монархов в г. Луцке (территория ВКЛ).

В Луцк прибыли главы таких государств как Священная римская империя, Польское королевство, Датское королевство, Великое княжество Московское, Великое княжество Рязанское, Великое княжество Тверское. Своих представителей на съезд направили Папа Римский Мартин V и император Византии Иоанн VIII. Обсуждаемые участниками вопросы касались политического, экономического, военного и религиозного аспектов жизни Европы.

В последующие столетия дипломатическая служба ВКЛ развивалась в соответствии с общеевропейской практикой. Обмен посольствами носил временный характер. Основной формой дипломатической деятельности являлись переговоры, которые в зависимости от способа их ведения, делились на три вида: обмен дипломатической документацией (письмами и грамотами), переговоры монархов и переговоры послов.

Главой дипломатической службы ВКЛ являлся великий князь, он направлял и принимал посольства, вступал в союзы, объявлял войну и заключал мир. С XV в. к определению основных направлений внешней политики стал привлекаться Сейм. Монарх совещался по важнейшим вопросам внешней политики с представителями феодальной знати.

Подготовкой посольств и отправлением их за границу занималась княжеская канцелярия. Во главе канцелярии стоял канцлер. Основу штата составляли великий писарь, писари и дьяки [2, с. 36].

Посольский персонал формировался преимущественно из представителей феодальной знати. Первоначально для ведения переговоров направляли представителей княжеских родов, с XV в. – шляхтичей. Дипломатические представители делились на «великих» и «менших» послов. К категории дипломатических представителей относились и гонцы, в обязанности которых входила перевозка дипломатической почты [4, с. 69].

Количественный состав посольства зависел от важности и страны, куда оно направлялось. Посольства в Московское государство были самыми многочисленными, хотя и не такими огромными как в более поздний период. В среднем их состав колебался от нескольких десятков до нескольких сот человек в XVI в. Во второй половине XVII ст. достигал полутора тысяч человек.

Послы получали верительные грамоты, инструкции («науку»), тексты речей, «опасную грамоту» [4, с. 76–79]. С XVI в. послы стали составлять дневники (диариуши), которые стали своеобразной формой отчетности об их деятельности в ходе исполнения дипломатической миссии.

В 1569 г. Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились и создали нового государство – Речь Посполитую. Полномочия монарха в сфере внешней политики были значительно ограничены сеймом. Он не имел права без санкции сейма выводить войско за пределы государства, принимать иностранные посольства и направлять посольства Речи Посполитой за границу, объявлять войну и заключать мир.

В этот период на заседаниях рады сената принимались решения об отправлении посольств за границу, готовились инструкции для них, составлялись ответные грамоты, а также принимались решения о выдаче необходимых сумм из казны на нужды дипломатической службы [7, с. 28–38].

После подписания Люблинской унии канцелярия оставалась центральным исполнительным органом государства. Сотрудники канцелярии готовили необходимую для посольства документацию – верительные грамоты, полномочные листы, инструкции. Значительно расширился круг дипломатических представителей. В середине XVII в. появляются первые постоянные представительства короля Речи Посполитой в Европе [7, с. 53–65].

Наиболее существенные изменения в сфере организации дипломатической службы Речи Посполитой произошли в XVIII в. Сейм

1773—1775 гг. принял ряд решений, направленных на улучшение работы аппарата государственного управления. В частности, был образован департамент иностранных дел, который возглавлял сам король. Усилиями департамента была усовершенствована и консульская служба Речи Посполитой [14].

Первое консульство было открыто в 1783 г. в российском порту г. Херсона. Через несколько лет аналогичные учреждения были созданы в прусских портах Гданьске и Кёниксберге. В 1788 г. сейм принял решение о создании постоянных представительств Речи Посполитой за границей: в Берлине, Вене, Дрездене, Копенгагене, Лондоне, Париже, Петербурге и Стамбуле [14].

Однако последний, завершающий раздел Речи Посполитой в 1795 г. положил конец не только реформам, но и привел к исчезновению с политической карты Европы польско-литовского государства.

В XX в. национально-освободительное движение, охватившее многие страны в Центральной и Восточной Европе, создало благоприятные условия для создания белорусской государственности. В марте 1918 г. Белорусская Народная Республика была объявлена независимой и свободной. Правительство БНР в первые же месяцы предприняло ряд шагов по созданию национальной дипломатической службы.

В Народном Секретариате был учреждена должность народного секретаря по иностранным делам. В апреле 1918 г. в Украину выехала чрезвычайная делегация, которая открыла первую белорусскую дипломатическую миссию. Такая форма дипломатической деятельности, как направление за рубеж официальных делегаций стала основой внешних связей страны. Кроме того, Секретариат по международным делам осуществлял активную дипломатическую переписку с иностранными государствами. За рубеж отправлялись меморандумы, мемориалы, личные и вербальные ноты, обращения к правительствам и др. Дипломатическая служба рассматривалась правительством БНР как важный атрибут государственности и независимости [10].

В 1919 г. была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика. Внешнеполитическая деятельность этого государственного образования осуществлялась в рамках дипломатического союза советских республик, объединенных вокруг РСФСР. Тем не менее, в декабре 1920 г. постановлением II съезда Советов Белоруссии был создан Народный комиссариат по иностранным делам.

БССР как независимое государство было признана только РСФСР и другими советскими республиками, а также Польшей и Германией. Отношения де-факто она поддерживала с Латвией, Литвой, Эстонией, Австрией, Чехословакией, Турцией, Италией, Англией [12].

После вступления БССР в состав СССР ее внешнеполитические полномочия были фактически прекращены, а внешнеполитическое ведомство ликвидировано.

В 1944 г. с целью обеспечения «множественного представительства» СССР на международной арене, был принят закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений». Согласно этому закону союзные республики получали право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами [17]. В БССР был создан союзно-республиканский Народный комиссариат иностранных дел. В структуру Наркомата иностранных дел входили политический, протоколно-консульский отделы, отдел кадров и управление делами. Штат наркомата насчитывал 27 человек.

В 1946 г. Народный комиссариат иностранных дел Белорусской ССР был преобразован в Министерство иностранных дел. В рамках своей компетенции министерство осуществляло защиту внешнеполитических и внешнеэкономических интересов республики, исполняло функции консульского и протокольного характера. В сентябре 1958 г. открылось Представительство Белорусской ССР при ООН [11]. Белорусская дипломатия не проводила в ООН и других международных организациях в этот период самостоятельной внешнеполитической линии. Республика не имела дипломатических отношений ни с одним государством мира. Тем не менее, к 1988 г. БССР являлась участником 156 международных договоров и соглашений. Ее представители участвовали в работе более чем 60 межправительственных организаций и их органов, входивших в систему ООН. Активная позиция БССР на международной арене послужила базисом для развития сотрудничества независимой Республики Беларусь [13].

После провозглашения независимости в 1991 г. начался новый период внешнеполитической деятельности Беларуси. Руководство Беларуси предприняло активные шаги по углублению связей с иностранными государствами и международными организациями. Посредством своих постоянных представительств при международных

организациях Беларусь проводила работу по установлению прямых отношений с зарубежными государствами. Белорусское постпредство при ООН трансформировалось в своеобразное посольство «по совместительству во всех государствах мира» [3].

После распада СССР процесс международного признания независимой Республики Беларусь вступил в завершающую фазу. В течение 1991–1992 гг. республика была признана де-юре международным сообществом. По состоянию на 1994 г. Республику Беларусь признало 129 государств. Дипломатические отношения с белорусским государством установило 102 страны мира [3].

Важным проявлением международного признания явилось открытие дипломатических представительств зарубежных государств в Беларуси. Первое посольство в Минске открыли США.

Изменения международного статуса Беларуси привели к необходимости реорганизации форм деятельности и структуры Министерства иностранных дел. Первые шаги по реформированию МИД были осуществлены министром иностранных дел БССР П.К. Кравченко, после принятия Декларации о государственном суверенитете в 1990 г. В этот период были заложены новые принципы планирования деятельности министерства. Приоритетными стали такие направления как международное сотрудничество по проблемам чернойбыльской катастрофы, выдвижение инициативы о создании в Центральной и Восточной Европе зоны, свободной от ядерного оружия, привлечение иностранных инвестиций, развитие сотрудничества с белорусской диаспорой за рубежом [5, с. 7].

Структура внешнеполитического ведомства отражала направления его деятельности: наличие двух отделов по работе с международными организациями при полном отсутствии территориальных подразделений. Штат сотрудников МИД БССР состоял из 38 человек, в том числе 29 дипломатов. Поэтому основной проблемой с которой столкнулось внешнеполитическое ведомство – отсутствие квалифицированных дипломатических кадров [5, с. 8].

Министр иностранных дел П.К. Кравченко запросил из базы данных Главного управления кадров МИД СССР сведения обо всех советских дипломатах-белорусах или родившихся в Беларуси. Таковых оказалось 110 человек. По инициативе министра было проведено специальное совещание с приглашением 40 дипломатов-белорусов.

П.К. Кравченко предпринял попытку убедить их вернуться на родину и реализовать себя в МИД Республики Беларусь. Однако эти старания не увенчались успехом.

Тем не менее, структура центрального аппарата МИД кардинально изменилась. Были созданы территориальные и ряд новых функциональных подразделений: по работе с загранучреждениями, по вопросам гуманитарного сотрудничества, по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, договорно-правовой отдел и др. [9, с. 86] В последующем структура МИД неоднократно оптимизировалась. Особенно активно эта работа велась в 1993 г. Были преобразованы и укрупнены многие подразделения министерства. Значительно выросла численность сотрудников центрального аппарата. К концу второго года независимости она составляла порядка полутора тысяч человек, к началу 2000 г. – достигла 200. Министерство иностранных дел к этому времени представляло собой полноценное внешнеполитическое ведомство.

В 1999 г. структура МИД претерпела очередные крупные изменения в связи с реорганизацией всей системы органов государственного управления, ответственных за внешнеполитическую и внешнеэкономическую сферу. Указом Президента Республики Беларусь от 4 декабря 1998 г. Министерство иностранных дел, Министерство внешних экономических связей, а также должность Министра по делам Содружества Независимых Государств были упразднены и на их базе образовано Министерство иностранных дел, ставшее правопреемником ликвидированных органов государственного управления. Претерпели изменения и большинство структурных подразделений самого внешнеполитического ведомства [16].

В 2001 и 2006 гг. были приняты Положения о Министерстве иностранных дел, в которых нашли свое отражение новые цели и задачи МИД на современном этапе [20; 1].

Ключевое значение для развития дипломатической службы независимой Республики Беларусь имело подписание в 1995 г. Президентом А.Г. Лукашенко Указа «Об утверждении Положения о дипломатической службе Республики Беларусь», который впервые зафиксировал основные принципы ее функционирования и структуру [18].

Дипломатическая служба Республики Беларусь определялась как вид службы в государственном аппарате. Она осуществлялась в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь «Об основах службы в государственном

аппарате», Положением о Министерстве иностранных дел Республики Беларусь и иным законодательством. Систему дипломатической службы Республики Беларусь составляли Министерство иностранных дел, дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь за рубежом.

Документ определил права и обязанности дипломатических работников, порядок назначения послов и постоянных представителей при международных организациях, был учреждена система дипломатических рангов.

В 2008 г. в Положение были внесены изменения и дополнения. В целом новое Положение детально определяет основы организации и функционирования дипломатической службы Республики Беларусь, порядок приема на дипломатическую службу, ее прохождения и прекращения, а также правовое положение работников, занимающих дипломатические должности в Министерстве иностранных дел, дипломатических представительствах и консульских учреждениях Республики Беларусь [15].

В связи с расширением сети дипломатических представительств и консульских учреждений за рубежом в 1996 г. Президент Республики Беларусь подписал Указ «Об утверждении Положения о дипломатических представительствах и консульских учреждениях Республики Беларусь» [19].

Согласно Положению дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь в своей деятельности руководствуются Конституцией Республики Беларусь, международными договорами Республики Беларусь, законодательствами Республики Беларусь и государства пребывания. При определении функций дипломатических представительств Беларусь, как и другие государства, руководствуется положениями Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Внутригосударственные документы призваны развивать положения Конвенции применительно к специфике и интересам страны.

Необходимо отметить, что Республика Беларусь приступила формированию сети дипломатических представительств уже в первые годы независимости. Как отмечает в своих мемуарах П.К. Кравченко, белорусский МИД в 1992 г. приступил к открытию посольств за рубежом – в Польше, ФРГ, США. Представительства Республики Беларусь при международных

организациях во Франции, Австрии и Швейцарии также были преобразованы в посольства [5, с. 70]. В этот же период начинается становление консульской службы. В свою очередь зарубежные государства в течение 1992 г. открыли 11 посольств на территории Республики Беларусь.

В настоящее время Беларусь поддерживает дипломатические отношения со 172 государствами мира, в 50 из которых открыто 48 посольств, 2 постоянных представительства при международных организациях, 9 генеральных консульств и 1 консульство. За границей функционируют также 13 отделений посольств Республики Беларусь. Руководители 23 загранучреждений дополнительно аккредитованы в 40 странах и при 11 международных организациях и межгосударственных интеграционных структурах по совместительству [8].

Иностранные государства представлены в Беларуси 44 посольствами, 3 отделениями посольств, 1 торгпредством, 25 консульскими учреждениями (включая почетных консулов); международные организации – 17 представительствами. По совместительству в стране аккредитовано 85 иностранных диппредставительств [8].

Республика Беларусь неуклонно расширяет географию своих внешних связей. В 2012 г. были открыты посольства в Федеративной Республике Нигерия и Республике Индонезия.

В силу специфики профессии одним из наиболее значимых является кадровый вопрос. От профессиональных, деловых и нравственных качеств работников дипломатической сферы зависит не только эффективная деятельность всех звеньев дипломатической службы страны, но и ее имидж на международной арене.

Подготовку кадров для дипломатической службы осуществляет Академия Управления при Президенте Республики Беларусь и факультет международных отношений Белорусского государственного университета. Однако выпускники других вузов, имеющие дипломы по таким специальностям как «маркетинг» и «бизнес-администрирование» также имеют возможность поступления на дипломатическую службу.

На сегодняшний день около 20 % работников Министерства иностранных дел являются выпускниками факультета международных отношений.

Дипломатическая служба Беларуси прошла долгий и очень сложный путь. Исторический опыт свидетельствует о значимости для государства формирования гибкой и высокопрофессиональной дипломатической службы. Достаточно прочный фундамент

международного сотрудничества, заложенный в период БССР, позволил независимой Республике Беларусь войти в мировое сообщество в качестве полноправного члена.

Становление эффективной дипломатической службы – это процесс длительный и сложный. Тем не менее, в Республике Беларусь пройден определенный этап и достигнуты заметные успехи. В первую очередь обеспечена правовая база государственной службы и дипломатической как ее составляющей. Структура МИД, его функции, основные формы и методы деятельности отвечают целям и задачам внешнеполитического курса белорусского государства. В республике созданы все условия для подготовки квалифицированных кадров для дипломатической сферы. За относительно небольшой срок Республика Беларусь смогла создать широкую сеть дипломатических представительств и консульских учреждений за рубежом.

Вместе с тем сохраняются определенные проблемы и нерешенные задачи. В современных условиях требуется постоянное совершенствование системы подготовки дипломатических кадров. В первую очередь разработка механизма взаимодействия между МИД и образовательными учреждениями, усиление практической составляющей в образовательном процессе, адаптация учебных программ к требованиям современных международных отношений и белорусской внешней политики. Решение этих проблем требует создания договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества, рассчитанной на долгосрочную перспективу.

Сфера дипломатической службы является одной из самых динамичных, требующих постоянного внимания и реформирования в соответствии с новыми условиями международного сотрудничества. От эффективности ее функционирования напрямую зависит выполнение внешнеполитических задач государства и имидж на международной арене.

Литература

1. Вопросы Министерства иностранных дел Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. №978 [Электронный ресурс] // Белорусское законодательство. – Режим доступа: <http://www.lawbelarus.com/repub/sub02/texta2440.htm>. – Дата доступа: 23.03.2013.

2. Груша, А.І. Службовы склад і структура канцелярыі ВКЛ 40-х гадоў XV - першай паловы XVI ст. /А.І. Груша // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага*. 2001. Т. 1. С. 11-45.
3. Камышев, К.В. Международное признание Республики Беларусь / К.В. Камышев [Электронный ресурс] // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – №1. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/737/113/>. – Дата доступа: 01.03.2013.
4. Канановіч, У.І. Дыпламатыя Вялікага княства Літоўскага ў 1480—першай чвэрці XVI ст. (Адносіны з Вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / У.І. Канановіч. – Мінск, 1997. – 95 с.
5. Кравченко, П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении // П.К. Кравченко. – М.: Время, 2006. – 456 с.
6. Лазоркина, О. И. Дипломатическая деятельность канцелярии ВКЛ в XVII в. / О. И. Лазоркина [Электронный ресурс] // Журнал международного права и международных отношений. — 2008. — № 1. — С. 43—48.
7. Лазоркина, О.И. «Дипломатическая служба Великого княжества Литовского во внешнеполитическом механизме Речи Посполитой в 1600—1697 гг.»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.15 / Лазоркина Ольга Игоревна; Белорусский государственный университет. - Минск, 2009. - 24 с.
8. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/ministry/>. – Дата доступа: 27.03.2013.
9. Михалькевич, Г.Н. Белорусская государственность: от Декларации о суверенитете к международному признанию / Г.Н. Михалькевич // Беларусь і свет: альманах. – 2006. – №8. – С. 83–91.
10. Паўлава, Т. Я. Вытокі дыпламатыі БНР / Т. Я. Паўлава [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1999. — № 3. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/309/50/>. – Дата доступа: 02.03.2013.
11. Свилас, С.Ф. Об открытии Постоянного представительства Белорусской ССР при ООН / С.Ф. Свилас [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2006. — № 3. — Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1043/179/>. – Дата доступа: 17.03.2013.
12. Снапковский, В.Е. Беларуская ССР на міжнароднай арэне (1944 - 1990 гг.) / В.Е. Снапковский [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1999. — № 2. — Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/293/50/>. – Дата доступа: 10.03.2013.
13. Снапковский, В.Е. Внешняя политика Республики Беларусь: итоги первого десятилетия / В.Е.Снапковский [Электронный ресурс] // Журнал

международного права и международных отношений. – 2000. – №4. – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/386Itemid=51>. – Дата доступа: 05.03.2013.

14. Тихомиров, А. В. Внешнеполитический механизм и организация дипломатической службы Речи Посполитой и Великого княжества Литовского в 1569—1795 гг. / А. В. Тихомиров [Электронный ресурс] // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1998. — №3. — Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/174/49/>. – Дата доступа: 07.03.2013.

15. О некоторых вопросах дипломатической службы Республики Беларусь»: Указ Президента Республики Беларусь 15 мая 2008 г. № 276 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P30800276&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 24.03.2013.

16. О некоторых мерах по совершенствованию системы органов государственного управления в сфере внешней политики: Указ Президента Республики Беларусь от 4 декабря 1998 г. № 586 [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/ukazrp/pos05/ukaz05503.htm>. – Дата доступа: 19.03.2013.

17. О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат: Закон СССР от 1 февраля 1944 г. [Электронный ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/3946734/>. – Дата доступа: 15.03.2013.

18. Об утверждении Положения о дипломатической службе Республики Беларусь»: Указ Президента Республики Беларусь от 6 апреля 1995 г. №142 [Электронный ресурс] // Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor82/text82297.htm>. – Дата доступа: 25.03.2013.

19. Об утверждении Положения о дипломатических представительствах и консульских учреждениях Республики Беларусь» Указ Президента Республики Беларусь от 9 июля 1996 г. №247 [Электронный ресурс] // Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org459/sbor7/text6546.htm>. – Дата доступа: 26.03.2013.

20. «Об утверждении Положения о Министерстве иностранных дел Республики Беларусь» Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.11.2001 N 1730 [Электронный ресурс] // Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic41/text437.htm>. – Дата доступа: 20.03.2013.

moldova@belembassy.org

POLITICA MULTICULTURALISMULUI ȘI CARACTERUL POLIETNIC AL STATULUI – FACTORI IMPORTANȚIAI REINTEGRĂRII ȚĂRII ȘI MENȚINERII SUVERANITĂȚII STATALE

Eduard VOLCOV, *doctor în filosofie, IRIM*

Rezumat

În acest raport se analizează politica multiculturalismului în condițiile statului suveran, independent, polietnic. Autorul definește multiculturalismul, menționând că politica multiculturalismului este eficientă în asigurarea coexistenței diferitor grupuri etnice în cadrul aceluiași stat. Scopul politicii multiculturalismului rezidă în asigurarea susținerii specificului cultural și oferirea șanselor persoanelor și grupurilor sociale de a participa la toate domeniile vieții publice.

Cuvinte-cheie: *politica multiculturalismului, toleranța, reintegrarea teritorială, minorități naționale, integrare, majoritate etnică, politică națională, relații interetnice.*

POLITICS OF MULTICULTURALISM AND THE POLY-ETHNIC CHARACTER OF THE STATE-KEY FACTORS FOR COUNTRY REINTEGRATION AND MAINTENANCE OF STATE SOVEREIGNTY

Eduard VOLCOV, *Ph. D. in Philosophy, IRIM*

Abstract

The report is based on the analysis that the national policy of independent Republic of Moldova until recently was de-facto based on the principles of multiculturalism that in the RM a lot was done in order to protect, develop and

express ethnic, cultural and language individualities, to harmonize interethnic relations, to protect rights of national minorities. In addition to that, facts that prove the current failure of state policy of multiculturalism are presented.

Keywords: *multiculturalism policy, tolerance, country reintegration, national minorities, integration, ethnical majority, national politics, poly-ethnic stage, inter-ethnic relations*

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ГОСУДАРСТВА – ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ РЕИНТЕГРАЦИИ СТРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

1. Государственная политика мультикультурализма в РМ в действии

Для реализации целей нашего исследования нет необходимости вступать в дискуссию по проблемным вопросам истории, теории и политики мультикультурализма. Достаточно привести ряд положений, которые разделяют большинство специалистов. Мультикультурализм — политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология[1]. Мы солидарны с мнением, что “мультикультурализм представляет собой наиболее эффективный способ мирного сосуществования различных этнокультурных групп на территории одной страны. Возникнув во второй трети XX в., этот феномен получил широкое распространение в мире и стал частью, а иногда и ведущим направлением концепций национальной политики в современных государствах”[2].

Основная цель политики мультикультурализма — **обеспечение поддержки культурной специфики и возможности личностей и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни.** Теория мультикультурализма основывается на принципах свободы от этнических предрассудков и предубеждений, воспитании уважения и толерантности

к различным этническим группам и меньшинствам, отказе от ксенофобии и шовинизма. Она сосредоточена на способах интеграции в общество, а не исключения из него, равном и прямом доступе ко всем социальным сферам и институтам, что означает предоставление возможности каждому человеку реализовывать (или не реализовывать) свое право на отличие. **Главной задачей** мультикультурализма является создание таких правовых и политических условий в пределах соответствующих национальных государств, которые обеспечивали бы **равный статус меньшинств и национального большинства, равные шансы на сохранение и развитие их культур**. Политика мультикультурализма, направленная на поддержание стабильности поликультурного общества, основанного на отрицании иерархии культур, культурного деления на центр и периферию, по мнению исследователей, способствует гармонизации этнокультурных отношений[2].

В дальнейшем она стала примером для разработки собственных моделей мультикультурной политики во многих странах. В Молдове (как впрочем, в России) она имеет свою особенность, основным моментом которой является тот факт, что **политика мультикультурализма в РМ официально не провозглашалась**. Однако в проводимой государством этнокультурной политике отчетливо прослеживаются ее основные черты. В специальной отечественной литературе в 2008 году было высказано мнение, что в Молдове концепция государственной национальной политики дважды претерпела изменение: <<От доктрины “национального государства в мононациональном обществе”, исповедуемой в начале 90-х годов, к концепции “национального государства в полиэтническом обществе”, утверждаемой в середине 90-х годов, и к современному состоянию – “многонациональное государство в полиэтническом обществе”>> [3, с. 334-335].

С данным утверждением в первой его части согласиться никак нельзя. На официальном уровне высшие должностные лица в начале 90-х никогда не утверждали, что молдавское общество является мононациональным, ибо прекрасно помнили результаты переписи 1989 года, согласно которой удельный вес этнических меньшинств составлял более одной трети населения МССР – 35,5 %. И не только помнили, но и действовали в соответствии с этим: так уже **14 ноября 1990** года было принято парламентское Постановление о создании Департамента по национальным вопросам, а **25 апреля 1991** года было подписано правительственное Постановление об основных функциях, структуре

и Регламенте этого Департамента, определившее его задачи и штаты. Той же весной данный институт начал действовать.

Главнейшей обязанностью Департамента по национальным вопросам являлось осуществление государственной политики РМ в области межэтнических отношений и реализации конституционных прав граждан на **сохранение, развитие и выражение этнической, культурной и языковой самобытности, содействие функционированию государственного, русского и других языков в соответствии с действующим законодательством** [4, с. 46-47]. Более того, Парламент РМ в своем Постановлении от 26 мая 1992 г. *<<О правовом статусе лиц, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам, в контексте вооруженного конфликта в районах левобережья Днестра>>* **официально констатировал полиэтнический и многоязычный характер молдавского общества** [5, с.116-121].

Не только за рубежом, но и у нас в стране мало кто знает, что в РМ при трех первых президентах то с большим успехом, то с меньшим, проводилась именно политика мультикультурализма (даже если этот термин и концепт большинству проводникам национальной политики и не был знаком), направленная на сохранение этнокультурного разнообразия и установление гражданского согласия и межэтнического мира, что принятые правовые акты не только провозгласили, но и **защищали на юридическом уровне полиэтнический, мультикультурный, многоязычный характер молдавского общества, одновременно содействуя их интеграции (не ассимиляции) в молдавское общество**. В большей или меньшей мере, но первые три Президента РМ в своей деятельности стремились к тому, чтобы национальное возрождение мажоритарного этноса, реформирование общества, демократизация политической жизни сопровождалось сохранением и развитием культур и языков национальных меньшинств. Чтобы не быть голословным, ознакомимся в хронологическом порядке с соответствующими статьями **Конституции страны, с законодательными актами РМ в сфере межэтнических отношений, с реальными достижениями национальной политики:**

А) В Республике Молдова 1 сентября 1989 г. был принят весьма либеральный **Закон о функционировании языков**, который не только восстановил в правах во все областях родной язык мажоритарного этноса, придав ему статус государственного языка, но и закрепил за русским языком официальный статус второго, после государственного,

языка межнационального общения с многочисленными официальными функциями в различных сферах, а также предоставил возможность для использования и развития гагаузского, украинского, болгарского, идиша, иврита, цыганского и других языков национальных меньшинств [5, с. 89 – 98].

Б) В РМ 5 июня 1991 г. был принят весьма демократичный **Закон о гражданстве** с “нулевым вариантом”, предоставивший молдавское гражданство всем жителям республики, постоянно проживающим на ее территории на момент принятия Декларации о суверенитете - 23 июня 1990 г., независимо от знания государственного языка[6].

В) в 1991-1992 гг. Первый Президент РМ М.Снегур издал **указы, распоряжения** о развитии украинской, болгарской, еврейской, цыганской, других национальных культур. В целях претворения в жизнь Указов Президента были приняты соответствующие Постановления Правительства РМ[4, с.65 – 76].

Во исполнение президентских указов, распоряжений, указаний и соответствующих Постановлений Правительства в Молдове стали открываться школы, классы, библиотеки, храмы, памятники, культурные центры украинцев, русских, болгар, гагаузов, евреев, армян, поляков, цыган, немцев, других национальных меньшинств.

Г) **Конституция РМ**, принятая 29 июля 1994 г., гарантирует гражданам страны равенство перед законом и властями независимо от их расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии etc; признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков национальных меньшинств, используемых на территории страны; обеспечивает в соответствии с Законом право лица на выбор языка воспитания и обучения; признает и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности etc.[5, с. 74 – 80].

Д) Согласно **Закону об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы**, принятого 09.11.94 г., удостоверения личности гражданина РМ заполняется на молдавском (румынском), русском и английском языках. 24.07.1996 г. статья 3 Закона была дополнена частью 6, исходя из которой при заполнении удостоверения личности на русском языке по желанию лица, принадлежащего к национальному меньшинству, указываются его отчество в соответствии с нормами родного языка[5, с. 99].

Е) В РМ очень много было сделано и делается для гагаузов - этноса, большинство которого проживает у нас в стране: впервые в истории этого народа 23 декабря 1994 г. Парламент учредил АТО “Гагауз-Ери” - территориальное автономное образование с особым статусом как формы самоопределения гагаузов, являющееся составной частью РМ; были открыты Комратский университет, Комратский педагогический колледж имени М. Чакира, Центр научных исследований и учебно-методических работ Гагаузии; в Кишинэу - библиотека гагаузской литературы им. М. Чакира; В Чадыр-Лунге функционирует Гагаузский национальный театр им. М. Чакира; в Комрате - гагаузский ансамбль “Кадынжа”; в 1995 г. гагаузская письменность переведена с кириллицы на латинскую графику. В 90-е годы молодежь из Гагаузии получила возможность учиться в Турции etc.[6];

Ж) Важное значение для обеспечения прав национальных меньшинств в Молдове имеет принятый 21.07.1995 г. **Закон об образовании**, который гарантирует всем гражданам нашей страны (а значит и национальным меньшинствам) **право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях образования, на изучение родного языка представителями национальных меньшинств**, а также устанавливает, что **изучение государственного языка во всех учебных заведениях является обязательным** и требует от выпускников вузов обязательного знания государственного языка, что позволит им заниматься полноценной деятельностью во всех сферах общества, занимать любые должности [5, с. 100 – 104].

В республике, наряду со школами, гимназиями и лицеями, где преподавание ведется на государственном языке, сохраняется система школьного, лицейского и высшего образования на русском языке, а также созданы аналогичные учебные заведения на украинском, болгарском, гагаузском языках. В дополнение к этому родной язык как предмет изучают украинцы, гагаузы, болгары, евреи, поляки, а кроме того, юные азербайджанцы, армяне, белорусы, греки, литовцы, немцы обучаются родному языку в воскресных школах[7; 8].

З) **1 июня 1996 г.** по распоряжению Президента РМ М. Снегура был открыт первый в СНГ Дом национальностей и тогда же впервые состоялся, Детский полиэтнический фестиваль “Наш общий дом - Молдова”[4, с. 8].

К) Власти РМ, начиная с Президента РМ М. Снегура, поощряли (и поощряют до настоящего времени) создание разнообразных

этнокультурных организаций и всячески их поддерживают. К настоящему времени их число перевалило за **полторы сотни**.

Л) Начиная с Президента РМ М. Снегура власти нашей страны стали содействовать установлению связей этнических меньшинств Молдовы со своими историческими родинами, поощрять выставки, спектакли, концерты, гастроли и т.п. творческих коллективов и деятелей искусств и культуры из этих стран в РМ и из РМ в эти страны, участвовать в организации и проведении национальных праздников и памятных дат этнических меньшинств, Дней славянской письменности и культуры в Республике Молдова, Дней украинской и русской культуры, национальные праздники болгар, гагаузов, евреев, белорусов, поляков, немцев, греков, азербайджанцев, литовцев и других национальных меньшинств Молдовы. Республика Молдова подписала ряд двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве с государствами, являющимися этно-историческими родинами национальных меньшинств, проживающих на территории республики, либо близкими им по культуре. В данных договорах содержатся специальные пункты, предусматривающие обеспечение и защиту национальных меньшинств.

М) Учреждениями культуры Республики Молдова осуществляется поддержка развития культуры национальных меньшинств. В частности, в РМ действуют около полутысячу коллективов, представляющих культуру национальных меньшинств - украинские коллективы, русские, гагаузские, болгарские, цыганские, а также - смешанные. В мун. Кишинэу действуют: библиотека украинской литературы им. Леси Украинки; библиотека русской культуры им. Михаила Ломоносова, библиотека гагаузской литературы им. Михаила Чакира; библиотека болгарской литературы им. Христо Ботева; библиотека еврейской культуры им. Иосифа Мангера. В библиотеках районов представлена литература на молдавском и русском языках, в некоторых - на украинском (мун. Бэлць), гагаузском (АТО Гагаузия), болгарском (район Тараклия, Кахул) и др.

В мун. Кишинэу действует Государственный русский драматический театр им. А.П. Чехова; в г. Чадыр-Лунга (АТО Гагаузия) - Национальный гагаузский театр им. Михаила Чакира; в г. Тараклия (район Тараклия) - Болгарский драматический театр им. Олимпия Панова. На территории большинства районов созданы и действуют местные художественные, этнофольклорные коллективы, большинство из которых - любительские, организованные при школах, лицеях, этнокультурных организациях. Данные коллективы активно участвуют

в культурных мероприятиях, в том числе в Этнокультурном фестивале, ежегодно проводимом в большинстве регионов республики[7; 8]. Стали традицией Эминесциана, встреча с молдавскими писателями, деятелями культуры, художниками и композиторами.

Н) При Академии наук Молдовы действует Институт межэтнических исследований, в рамках которого существуют специализированные отделы, который проводят научные исследования по истории, языку и культуре украинского, русского, гагаузского, болгарского, еврейского, цыганского населения Республики Молдова, а также - процессы межэтнической интеграции.

О) Парламент РМ **22 октября 1996** году ратифицировал рамочную **Конвенцию о защите национальных меньшинств**, подписанную в Страсбурге 13 июля 1995 году[5, с.5 – 15, 131].

П) Правительство РМ **16 февраля 2001** года приняло Постановление “О некоторых мерах по поддержке цыган Республики Молдова” [4, с. 77-78].

Р) **26 февраля** того же года Правительство РМ приняло Постановление “О национальной программе по улучшению изучения государственного языка Республики Молдова взрослым население (2001 – 2005 г.г.)” [4, с. 158 – 162].

С) При Президенте В.Воронине коммунистическим большинством Парламента **19 июля 2001** году был, наконец (он лежал без движения в Парламенте в течение семи лет), принят Закон РМ “О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организации”[4, с. 79 – 83].

Приняв данный закон, Республика Молдова сделала еще один важный шаг в деле приведения своего внутреннего законодательства в соответствие с международными стандартами в этой области, прежде всего Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств. В соответствии с Законом, государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Т) **11 июля 2002** года Республика подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств. К сожалению, до сих пор данная Хартия не ратифицирована[4, с. 14].

У) 24 октября 2003 г. было принято Постановление Парламента Республики Молдова об утверждении Национального плана действий

в области прав человека на 2004-2008 годы. Отдельная глава Плана посвящена обеспечению прав национальных меньшинств. План предусматривает подготовку к ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (2006 г.); приведение законодательства в соответствие со стандартами Хартии; соблюдение принципа пропорционального представительства в органах власти, суде, полиции, вооружённых силах; обеспечение преподавания украинского, болгарского, гагаузского языков в населённых пунктах, в которых представители соответствующих национальностей составляют значительную часть населения; изучение вопроса о преподавании цыганского языка в некоторых учебных заведениях и др.[8].

Ф) Компания «Телерадио-Молдова» периодически транслирует на всю территорию республики теле- и радиопередачи на русском, украинском, гагаузском, болгарском, идиш, цыганском языках. На территории Гагаузии Компания «Телерадио Гагаузии» готовит передачи на гагаузском, русском и болгарском языках. В Республике Молдова действует множество частных теле и радиокompаний, которые готовят, а также ретранслируют передачи на румынском / молдавском, русском, украинском, болгарском и других языках. В Молдове выходит целый ряд периодических изданий на языках меньшинств[8].

Х) 19 декабря 2003 г. Парламентом Республики Молдова принят **Закон об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова** [9].

Концепция национальной политики Республики Молдова представляет собой совокупность принципов, приоритетных целей и задач **по интеграции и консолидации единого поликультурного и многоязычного народа Республики Молдова путем приведения общенациональных интересов в соответствие с интересами всех этнических и языковых сообществ страны.**

В соответствии с Концепцией свободное развитие культур различных этнических и языковых сообществ в Республике Молдова является реальностью, успешно способствующей становлению и развитию общего духовного пространства и общего культурного наследия Молдовы. Важнейшим приоритетом государства является сохранение этого общего наследия. **Этническое, культурное и языковое многообразие, взаимная терпимость и межэтнический мир являются главным достоянием Молдовы.**

Концепция национальной политики Республики Молдова

содержит основные направления, принципы, цели национальной политики, а также конкретные задачи в политической, государственно-правовой, социально-экономической сферах, в сфере образования, культуры и воспитания, во внешнеполитической сфере. В этом документе, направленном на укрепление молдавской государственности, впервые **официально зафиксировано, что Республика Молдова – многонациональное государство** [9].

2. Сбои в политике мультикультурализма и угрозы ее реального сворачивания...

Однако к середине нулевых, при второй легислатуре В.Воронина, стали усиливаться негативные явления в сфере межэтнических отношений, многие проблемы перестали эффективно решаться, политика мультикультурализма стала давать сбои. Специалисты в сфере межэтнических отношений, в частности, отмечали: “начиная с 2004 года, в этой области наблюдается значительный регресс. Каких-либо новых практических мер в период 2004 – 2009 гг. предпринято не было. Достижения, накопленные в предыдущие годы, не получили дальнейшего развития, более того, они всё более сводятся на нет» [10]. С приходом же к власти АЕИ-1, а затем и АЕИ-2 политика мультикультурализма вообще де-факто стала сворачиваться. Приведу некоторые факты на этот счет.

2.1. Статус молдавского языка в качестве государственного языка в РМ еще не получил своего всестороннего воплощения. Ни Правительство, ни Бюро межэтнических отношений, ни Генпрокуратура данные нарушения не волнуют. Кроме того, виновато в сложившейся ситуации и Министерство просвещения, которое в течение многих лет с позиции постороннего только наблюдает за тем, как год за годом из вузов выходят специалисты (из русских групп), свободно не владеющими государственным языком. А между тем, мы еще 17 лет тому назад предлагали внедрить в вузах дифференцированный подход к изучению государственного языка студентами из русских групп: те из них, кто поступают в вуз с плохим знанием государственного языка, изучают его в вузе 6 семестров и сдают государственный экзамен; а те, кто более или менее знают его, изучают его 3 семестра. Затем и те и другие - соответственно с 3-го курсов - на добровольной основе и по собственному выбору изучают несколько предметов по специальности на государственном языке. И наконец, Министерство

просвещения должно четко определить 2 ясные задачи: выпускники лицеев, гимназиев, средних школ с русским (украинским, гагаузским, болгарским etc) языком обучения должны, как минимум, понимать и разговаривать на государственном языке; а выпускники вузов - в совершенстве владеть государственным языком, в том числе и писать на нем[11, с.610 – 612].

2.2. В РМ вопреки закону проводится политика сужения ареала функционирования русского языка в официальной, публичной сфере, которая проявляется в том, что:

А) Сплошь и рядом, когда русскоязычные граждане обращаются со своими заявлениями на русском языке во многие министерства, органы прокуратуры, внутренних дел, муниципальные (в первую очередь, генеральную примэрию Кишинэу) и районные органы власти, другие властные структуры, то получают ответы, вопреки ст. 6 Закона, на молдавском языке; Б) Столь же массовым и не менее болезненным является (за исключением АТО Гагаузия и района Тараклия) для сотен тысяч русскоязычных граждан, особенно третьего возраста, нарушение ст. 29 Закона, согласно которой любая визуальная информация, представленная населению республики, оформляется на государственном и русском языках. Данное правонарушение стало носить обвальный характер после пресловутого Постановления Конституционного суда от 30 мая 2002 г. N 28. И в настоящее время визуальная информация висит, как правило, только на молдавском языке, вследствие чего десятки тысяч русскоязычных стариков и старушек “тыкаются носом”, как слепые котята, в социальных учреждениях - поликлиниках, больницах, органах социальной защиты, в органах МВД, прокуратуры, на транспорте и связи; Каких-либо решений органов местного публичного управления об оформлении визуальной информации на русском и других языках, в частности, в районах с компактным проживанием национальных меньшинств, принято не было. В соответствии с Законом о защите прав потребителей, принятом в марте 2003 г., вся информация, в том числе устная, о продуктах, услугах, предлагаемых потребителям, должна быть представлена на молдавском языке или на молдавском языке и одним из языков международного общения. Данное положение исключило обязанность – опять таки вопреки Закону - предоставления информации о товарах и на русском языке, наряду с государственным[12].

Вышеприведенные (и еще ряд других) факты неопровержимо свидетельствуют о том, что ареал функционирования русского языка в официальной, публичной сфере неуклонно сужается, что русский язык, как второй язык межнационального общения с многочисленными публичными функциями и с особым официальным статусом, закрепленным в органическом законе и защищаемым в ст. 13 (2) и 13 (4) Конституции РМ, вытесняется из официальной сферы.

Д) Однако, и это только “цветочки”. Дело в том, что исполнение ст. 6 Закона в части русского языка зависит от того, в какой мере владеют русским языком государственные служащие. В силу естественной ротации кадров и коварной образовательной политики последнего десятилетия на смену чиновников, хорошо владевшими русским языком, приходит молодежь, из числа мажоритарного этноса, которая знает русский язык все хуже и хуже. А происходит подобное потому, что в системе среднего образования в РМ обучение русскому языку в молдавских школах поставлено таким образом, что большинство их выпускников знают его плохо: **русский язык начинают изучать с 5-го класса по 2 часа в неделю, а иностранный язык, для сравнения, изучается со 2-го класса по 3 часа в неделю.**

Именно в этом и состоит коварство национальной системы образования, ибо она автоматически приводит к ситуации, когда большая часть выпускников молдавских средних школ не соответствует требованиям (изложенных в ст. 7 Закона), которые предъявляются к госслужащим (знание обоих языков межнационального общения), а, следовательно - неизбежно нарушение гражданских прав русскоязычных нацменьшинств, закрепленных в ст. 6 Закона (право выбора языка общения). Дискриминация, которая будет осуществляться не по злой воле чиновников, не из-за саботажа ими требований закона вследствие своего радикал-национализма, как происходит сейчас, а волей - неволей, из-за слабого знания русского языка.

Итак, **налицо вопиющий разрыв между нормами закона и действительностью, их воплощением в жизнь: с одной стороны, русский язык, согласно пп. (2) и (4) ст. 13 Конституции РМ и статей 3, 6, 7, 9-11, 17-22, 25 и 27-29 органического Закона о функционировании языков уже имеет особый официальный статус языка межнационального общения и особый, привилегированный режим функционирования в публичной сфере; более того, русский язык, по сути дела, уже является “полугосударственным” языком РМ.**

С другой стороны, ареал функционирования русского языка неуклонно сужается, статус и режим функционирования его систематически нарушаются, прежде всего, статьи 6, 27, 28, 29.

2.3. В РМ в течение уже многих лет выдаются официальные документы - акты гражданского состояния, - в которых отсутствует графа “отчество”, что грубо нарушает право национальных меньшинств (закрепленное в Рамочной конвенции о защите нацменьшинств и национальном законодательстве). Более того, русскоязычные нацменьшинства, при этом, открыто и нагло (более мягкого слова не существует) дискриминируются: когда они просят в соответствии с законом выдать им, к примеру, свидетельство о регистрации брака с графой “отчество”, то им предлагают написать заявление об утере оригинала, затем заплатить дополнительно в банк определенную сумму (в 2004 году она равнялась 11 лей[11, с.612 – 616].

2.4. Существующая система образования нуждается в дальнейшем развитии. В настоящее время нерешёнными, по мнению эксперта в области межэтнических отношений И.Пивовара, остаются следующие вопросы: только учащиеся школ с русским языком обучения имеют возможность изучать украинский, гагаузский и болгарский языки. Учащиеся, принадлежащие к национальным меньшинствам (украинцы, гагаузы, болгары) и получающие образование на молдавском языке, не имеют возможности изучать язык своей национальности; количество школ с изучением украинского языка явно не достаточно: в настоящее время только примерно 1/4 детей украинцев имеет возможность изучать украинский язык и литературу в доуниверситетских учебных заведениях; в населённых пунктах с компактным проживанием украинцев, где не изучается украинский язык, изучается предмет «История, культура и традиции русского народа». Данное обстоятельство негативно влияет на этническое самосознание украинцев; в Молдове отсутствует практика многоязычного обучения (на родном, молдавском, русском и иностранном); отсутствует практика изучения истории, культуры и традиции ромов, а также языка романи. Одним из наиболее проблемных вопросов является изучение молдавского языка в доуниверситетских учебных заведениях. Выпускники школ и лицеев населённых пунктов с компактным проживанием национальных меньшинств во многих случаях не владеют молдавским языком на достаточном уровне. Так, например, в конце нулевых годов только 30% национальных меньшинств владело молдавским языком (украинцы – 40%, русские – 35%, гагаузы –

12%, болгары – 35%). Государственный язык практически не изучается в высших учебных заведениях (чаще только в рамках первого года обучения). Методика преподавания государственного языка в школах несовершенна. В школах с русским языком обучения государственный язык преподается не по методике, используемой для обучения иностранному языку (каким он по сути дела является для нацменьшинств), а как родному [10].

2.5. Участие в процессе принятия решений, кадровая политика нашего государства, как и десять и 20 лет тому назад, все еще ущемляют право национальных меньшинств **на примерно пропорциональное представительство** в структурах исполнительной и судебной властей всех уровней, в армии, органах правопорядка, закрепленное в ст. 24 Закона о правах лиц, принадлежащих к нацменьшинствам[4, с. 87]. ПКРМ в свое время сделала первый шаг, приняв данный закон. Однако с тех пор ситуация в данной сфере резко ухудшилось. Особенно в высших эшелонах всех ветвей власти.

В Республике Молдова отсутствуют какие-либо **специальные механизмы, которые бы обеспечивали реальное представительство национальных меньшинств в органах власти**, что, де-факто, сводит к нулю гарантии, предусмотренные законодательством. Точно также **не существует реального механизма учёта мнения национальных меньшинств**. Отсутствует и обязательство органов власти учитывать мнение национальных меньшинств в процессе принятия решений. Так, лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, представлены в Парламенте Республики Молдова (их количество постоянно варьировалось и составляло до выборов 29 июля 2009 г. около 20%). Однако представительство национальных меньшинств в законодательном органе зависит исключительно от решения политических партий относительно включения либо не включения данных лиц в избирательные списки. Каких-либо квот для национальных меньшинств либо иных механизмов законодательством не предусмотрено. Представители национальных меньшинств, представленные в Парламенте, ограничены в своих действиях программами и уставами партий и внутрифракционной дисциплиной. Кроме того, они не несут ответственности перед соответствующими этническими сообществами, так как не делегированы ими. Точно также, не предусмотрено законодательством каких-либо механизмов реального обеспечения представительства национальных меньшинств в органах центральной исполнительной власти, а

предусмотренный законодательством механизм конкурсного отбора при поступлении на государственную службу фактически не работает. В соответствии с оценочными данными, процент национальных меньшинств в структуре центрального публичного управления очень низок, в несколько раз ниже их доли в составе населения. И чем выше уровень власти, тем этот процент ниже.

Несколько лучше ситуация с представительством национальных меньшинств на уровне местной власти. Хотя и здесь каких-либо механизмов реального обеспечения представительства национальных меньшинств законодательством не предусмотрено. Все зависит от доброй воли и здравомыслия лидеров тех или иных партий. Тем не менее, национальные меньшинства представлены в той или иной мере в местных советах (районных, городских, сельских) регионов, где они составляют значительную часть населения. Что же касается представительства национальных меньшинств в структуре исполнительных органов местной публичной администрации, то оно, опять-таки, не является примерно пропорциональным[10; 16].

Начиная с середины нулевых постоянно сужаются механизмы, обеспечивающие участие национальных меньшинств в процессе принятия решений. В период с 2001 по 2009 годы были упразднены следующие консультативные органы: Комиссия по межнациональным отношениям при Президенте Республики Молдова, Парламентская комиссия по правам человека и национальным меньшинствам (вновь восстановлена), гарантированное представительство национальных меньшинств в составе Наблюдательного совета телерадиоорганизации Компания «Телерадио-Молдова». Была ликвидирована должность заместителя министра просвещения – представителя национальных меньшинств, курирующего вопросы образования национальных меньшинств, а также Управление по вопросам образования национальных меньшинств Министерства просвещения. В настоящее время при Бюро межэтнических отношений в качестве консультативного органа действует Координационный совет этнокультурных организаций. В состав совета входят руководители этнокультурных общественных организаций национальных меньшинств со статусом республиканских объединений. Однако постоянно действующий механизм консультирования с Координационным советом отсутствует. Нет реального учёта мнения национальных меньшинств органами власти, а также механизма влияния на принимаемые властью решения.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что, по сути дела, к настоящему времени в РМ установлен этнократический режим.

2.6. В Молдове **отсутствуют механизмы поддержки издания средств массовой информации на языках национальных меньшинств**. Так, периодические издания на украинском и болгарском языках выходят от случая к случаю, в зависимости от финансовых и организационных возможностей этнокультурных организаций.

Одним из острых вопросов является проблема языков теле- и радиовещания. До 2006 года в Молдове действовал Закон о телевидении и радио. Он предусматривал, что не менее 65% передач, вещаемых на территории республики, должны транслироваться на государственном языке. В то же время, данное положение не распространялось на станции, вещающие на территориях, где компактно проживают нацменьшинства. Под эту формулировку попадали Кишинев, Бельцы, некоторые районы республики.

После принятия в 27 июля 2006 году Кодекса телевидения и радио Республики Молдова, вступило в силу положение о том, на 1 января 2007 года не менее 70% передач, подготовленных на территории Молдовы, должны осуществляться на государственном языке, а с 1 января 2010 года их доля должна составлять не менее 80% (статья 11[3]. Данное положение не касается тех регионов, где нацменьшинства составляют большинство населения[13]. Вместе с тем из этого положения следует, что в Кишиневе (национальные меньшинства составляют около 190 тыс. чел. – 26%[14] и даже в Бельцах (национальные меньшинства составляют около 58 тыс. чел. – 46%[15], не могут быть созданы теле и радиостанции, вещающие большую часть передач на языках национальных меньшинств. Полагаем, что указанное положение Кодекса является дискриминационным.

2.7. Одной из основных причин указанных нарушений и сбой в политике мультикультурализма является плохой контроль действующего законодательства со стороны соответствующих государственных структур. Так, **парламентская комиссия по правам человека и национальным меньшинствам** неудовлетворительно осуществляет контроль исполнения законов” *О функционировании языков на территории Республики Молдова*” и “*О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организации*”. Кроме того, в 2004-2008 годах данная Комиссия являлась ответственной

за осуществление постоянного контроля за выполнением Национального плана действий в области прав человека. Из основных 17 пунктов Плана, касающихся обеспечения прав национальных меньшинств, 12 выполнено не было [10]. **Бюро межэтнических отношений**, основной орган центрального публичного управления, находящегося в подчинении Правительства и являющийся главным инструментом реализации государственной политики в области межэтнических отношений, ограничен в своих полномочиях, а те из них, которые у него есть, используются весьма слабо. Бюро слабо контролирует исполнение соответствующих законов, а при выявлении нарушений - пассивен, малоэффективен. Начиная с середины нулевых, Бюро сводит свою работу в основном к проведению различных культурных мероприятий (что само по себе важно), вычеркнув серьезную работу в области межэтнических отношений из своих приоритетов.

Наряду с этим и Генпрокуратура отказывается выполнять свои конституционные обязанности и привлекать к ответственности нарушителей закона о функционировании языков. Статья 351 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях *“Несоблюдение Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова”* является “мертвой”, неработающей, несмотря на массовые нарушения Закона о функционировании языков как в части молдавского, так и в части русского языков. Кроме того, в упомянутом Кодексе отсутствует ясный и эффективный механизм привлечения к ответственности нарушителей данного закона. И если Прокуратура отказывается возбуждать дело об административном правонарушении, то ни Бюро межэтнических отношений, ни кто-либо другой подавать в суд по закону не имеет права и возможности [11].

Другой причиной является то обстоятельство, что к стыду законопослушных граждан, даже Парламент РМ и Правительство РМ порой позволяют себе игнорировать положения Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова при принятии правовых актов, а также в повседневной деятельности.

2.8. Состояние межэтнических отношений в РМ, претворение в жизнь политики мультикультурализма зависит не только от степени решения языковых и этнокультурных проблем молдаван и национальных меньшинств. Оно в немалой мере зависит также от: **1) понимания мажоритарным этносом всех особенностей общества Молдовы, вытекающих из его полиэтнического характера**, с одной

стороны и 2) меры адаптации и интеграции нацменьшинств в жизнь независимой и демократической Республики Молдова.

Первый момент имеет, несомненно, большое значение. Ему власти независимой РМ практически не уделяют никакого внимания. Первый шаг в этом направлении был сделан 10 лет тому назад с принятием Концепции национальной политики и с формулированием положения о РМ как многонациональном государстве. Но в целом ситуация в этом плане удручающая - большинство госслужащих, почти весь актив политических партий из стана “национал-демократов”, почти вся студенческая молодежь из числа мажоритарного этноса очень плохо знают и Закон о функционировании языков (в частности, крайне плохо осведомлены об особом официальном статусе русского языка), и Закон о правах лиц, принадлежащих к нацменьшинствам. Поэтому, кроме всего прочего, необходимо вести систематическую разъяснительную работу через СМИ (вместе с деятелями культуры, педагогами) о правах и свободах нацменьшинств, согласно международным стандартам, в соответствии с Рамочной конвенцией о защите нацменьшинств и национальным законодательством.

Еще большее значение имеет **стратегическая политика властей по адаптации и интеграции нацменьшинств**. В этом отношении в РМ сделано больше, чем по первому аспекту. Однако Программа по реализации Концепции национальной политики со сменой власти перестала выполняться. И в настоящее время по указанной политике ничего не делается. Не касаясь всех аспектов решения данной проблемы, отмечу только один момент: при всей важности овладения молодежью из числа нацменьшинств молдавским языком, **сверхзадачей интеграции должно стать формирование у нее патриотического чувства к Республике Молдова и уважения традиций и культуры мажоритарного этноса**. С этой целью, к примеру, СМИ должны готовить материалы о дружбе, сотрудничестве, совместной борьбе этносов Молдовы в прошлом, о роли молдаван в истории Украины, России, Болгарии etc., с одновременным показом роли украинцев, русских, гагаузов, болгар, евреев, армян, цыган etc. в истории Молдовы. Эти же материалы должны включаться и в курс Отечественной истории. В идеале - в прозу и поэзию, в искусство. (Как, например, это делают североамериканцы в своих фильмах, где очень часто белые дружат с черными).

Решать, повторяю, необходимо оба аспекта проблемы, с тем, чтобы, в конечном счете, “рядовой” молдаванин воспринимал бы

украинца, русского, гагауза, болгарина, цыгана, еврея etc. - гражданина РМ, не в качестве “чужого”, представителя иной культуры, “пришельца” из другой страны (или, тем более, в качестве “оккупанта”, как это происходило порой на рубеже 80-90-ых годов по вине национал-радикалов), а в качестве “своего”, как равноправного соотечественника со своим родным языком, культурой, обычаями; в большинстве своем владел русским языком. В свою очередь, “рядовой” украинец, русский, гагауз, болгарин, цыган, еврей, представители других нацменьшинств Молдовы воспринимал бы Республику Молдова как свою Родину, знал ее драматическую историю, уважал культуру и обычаи молдаван, владел в большинстве своем в совершенстве государственным языком. В противном случае будут сосуществовать, мало пересекаясь, молдавское и русское языковое и множество культурных сообществ, периодически создавая межэтническую напряженность, а иногда даже “высекая искры” тех или иных конфликтов. Именно поэтому возврат к политике мультикультурализма и последовательное претворение его в жизнь является не только важнейшим фактором реинтеграции страны, но и гарантией ее суверенной государственности.

Литература

1. Мультикультурализм// <http://clck.ru/8blRm> . Посетил 21.03.2013.
2. Суконкина Т. Н. Феномен мультикультурализма в современном обществе// <http://clck.ru/8blS8> . Посетил 22.03.13. См. также Чандрен Кукатас. Теоретические основы мультикультурализма// <http://inliberty.ru/library/study/327/> . Посетил 21.03.2013.
3. Политология: Учебник по специальности международные отношения: В 2-х томах. Том 1./Коорд.: Валерий Мошняга и др. – Кишинэу: СЕР USM, 2008. – 520 с.
4. Departamentul Relațiilor Interetnice al Republicii Moldova: Documente, date, fapte, comentarii. - Ch.: Editura Cartea Moldovei, 2003. – 230 с.
5. Юридический справочник по вопросам межэтнических отношений/ Ассоциация демократии участия”Adept”. – Кишинэу:2001. – 136 с.
6. Закон РМ № 344 от 23.12.1994 “Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)” <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view =doc&lang=2&id=311656>.Посетил 24.03.13.
7. Interethnic relations in Moldova//Relații interetnice în Moldova // Общая информация о межэтнических отношениях в республике Молдова// <http://interethnismoldova.wordpress.com/general-info/> Посетил 22.03.13.

8. Гончарова О. Государственная политика по защите прав национальных меньшинств// Независимая Молдова. 2006.08.01. См. также - <http://www.nm.md/daily/article/2006/08/01/0304.html>. Посетил 23.03.13.
9. Закон РМ № 546 от 19.12.2003 “Об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова” // <http://clck.ru/8blSG>.Посетил 24.03.13.
10. Игорь Пивовар *Права нацменьшинств в Молдавии*/ <http://www.moldovanova.md/ru/publications/show/103/> . Посетил 23.03.13.
11. Памятная записка от 9 декабря 2004 г. Э.Г.Волкова Президенту РМ В.Н.Воронину “О состоянии межэтнических отношений в Молдове// Mircea Snegur - Эдуард Волков: Откровенные диалоги – Ch.: Fundația Draghietea, 2007. – 852 с.
12. Закон РМ № 105-XV от 13/03/2013 “О защите прав потребителей” - <http://text.md/zakon-o-zashhite-prav-potrebitelej>. Посетил 24.03.13.
13. Кодекс Телевидения и Радио Республики Молдова от 27 июля 2006 года №260-XVI// http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=13869 .Посетил 24.03.13.
14. Население Кишинева// <http://clck.ru/8blRk> .Посетил 24.03.2013.
15. Население Бельц// <http://clck.ru/8blS2>.Посетил 24.03.2013.
16. Доклад о соблюдении прав человека в Республике Молдова в 2010 году // <http://do.gendocs.ru/docs/index-348015.html?page=2>. Посетил 24.03.2013.

evolcov@yandex.com

RELAȚII INTERNAȚIONALE: ABORDĂRI ISTORICO-FILOSOFICE

FILOSOFIA RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE: STATUTUL SOCIAL, SEMNIFICAȚIA PRACTICĂ

Ludmila ROȘCA, *doctor habilitat în filosofie, IRIM*

Rezumat

În articolul *Filosofia relațiilor internaționale: statutul social, semnificația practică*, autorul evidențiază: premisele teoretice, categoriile, domeniile cu care filosofia relațiilor internaționale întreține relații de interdependență – teoria, ideologia, axiologia și metodologia politică, teoria relațiilor internaționale, dreptul internațional, economia mondială. Sunt descifrate funcțiile noului domeniu de cercetare: cognitivă, axiologică, educativă, formativă. O atenție sporită se acordă categoriilor: suveranitate, stabilitate dinamică a sistemelor politice, interes național, dreptate socială, pace, forță, violență, toleranță, cultura păcii etc.

Cuvinte-cheie: filosofie practică, filosofie politică, filosofia relațiilor internaționale, suveranitate, stabilitate dinamică, interes național, dreptate socială, pace, forță, violență, toleranță, cultura păcii.

PHILOSOPHY OF INTERNATIONAL RELATIONS: SOCIAL STATUS, PRACTICAL SIGNIFICANCE

Ludmila ROSCA, *Ph. D. in Philosophy, IRIM*

Abstract

In the article Philosophy of international relations: social status, practical sig-

nificance, the author emphasizes: theoretical premises, categories, areas with which the philosophy of international relations has interdependent relations – the political theory, ideology, axiology and methodology, the theory of international relations, international law, global economy. The functions of the new area of research are explained: cognitive, axiological, educational, training. An increased attention is paid to the categories: sovereignty, dynamic stability of political systems, national interest, social justice, peace, force, violence, tolerance, culture of peace etc.

Keywords: practical philosophy, political philosophy, international relations philosophy, sovereignty, dynamic stability, national interest, social justice, peace, force, violence, tolerance, culture of peace.

Introducere. Din timpuri străvechi filosofia este preocupată de problematica umană, de condiția existențială a omului, de descifrarea facultăților și capacităților lui cognitive și creative, de relațiile ce-i permit să-și satisfacă ființa socială. Relațiile internaționale se dezvoltă ca formă particulară a relațiilor interumane. Relațiile interumane s-au dezvoltat din necesitatea auto-realizării și auto-afirmării ființei umane[1]. Relațiile inter-umane sunt cunoscute ca relații sociale și studiate ca relații politice, economice, familiale, culturale, confesionale etc. Toate formele relațiilor sociale se conturează în societatea organizată sub aspect politic. Actualmente, filosofia practică influențează în mod direct viața și activitatea omului, a omenirii. Complexitatea problemelor cu care se confruntă societatea contemporană conduce la departajarea de la filosofie a mai multor domenii de investigare teoretico-practică, printre care poate fi regăsită și filosofia relațiilor internaționale. Idei, concepte, categorii, metode filosofice, utilizate de specialiștii în meta-domeniul RI, erau definite/ explicate/ interpretate de filosofia politică. Axa investigațiilor realizate de specialiștii în domeniul filosofiei politice o constituie relațiile sociale atestate în cadrul statului națiune. Actualmente, meta-domeniul RI și-a lărgit considerabil structura, cuprinzând și activitățile/influențele corporațiilor internaționale/multinaționale, băncilor, structurilor economice internaționale, partidelor politice, organizațiilor neguvernamentale etc.

Scopul acestei investigații vizează definirea statutului social al filosofiei relațiilor internaționale ca disciplină autonomă. Reieșind din faptul că filosofia politică este preocupată de analiza condițiilor afirmării dreptății sociale în relațiile dintre conducători și conduși, dintre diferite grupuri sociale, ne propunem să evidențiem particularitățile acestui proces în relațiile dintre state, dintre instituțiile și organizațiile internaționale. În realizarea scopului propus o semnificație aparte o are analiza premizelor teoretice a filosofiei relațiilor internaționale și a similitudinilor, diferențelor dintre politica internă și externă a statelor lumii contemporane.

Metodele aplicate în realizarea studiului și a obiectivelor acestuia: analogia, analiza de conținut, studiul comparat. Pe parcursul expunerii rezultatelor investigației vom reveni la analogia dintre relațiile interumane și cele dintre statele contemporane, care de altfel sunt susținute tot de oameni – conducători, lideri ai partidelor politice, organizațiilor neguvernamentale. Analiza de conținut aplicată cu referire la teoriile contractuală și conflictuală a genezei politicului, la fenomenele: suveranitate, stabilitate dinamică a sistemelor politice, interes național, dreptate socială, pace, forță, violență, coerciție, toleranță, cultura păcii etc. Studiul comparat este aplicat în scopul definirii specificului/originalității filosofiei relațiilor internaționale care se dezvoltă din politologia comparată, teoria, ideologia, axiologia și metodologia politică, teoria relațiilor internaționale.

Trecerea omului de la modul natural de existență la cel social, politic este explicată de filosofi în mod diferit. Este evident faptul că statul apare în urma schimbărilor cantitative și calitative, atestate în existența și conștiința individului. Interpretarea cauzelor ce au determinat apariția statului a condus la sistematizarea mai multor teorii despre relațiile politice, mai răspândite fiind: teoria conflictuală și contractuală sau a cooperării. Acestea reprezintă și premisele teoretice ale filosofiei relațiilor internaționale.

Teoria contractuală reiese din caracteristica omului primitiv ca ființă blândă, timidă, inofensivă, care dorește să-și cunoască semenii, să comunice cu ei. În acest sens, explică geneza politicului, a relațiilor interumane, Confucius, autorul teoriei patriarhal-paternaliste despre stat. Confucius își propune ca obiectiv al activității instructiv-educative: diminuarea violenței în toate formele relațiilor interumane, inclusiv în cele internaționale, pronunțându-se împotriva războiului. Un aforism cunoscut al lui Confucius ne transmite mesajul: *E rău acel împărat în timpul domniei căruia a rămas pe câmpul de luptă măcar un supus*[2]. Din secolul V î.e.n. putem vorbi despre răspândirea afirmațiilor, apreciate astăzi ca concepte ale filosofiei politice, a filosofiei relațiilor internaționale. Mai mult ca atât principiile și valorile eticii sociale, promovate de Confucius, sunt reflectate astăzi de axiologia politică. Este vorba despre conceptul moderației și al dreptății sociale (ce ție nu-ți place altuia nu-i face și mijlocul de aur), care în societatea democratică rămân obiective ale socializării și instruirii politice a cetățenilor. Un aport considerabil îl aduce Aristotel în explicarea genezei statului, în definirea omului ca ființă politică, în elaborarea conceptului dreptății sociale, în clasificarea conflictelor/răscoalelor, în aprecierea stabilității sistemului politic etc.

În epoca modernă au fost justificate tezele în conformitate cu care

omul este o ființă socială, iar pentru a-și satisface necesitățile are nevoie de ceilalți. Nevoile tuturor membrilor unei comunități umane se pot satisface în baza relației de schimb. În lucrarea *Emil*, J. J. Rousseau menționa: „Trebuie ca fiecare să știe ce au alții din ceea ce îi folosește lui și ce poate să le dea el în schimb”. În continuare J. J. Rousseau explică cum 10 oameni pentru a-și satisface trebuințele se angajează să-i deservească pe ceilalți, în așa fel devenind utili[3]. În același spirit explică relațiile interumane economistul Adam Smith, în lucrarea *Limitele puterii*, menționând: „Omul are, aproape întotdeauna, nevoie de ajutorul semenilor săi și în zadar va aștepta acest ajutor numai de la bunăvoința lor. Va reuși, mai degrabă, dacă va putea să le intereseze dragostea de sine în favoarea sa, arătându-le că este în avantajul lor să facă pentru el ceea ce le cere. Oricine propune cuiva un târg sugerează să se procedeze în acest fel. Dă-mi ceea ce doresc eu și vei căpăta ceea ce dorești tu”[4, p.38]. În continuare Adam Smith explică un fenomen social-politic: satisfacerea interesului public prin satisfacerea intereselor individuale. La baza relațiilor politice, a acțiunii politice stă interesul individual, de grup, public. „Urmărindu-și interesul său, el (individul – L.R.) adeseori promovează interesul societății mai eficient decât atunci când intenționează să-l promoveze”[4, p.40]. În concluzie, putem afirma că modelul cooperării al relațiilor interumane, internaționale ne sugerează că un individ/un grup social prin activitatea desfășurată urmărește satisfacerea propriilor interese, dar pentru satisfacerea lor are nevoie de cooperare, iar prin aceasta se realizează și interesul public.

Un suport teoretic găsește interpretarea cooperatistă în opera lui Hegel, în care rațiunea și pasiunea, obiectivul și subiectivul se împletesc armonios: acțiunile oamenilor pornesc din necesități, pasiuni, interese, caracteristicile și talentele lor, dar aceste acțiuni colective conduc la un rezultat social rațional, pozitiv în general (obiectiv); satisfacerea pasiunilor individuale „contribuie la crearea edificiului societății omenești”. Un stat puternic, menționa Hegel, este un stat care îmbină armonios scopurile subiective ale cetățenilor săi cu cele obiective urmărite la nivel global; un stat este bine organizat și puternic în sine atunci când îmbină scopul său general cu interesul particular al cetățenilor [5].

O consecință politică importantă a modelului cooperării este aceea că fiecare om/grup social își urmărește interesele proprii, dar pentru satisfacerea lor are nevoie de cooperare, iar prin aceasta se realizează și interesul public. Democrația parlamentară este un sistem de reprezentări și promovare a intereselor particulare din care se deduce și interesul general (interesul public se confundă cu interesul majorității). Și la nivelul relațiilor internaționale nevoia de cooperare este resimțită în toate domeniile sistemului social global.

Modelul conflictual este expus în lucrările lui Nicollo Machiavelli și ale lui Tomas Hobbes. Nicollo Machiavelli afirma că Principele trebuie să cunoască realitatea faptelor, relațiile și necesitățile sociale. Acțiunea politică și realitățile concrete, în opinia lui N. Machiavelli, sunt prioritare în raport cu imperativele iluzorii. În acest sens N. Machiavelli sublinia: „Dorind să scriu ceva folositor pentru cine se pricepe, mi s-a părut mai potrivit să merg direct la adevărul real al lucrului, decât la închipuirea lui (căci mulți și-au imaginat republici și principate care nu s-au mai văzut, nici cunoscut în realitate), deoarece este atâta deosebire între felul în care se trăiește și acela în care ar trebui să se trăiască, încât acela care lasă ceea ce se face pentru ceea ce ar trebui să se facă, își pregătește mai degrabă ruina, decât apărarea” (Principele, Capitolul XV). Libertatea oamenilor depinde de puterea instituțiilor de stat care sunt garantul tuturor libertăților prin aplicarea unitară a legii. Revoltele și tulburările sociale trebuie soluționate la nivel instituțional prin adoptarea unor legi mai bune[6].

Tomas Hobbes în lucrarea *Leviathanul*, sublinia că starea naturală a omului este cea de „război al fiecăruia contra fiecăruia”. Această stare este un rezultat al acțiunilor indivizilor care caută să obțină întotdeauna ceea ce este bun și bine pentru sine. Scopul ultim al activității umane este păstrarea și conservarea propriei vieți. Conflictul continuu între oameni exprimă efortul fiecărui om de a-și proteja propria viață prin eliminarea pericolului pentru sine, prin eliminarea posibilității ca un altcineva să mai fie capabil să atace. Prin „legile naturale” sunt impuse constrângeri exterioare pe calea rațiunii care conduc la formarea unei păci eterne între oameni. Omul acceptă aceste legi/constrângeri exterioare tot datorită fricii de moarte. Războiul se va sfârși în condițiile când legile civile vor fi acceptate de fiecare individ. Contractele prin care fiecare om renunță la dreptul natural ca libertatea de a face orice trebuie să fie asigurate de instanțe capabile să le aplice. În caz contrar acestea sunt lipsite de sens și semnificație. Condiția naturală a omenirii face posibilă apariția conflictelor. Conflictele apar ca rezultat al încălcării principiului egalității. Egalitatea între indivizi este definită ca o egalitate a speranțelor. Fiecare om speră să dobândească „un bine” pentru sine și să evite cel mai puternic „rău”. Acțiunile suveranului dacă conduc la menținerea păcii sunt legitime și nu au nevoie de justificare[7].

Asimilarea conceptelor despre geneza statului, despre funcțiile instituțiilor lui, despre potențialul fiecărei forme de guvernare, despre relațiile ce se stabilesc între guvernatori și guvernați etc. - este condiția indispensabilă a cunoașterii/interpretării manifestărilor politicului la orice nivel de organizare: local, național, regional, global. În acest context, teoria politică,

care nu este lipsită de influențele ideologiei, reprezintă baza teoretică a domeniului – filosofia relațiilor internaționale, iar filosofia politică se afirmă în calitate de suport metodologic. În calitate de argument ar servi dezbaterile susținute de specialiștii în domeniul relațiilor internaționale axate pe preocupările tematice ale domeniului. Manualul de Știință politică (Oxford) în Partea a V-a *Relațiile Internaționale*, capitolul 16 - Relațiile internaționale: o perspectivă de ansamblu, elaborat de Kjell Goldmann, inițiază analiza cu interpretările statului-națiune, prezentat în calitate sa de actor al relațiilor internaționale. Aspectele evidențiate sunt: statul ca obiect de susținere; statul ca obiect de studiu; statul ca factor explicativ; stat-centrismul ca problemă empirică. Statul, în sensul său de stat-națiune, reprezintă o trăsătură definitorie a ceea ce înseamnă „ internațional”. Fără stat nu ar exista nici RI [8, p.355]. Pronunțându-se asupra statutului social al teoriei relațiilor internaționale, Kjell Goldmann subliniază: „S-a dezbătut multă vreme problema dacă RI constituie o disciplină distinctă, un subdomeniu al științei politice sau un câmp de studiu multidisciplinar (o „interdisciplină”, cum afirmau Olson și Onuf”[8, p.353]. Considerăm că RI reprezintă o disciplină distinctă, care, în scopul realizării obiectivelor cunoașterii științifice, aplică principiile: interdisciplinarității, multidisciplinarității, complementarismului, pluralismului metodologic.

Printre preocupările constante ale filosofiei relațiilor internaționale am deosebi: analiza relațiilor politice, motivația acțiunii colective a oamenilor, interpretarea conflictuală a relațiilor politice în interiorul statelor-națiuni și în relațiile dintre acestea. O temă de cercetare actuală și semnificativă a domeniului filosofia relațiilor internațională o constituie independența ca valoare politică universală. Anterior interesele umane și valorile popoarelor din statele mai mici și din colonii nu prezentau vreo importanță. Politica mondială putea să fie prezentată și analizată în termenii simpli ai intereselor statelor dezvoltate, iar statele mici trebuiau să se acomodeze. În anii 60 ai secolului al XX-lea, situația s-a schimbat dar nu într-atât, încât popoarele din statele mici să cunoască și să beneficieze de independență.

Marcele Merle menționa că în lanțul de contradicții care afectează lumea de la sfârșitul secolului al XX-lea există loc să ne gândim că de soarta statului-națiune, mai mult decât de soarta alianțelor și a raporturilor de forță va depinde viitorul relațiilor internaționale. La rândul său, jurnalistul francez J. R. Dupy, în *Anuarul Drept internațional* din 1963 sublinia suveranitatea presupune că în reglementarea diferitor probleme care se referă la soarta unui stat, acestuia nu i se poate opune o autoritate exterioară și superioară. În opinia lui J. R. Dupy, în

mod cert, suveranitatea este o noțiune politică, ea se confundă cu independența –valoare universală ce desemnează autonomia autorității de stat, ceea ce nu permite amestecul altui stat. K. W. B. Middleton în capitolul consacrat suveranității, din lucrarea *Defence of Suveranite*, statul suveran are o autoritate supremă asupra teritoriului său, incluzând spațiul aerian de deasupra și apele din jurul teritoriului său, asupra cetățenilor și persoanelor sale juridice. Statul fiind independent, adică liber de controlul oricărei autorități externe. M. Viraly își expune opinia în Anuarul francez *Dreptul internațional* din anul 1974, subliniind că suveranitatea rămâne pe deplin viabilă într-o situație de independență care impune fiecare stat să țină seama de interesele celorlalte, astfel încât să întrețină cu ele relații reciproc avantajoase. Suveranitatea este compatibilă cu solidaritatea în care se rezumă în planul principiilor juridice exigențele independenței, după cum suveranitatea exprimă cerințele independenței [9].

Conceptul despre suveranitate este unul esențial pentru democrațiile tinere și pentru clasele lor politice. Asimilarea conținutului conceptului despre suveranitatea puterii este o condiție indispensabilă a stabilității și funcționalității sistemului politic. Problemele politice cu care se confruntă clasa politică din Republica Moldova și care reies din dezmembrarea teritorială a țării sunt susținute în tensiune din cauza ignorării de către unele state a dreptului cetățenilor Moldovei la suveranitate. În acest context, se cere reactualizată teoria independenței statelor, a dreptului lor de a-și organiza și gestiona activitatea tuturor domeniilor vieții sociale. Cunoașterea conceptului de suveranitate permite elucidarea cauzelor conflictelor politice, inter-etnice, iar prin înlăturarea lor clasa politică ar reuși să creeze condiții favorabile asigurării legitimității puterii centrale [10].

Baza unității teoretice a științei politice, a teoriei relațiilor internaționale o constituie situațiile și valorile comune atât politicii interne, cât și politicii externe, din care decurg probleme comune celor două sfere. Adrian-Paul Iliescu în lucrarea: *Introducere în politologie*, evidențiază opt categorii de probleme ce fac trunchi comun celor două domenii de investigație științifică: problema normelor, forței, scopului final, „regulilor jocului”, distincției factual-normative, responsabilității, autonomiei, corelării binelui individual cu cel general. Aceste probleme au generat discuții referitoare la principiile politicii internaționale. Este vorba despre: principiul bunelor tratamente aplicate celor învinși în război (prizonierilor); principiul evitării vătămării (în cursul conflictului) a civililor nevinovați; principiul respectării independenței, compromisului și concilierii etc. Experiența relațiilor interstatale ne

oferă diverse exemple de respectare, dar și de ignorare a acestor principii, din cauza că sunt irelevante [4, p.162]. Este important să amintim că pe lângă elementele comune există și deosebiri foarte mari între politica internă și cea externă. În acest temei, unii cugetători justifică ignorarea principiilor politicii internaționale.

O treaptă importantă în dezvoltarea teoriei și respectiv filosofiei relațiilor internaționale o constituie autonomizarea politologiei comparate, domeniu preocupat de studiul țărilor străine, compararea sistemică a țărilor cu intenția de a identifica și de a explica diferențele și similitudinile dintre ele. „Noua” politică comparată pune accentul pe creștere și dezvoltare. În acest context, abordarea sistemică a politicului, permite savanților să definească factorii ce asigură echilibrul lui dinamic. Filosofia relațiilor internaționale fiind preocupată de asigurarea dreptății sociale și a redistribuirii echitabile a resurselor între state și popoare, de stabilitatea dinamică a sistemului social global, de elaborarea strategiilor supraviețuirii lumii contemporane, aplică concluziile reprezentanților neo-instituționalismului în modelarea procesului decizional, în adoptarea mecanismului cooperării actorilor interesați în soluționarea problemelor globale.

Concluzii. La moment, meta-domeniul *Relații Internaționale* și-a conturat un obiect de studiu care în afara relațiilor interstatale cuprinde relațiile atestate între actorii nestatali. Diversele oportunități integraționiste, oferite statelor naționale de către organizațiile regionale, cum ar fi pentru cetățenii Republicii Moldova: Uniunea Europeană și Uniunea Euroasiatică, trebuie analizate în baza noii metodologii, așa încât cetățenii să participe la elaborarea și realizarea practică a proiectelor respective. Complexitatea studiilor proceselor integraționiste ce caracterizează societatea contemporană influențează actualitatea, semnificația investigațiilor filosofiei politice și a filosofiei relațiilor internaționale.

În ultimele decenii ale secolului XX, tema dreptății sociale revine în agenda savanților. Impulsionarea cercetării interacțiunii dintre politic și social la nivel sistemului politic național, al structurilor regionale și globale, a determinat savanții H.Arendt, N.Fraser, Rawls, Nozick să se implice în discuții, în rezultatul cărora a fost elaborat conceptul dreptății sociale, conform căruia: este drept orice model de distribuție ce apare din transferul liber al deținerilor inițial legitime; oportunități egale în acordarea pozițiilor, inegalitatea socială trebuie să fie avantajoasă celor săraci (statelor subdezvoltate). Savanții au elaborat recomandări guvernanților, justificând necesitatea unei intervenții în asigurarea libertății, egalității sociale și

economice a omului contemporan. În baza acestor investigații ar putea fi elaborate noi modele de redistribuire echitabilă a resurselor de pe Terra, așa încât în secolul tehnologiilor avansate omul să nu moară sau să ducă lipsă de alimente, apă potabilă, lucruri de primă necesitate.

Referințe bibliografice

1. Roșca L. Relații umane – relații internaționale: interinfluențe socio-culturale/ / Relații Internaționale – domeniu specific de activitate intelectuală. Contribuția instituțiilor de profil. Materialele Conferinței științifico-practice internaționale, consacrate aniversării a X-a a Institutului de Relații Internaționale din Moldova, 2 aprilie 2013. – Chișinău: Tipogr.”Print-Caro”, 2013, 446 p., P. 35-44
2. Clements J. Confucius. O biografie. Traducere de Lena Călinoiu. – București: BIC ALL, 2004, 144 p.
3. Rousseau J.J. Contractul social. – Iași: Editura Minerva, 1996
4. Se citează după: Adrian Paul Iliescu, Introducere în politologie.- București: BIC ALL, 2002, 184 p. P. 42 – 54 (Adam Smith, Limitele puterii)
5. Hegel, Introducere la Prelegeri de filosofie a istoriei. – București: Editura Academiei, 1968
6. Machiavelli N. Arta războiului. – București: Editura Antet, 2000
7. Hobbes T. Elementele dreptului natural și politic. – București: Editura Humanitas, 2005
8. Manual de Știință Politică. Oxford. Coordonatori: Robert E. Goodin, Hans-Dieter Klingemann. Traducere de Irina Ana Kantor, Ileana Cristina Staruș, Romana Careja, Mirela Nemeș, Andreea-Ioana Cozianu, Olivia Todorean, Cosmin-Gabriel Marian– Iași: Polirom, 2005, 735 p.
9. Voiculescu M. Tratat de politologie. – București: Editura Universitară, 2002, 445 p.
10. Roșca L. Conceptul despre suveranitate: istorie și contemporanietate// Anuar Științific, Vol. VII-VIII.- Chișinău: IRIM (Tipogr.”Print-Caro”), P.149-160

rosca@irim.md

HIPERMEDIA ȘI CULTURA INDUSTRIILOR EDUCAȚIEI ÎN PROCESUL DE ÎNVĂȚARE MULTIDIMENSIONALĂ

Carolina DODU-SAVCA, *doctor în filologie, IRIM*

Rezumat

Articolul tratează un imperativ din contextul educațional contemporan – fuziunea ofertei educaționale formale cu oferta non formală. Fuziune, care semnifică metodologiile de instruire tradiționale generos recompensate de mijloacele multi-/hipermedia. În primă instanță, se subliniază implicarea TIC hipermedia în procesul de predare-învățare. Se sugerează că toți actorii sistemului educațional ar trebui să trateze această fuziune metodic și să nu se adopte o atitudine de sacralizare a acestora. În ultimă instanță, se subliniază că integrarea ofertei hipermedia în cursul universitar este doar un **declanșator** al instruirii active, independente și imaginative.

Cuvinte-cheie: industrii educaționale, hipermedia și formare universitară continuă, conținuturi multimedia pedagogizate, "noile pedagogii", resurse pedagogice numerice.

HYPERMEDIA AND (INTER) CULTURAL AND CREATIVE EDUCATIONAL INDUSTRIES IN MULTIDIMENSIONAL LEARNING

Carolina DODU-SAVCA, *Ph. D. in filology, IRIM*

Abstract

The article considers the merge of the formal with the informal education, where the traditional learning methods are currently rewarded by the multi-/hypermedia means. Firstly, it states that hypermedia technologies are actually

scoring high implication in the teaching-learning process. Secondly, it suggests that the actors of the education system should treat this merge methodically. Finally, it points out that the use of hypermedia in the classroom is only a starter for an active, independent, and resourceful learning.

Keywords: *educational industries, hypermedia and continuing education/lifelong learning, multimedia contents and multimedia courses, “new pedagogies”, digital learning resources.*

HYPERMEDIAS ET CULTURE DES INDUSTRIES EDUCATIVE DANS L' APPRETISSAGE MULTIDIMENSIONNEL

Cliquez pour apprendre ! Notre démarche met en exergue la question pressante du renouveau des cours universitaires dans leur fusion avec le multi-/hypermédia.

Cliquez les sciences humaines et sociales, la culture et la littérature! Cliquez la lecture! Pourquoi commençons-nous cette incursion par tant de «clics»?

Le slogan d'une formation universitaire – en générale, et, en particulier, d'une formation littéraire – à la page est : cliquez pour apprendre ! Avant de cliquer, il faut juste s'initier à manipuler la souris, mais faire un clic c'est élémentaire. Le maniement de la souris ouvre des espaces inépuisables à explorer. Sciences du langage, sociologie, sciences de l'éducation et pédagogie générale? Cliquez pour apprendre! Relations internationales? Cliquez pour apprendre! Economie nationale ou mondiale? Cliquez pour apprendre! Culture ou anthropologie culturelle? Cliquez pour apprendre! Littérature nationale, générale, comparative? Vous n'avez qu'à cliquez pour apprendre! Et cela peut continuer.

Si nous nous arrêtons aux cours de sciences humaines, l'enseignement/apprentissage présuppose, outre des méthodes et des activités pédagogiques adéquates, le recours à des supports didactiques variés qui sont actuellement recompensés, d'une manière richissime, par le réseau Internet.

Par hyperbolisation, les connaissances de l'humanité et tout le savoir-faire est à seulement un clic de distance. Cliquez la littérature sur tous les

domaines, donc ! Le web de tous les savoirs est accessible. Mais, sommes-nous plus érudits qu'auparavant ? Que cette question reste rhétorique ! Une chose est certaine : Un clic c'est la magie des importantes, utiles et déjà indispensables découvertes du XX-ième siècle : des TICE (les Technologies de l'Information et de la Communication pour l'Enseignement), de l'EAO (Enseignement assisté par ordinateur) et de l'EAD (Enseignement à distance).

Avant de juger le rôle des hypermédias dans la formation universitaire faisons le point sur les archi-connues hypermédias. Les hypermédias dans la formation en sciences humaines, c'est quoi ? Cela se fait comment ? Et surtout comment cela se fait faire ? C'est-à-dire : quel moyen pour apprendre ? C'est quoi comme méthode d'enseignement-apprentissage et quel savoir-faire professionnel faut-il maîtriser en tant que professeur, d'un côté et en tant qu'étudiant, d'un autre côté.

Bref, quelle méthodologie multimédia faut-il appliquer pour rendre un grand service à la formation universitaire, premier et deuxième cycle, aussi bien que pour la formation continue universitaire ?

Bien sûr, nous n'allons épuiser ni le sujet ni les questions mêmes à ce sujet. Notre intention est d'envisager ces questions comme des défis phare du nœud de l'intrigue qui serait, à nos yeux, comment « survivre » dans cette avalanche de littérature de spécialité en vrac et surtout comment ne pas se laisser dominer.

Premièrement, il faut distinguer les deux grandes catégories de l'offre éducative, avec les spécificités qui en découlent :

- l'offre éducative – du secondaire et de l'universitaire – traditionnelle, qui est aussi appelée « formelle » ;

- l'offre éducative médiatisée, qui est aussi appelée « informelle ».

Alors, les hypermédias, c'est quoi ? Dans la catégorie « Médias », le dictionnaire de l'Encyclopédie libre Wikipédia¹ propose la définition suivante : « Un hypermédia est un média dans lequel les informations ne sont pas seulement de type texte, mais également de type image, son, vidéo ou encore multimédia, ont vocation à présenter l'information »². Claire, concise, cette définition a tendance de tout englober dans la phrase susmentionnée ? Pour ponctuer l'explicitation, le webdictionnaire donne une dernière précision-exemplification : « C'est une extension de l'hypertexte à des données multimédias »³. En tant qu'article connexe, nous y retrouvons la référence à l'article « Hyperlien » qui sera expliqué, dans sa rubrique correspondante.

Nous en reprenons le segment essentiel : « Un hyperlien ou lien hypertexte ou simplement lien, est une référence dans un système hypertexte permettant de passer automatiquement d'un document consulté à un document lié »⁴. Le pluriel du nom défini a une explication détaillée : « Les hyperliens sont notamment utilisés dans le World Wide Web pour permettre le passage d'une page Web à une autre d'un clic »⁵.

Dans le contexte de la formation universitaire, la notion d'hypermédias concerne non seulement la médiatisation des produits intellectuels (des ouvrages de spécialités, des manuels, des traités, des œuvres artistiques, des documents sur divers supports etc.) par un ordinateur, par des dispositifs divers, du matériel de projection, comme complément d'un support pédagogique traditionnel ou comme produit innovatif indépendant, mais elle concerne surtout la médiatisation d'un dialogue entre les contenus structurés.

Il s'agit là d'une corrélation entre le produit donné et le « reste » qui constitue sa topique. Plus spécifiquement : c'est une corrélation d'un texte à un tout complexe. Dans ce cas nous parlons d'une intégration de l'ouvrage/l'œuvre qui est traité/e à un ensemble thématique de produits multimédias, c'est-à-dire d'une communication continue entre le document-texte visé et une série de textes-documents.

Cette fusion de l'offre éducative formelle et informelle/médiatisée soulève une question pressante : où en est la formation traditionnelle, où en est le cours universitaire en pleine ère informationnelle et de l'informatique grand public? Indubitablement, le renouveau de la formation (continue) universitaire se produit dans un contexte de fusion avec la cyberculture [Cf. 1], c'est-à-dire, les multi-/hypermédias. Pour le cours de langue étrangère [Cf. 2], de littérature générale ou nationale, ou encore pour le cours de littérature comparée ou de civilisation, par exemple, cette communication continue – les hypermédias comme hypernavigation – entre texte-et-textes comporte un renvoi à des articles, des micro-trottoirs, des séquences vidéo, des interviews, des chansons, des courts-métrages, des films artistiques ou documentaires etc. Au même sujet, les hypermédias en formation littéraire matérialisent cette communication texte-et-textes pour faire relier les genres, espèces, formes littéraires selon une topique commune ou, par contre, pour faire la répartition de ceux-ci dans des catégories, classes, paliers, sections, rubriques. A titre d'argument, invoquons la série des rubriques-classifications actuellement populaires : récit, roman, roman adolescent, roman en anglais/en langue étrangère, roman jeunesse, roman junior, nouvelle, contes, légendes, essai,

scénario, théâtre, anthologie, dictionnaire et encyclopédie, biographie, chroniques, monographie, manuel, méthode de langue, scolaire/universitaire, lettres, poésie jeunesse, album jeunesse, almanach, atlas, carte, bande dessinée, beau livre, beau livre en français/anglais/allemand/espagnol etc. [Cf. 3, p. 106], revue, revue de spécialité, document, document jeunesse, entretien, étude, guide, livre-jeu, jeux livres objets etc.

Pour simplifier, les hypermédias en classe c'est la totalité de la littérature de spécialité ou artistique écrite, imprimée, éditée, publiée, postée, enregistrée, filmée, classifiée, triée, encadrée, archivée, analysée, critiquée, réfutée, appréciée, rejetée, repensée etc. C'est le référentiel multimédia consulté et consultable par outils de navigation : par sujet, auteur ou auteur/auteurs, mots-clés, thèmes, symboles, idées, personnages, citations, tableau, fiche pratique, parution, date et données chiffrées, éditions et éditeurs, tirage, top de classification, meilleures ventes, intérêt des lecteurs, intérêt communautaire, intérêt commercial etc. Utiliser les hypermédias c'est intégrer le texte, l'ouvrage, l'œuvre, l'auteur dans la richesse des domaines des sciences, de l'art et de la vie. C'est faire produire le dialogue de l'ouvrage/l'œuvre sous tous ses aspects dans le réseau actif sur toutes les dimensions du possible technologique et informationnel.

Comment alors repousser les limites d'un apprentissage traditionnaliste en dominant de très haut le multimédia en classe ? Encore en 1997 la romancière marocaine Leila Houari publiait un article dont le chapeau disait « Le multimédia au service de l'enseignement des langues est longtemps resté au stade de "la réalité virtuelle" avant d'être en passe de devenir aujourd'hui, face aux évolutions technologiques et la baisse des prix consécutive à la concurrence du marché de l'informatique, une "réalité tout court" » [4, p.58]. D'ailleurs, sa remarque devient prophétique à la suite : « Dans les années à venir, il est donc susceptible de connaître un développement généralisé, non seulement dans le cadre de la formation permanente destinée aux adultes (celle-ci découlant d'un libre choix de l'apprenant), mais également dans des contextes d'enseignement/apprentissage imposés » [4, p. 58].

Nous savons bien qu'aujourd'hui l'interactivité multimédia en matière d'enseignement universitaire et secondaire est réalisée en grande partie par des logiciels. Suite à cette vague du traitement informatique et informationnel, les domaines, les disciplines et certaines professions connaissent une métamorphose entraînant. Pour les dernières citons, à titre d'argument, les professions suivantes :

- animateur de réseaux de formation à distance,
- spécialiste en traitement informatique et informationnel,
- théoricien de la littérature informatique,
- spécialiste au département hypermédia,
- spécialiste au département auteurs multimédia et hypermédia,
- chercheur et spécialiste dans les industries éducatives,
- spécialiste des nouvelles technologies pour l'apprentissage des langues,
- spécialiste en didactique des langues, français langue étrangère et technologies éducatives,
- politiques linguistiques et TICE,
- spécialiste dans les industries culturelles,
- chercheur et spécialiste dans les perspectives de l'utilisation des nouvelles technologies de l'information et de la communication,
- responsable de centres de ressources multimédias... etc.

L'intégration des TIC et des TICE dans les pratiques professionnelles des différents métiers est déjà un cas courant. En France, par exemple, le Ministère de l'Éducation nationale dispense des formations aux utilisations des technologies de l'information et de la communication qui sont déjà formalisées et institutionnalisées. Argument : Brevet Informatique et Internet⁶ ; Création du certificat informatique et internet (C2i®) niveau 2 « métiers de l'environnement et de l'aménagement durables »⁷ ; Notons ici qu'il y a des cursus universitaires amples qui proposent des formations spécifiques, réparties en plusieurs domaines. Principalement, les compétences générales que ces formations développent sont liées aux aspects juridiques et déontologiques relatifs aux TIC et TICE.

Dans le cas des aspects juridiques, il faut respecter :

1. la législation sur la protection des œuvres numériques ;
2. la législation sur la protection des bases de données et des logiciels ;
3. les obligations d'accès aux données.

Dans le cas des aspects déontologiques, il faut mettre en œuvre :

1. les obligations générales et professionnelles relatives à l'usage des TIC et TICE ;
2. les obligations légales ;
3. les règles déontologiques et éthiques et adopter un comportement responsable.

Particulièrement, cette formation dans le numérique relié à tous les domaines et les spécialités est focalisée sur les savoirs instrumentaux, susceptibles de l'utilisation des TIC et TICE.

Le besoin des documents authentiques et des supports pédagogiques actuels et pertinents est aujourd'hui satisfait beaucoup plus facilement par le truchement du multimédia. Les sites qui dispensent des contenus exploitables comme support pédagogiques sont multiples. Bien que les méthodes traditionnelles continuent à exister, à faire peau neuve même, les composantes de base de l'enseignement au XXI-ième siècle sont les TICE et leurs extensions où nous pouvons repérer quelques sigles, acronymes, syntagmes ou notions clés :

TIC : Technologies de l'Information et de la Communication.

TICE : Technologies de l'Information et de la Communication pour l'Enseignement.

EAD : Enseignement à Distance.

FOAD : Formation ouverte et à distance.

EAO : Enseignement Assisté par Ordinateur.

EIAO : Enseignement Intelligemment Assisté par Ordinateur.

SGA : Systèmes de gestion de l'apprentissage.

REO : Ressources éducatives ouvertes.

MOOC : des cours en ligne largement ouverts – massive open online courses.

CNRA : Centre National de Ressources pour l'Alternance en Apprentissage⁸.

TELL : Technology Enhanced Language Learning.

WELL : Web Enhanced Language Learning.

LENTIC : Laboratoire d'études sur les nouvelles technologies de l'information et de la communication et les industries culturelles.

PAO: Publication assistée par ordinateur - Mise en page, photocomposition.

MAO: Musique assistée par ordinateur - synthèse sonore, échantillonneur, MIDI.

Montage assisté par ordinateur (son et/ou vidéo) - vidéo.

Un cours MM : un cours utilisant un support multimédia.

Visio-conférence : GnomeMeeting, NetMeeting.

Webinaire : séminaire en ligne.

Web-documentaire.

Sûrement, les potentialités du processus que les hypermédias ouvrent sont immenses et cruciales pour la société du savoir. Seule la recherche par sujet contribue à désigner un nouveau réseau d'élaboration de sens, de nouveaux contextes, cadres, situations d'apprentissage/de communication.

Or la technologie multimédia n'est pas encore une méthode, c'est non plus une situation d'apprentissage toute faite.

L'environnement d'apprentissage par le biais des hypermédias n'est que le point de départ. Dans un premier temps, c'est l'accès à des produits extérieurs qui puissent satisfaire le critère thématique, topique, formel de notre sélection. Dans un deuxième temps, c'est la trame directe à des activités-cibles, au multimédia comme une ressource, documentaire initialement et interactive ultérieurement, dans un ensemble de données textuelles, iconographiques et sonores. Pourtant c'est le professeur qui agit en tant que concepteur de son cours, c'est à lui d'identifier les sites potentiellement utilisables. Bien que le réseau Internet soit une source inépuisable et que le nombre de sites qui dispensent des contenus exploitables soit quasi-infini, il est important d'obtenir le résultat recherché, d'accomplir des objets et de développer chaque fois un savoir-faire pertinent.

Somme toute, l'utilisation des hypermédias en classe ce n'est que le premier pas vers une méthode. Cela désigne en général le concept d'une pédagogie active, mais pas plus. Il faut donc éviter les confusions, il ne faut s'assumer non plus l'attitude de sacralisation des hypermédias et de ne pas attribuer au terme et surtout à son application et à ses extensions pratiques des acceptions de concepteur, de responsabilisateur, et finalement de professeur.

Chaque membre du personnel enseignant et de formation sait qu'il faut percevoir les hypermédias dans leur acception minimale de support de données et il faut les repérer en tant qu'opportunité à valorifier le processus pédagogique complet. Mais quelle opportunité !

Certes, la complexité des hypermédias est évidente dès que la situation d'apprentissage est portée à un autre niveau : où la vidéo – court-métrage, reportage, pub, film – remplace le texte, où la biographie de l'auteur débouche sur une interview ou un documentaire, où les magnétophones et les magnétoscopes cèdent la place aux lecteurs MP3 et MP4. Le potentiel d'un tel passage est indiscutable.

Profitable pour l'étudiant, il s'avère tout aussi avantageux pour le professeur, vu la richesse informationnelle, la nouveauté incitante de l'exploration/exploit. Même si le matériel support-papier intervient également en classe de sciences humaines, la qualité de la formation se

mesure à travers les potentialités innovatives des hypermédias : de connexion à un tout, de rapprochement des conditions fertiles à l'apprentissage.

Un autre défi dans le cheminement de la formation universitaire par le truchement des TICE c'est la question suivante : quelles formes/situations d'apprentissage favorisent l'utilisation des hypermédias ?

Dans la conception de l'utilisation des hypermédias en formation littéraire, et non seulement, sont stimulées et cultivées implicitement les formes diversifiées et surtout efficaces d'apprentissage multidimensionnel à travers le besoin cognitif [Cf. 5] par découverte, par curiosité, par implication, par une approche intentionnelle. Ce projet d'apprentissage alternatif offre la possibilité de retrouver un espace de liberté créative. En dépit de plusieurs risques, comme la fiabilité de la source, de son choix, l'autorité de l'auteur etc., chaque produit multimédia oriente vers un nouvel horizon. En fait, chaque document, ouvrage théorique ou œuvre artistique est l'occasion d'une triple pratique : au niveau bi-/multi-/pluri-linguistique, communicatif et inter-/multi-/pluri-culturel.

A propos de la liberté, flexibilité et individualité que le cours multimédia peut offrir, Jean-Claude Bertin, spécialiste des nouvelles technologies pour l'apprentissage des langues, constate: « Cette véritable mise à disposition des outils de création pédagogique multimédia va enfin permettre à chacun de répondre aux besoins de chaque apprenant d'une manière encore plus appropriée : un même contenu pédagogique, une même « leçon », pourra rapidement être décliné sous plusieurs formes pour des individus aux stratégies d'apprentissage différentes »⁹

Ressources bibliographiques:

¹ <http://fr.wikipedia.org/wiki/Hyperm%C3%A9dia>

² <http://fr.wikipedia.org/wiki/Hyperm%C3%A9dia>

³ <http://fr.wikipedia.org/wiki/Hyperm%C3%A9dia>

⁴ <http://fr.wikipedia.org/wiki/Hyperlien>

⁵ <http://fr.wikipedia.org/wiki/Hyperlien>

⁶ <http://eduscol.education.fr/numerique/dossier/competences/b2ic2i> et <http://eduscol.education.fr/numerique/textes/reglementaires/competences>

⁷ <http://eduscol.education.fr/numerique/textes/reglementaires/competences/c2i/niveau-2-metiers-edd/ESRT0800062C>

⁸ <http://eduscol.education.fr/cnraa/?feuilleCSS=chrome>

⁹ <http://asp.revues.org/2876#bodyftn1>

Références et Notes:

1. Levy Pierre, *Essai sur la cyberculture : L'universel sans totalité*. Rapport au Conseil de l'Europe, version provisoire. URL : <http://hypermedia.univ-paris8.fr/pierre/cyberculture/cyberculture.html> Visité le 27 septembre 2013.
2. Robert Jean-Pierre, *TICE 97*. In *L'Essentiel français. Dictionnaire pratique de didactique du FLE*. Nouvelle édition revue et augmentée. Paris: Editions Ophrys, 2008, 224p.
3. Marin la Meslee Valérie. « La radio du livre », p.11. In *Magazine littéraire*. Numéro 407, Mars, 2002, 106p.
4. Houari Leila, « Centre de ressources multimédia : des choix aux stratégies ». In *Le français dans le monde. La revue internationale des professeurs de français*, Numéro 288. Paris : CLE Internationale, 1997, 96 p.
5. Rouet Jean-Francois (sous la direction d'André Tricot), *Les Hypermédias. Approches cognitives et ergonomiques*. Hermes Science Publications, 1998, 231p.
6. Bertin Jean-Claude. « Conception de leçons multimédia : liberté ou guidage? Théorie et pratique des discours spécialisés », Section 4 : Nouvelles technologies. In *La Revue du Geras ASP*, Numéro 19-22, 1998, p.313-330.

dodusavcacarolina@yahoo.fr

STATUL MOLDOVENESC CONTEMPORAN ȘI PACTUL MOLOTOV-RIBBENTROP

Victor STEPANIUC, *doctor în istorie, IRIM*

Rezumat

Republica Moldova e considerată o „consecință” a Tratatului sovieto-german de neagresiune din 23 august 1939 (Pactul Molotov-Ribbentrop) de unii politicieni și savanți moldoveni și străini. Aceștea vin cu „argumente” care ignorează realitatea obiectivă, dreptul poporului moldovenesc la autodeterminare și caută să demonstreze lipsa de legitimitate a statalității moldovenești și pledează pentru necesitatea eliminării consecințelor Pactului Molotov- Ribbentrop . Neglijarea argumentelor istorico-juridice despre Tratatul de la Paris din 1920, precum și neregnoașterea nulității după anii 1941 și 1947 a Pactului Molotov-Ribbentrop, ignorarea prevederilor dreptului internațional care oferă popoarelor dreptul la identitate și autodeterminare națională, vehicularea dogmei despre necesitatea lichidării consecințelor Pactului Molotov-Ribbentrop de către anumite cercuri politice și științifice are caracter de manipulare în numele unor scopuri politice.

Cuvinte-cheie: Republica Moldova, relații internaționale, Pactul Molotov-Ribbentrop, realitatea obiectivă , autodeterminare, legitimitate, statalitatea moldovenească, consecințe, argumente istorico-juridice, Tratatul de la Paris, identitate, manipulare, scopuri politice

THE CONTEMPORARY MOLDOVAN STATE AND THE MOLOTOV-RIBBENTROP PACT

Victor STEPANIUC, *Ph. D. in history, IRIM*

Abstract

Some of the Moldovan and foreign politicians and scientists consider the Republic of Moldova a “consequence” of the Soviet-German Treaty of nonaggression from 23 of august 1939 (the Molotov-Ribbentrop pact). Their “arguments” ig-

nore the objective reality, the right of Moldovan people for self-determination, they want to demonstrate the lack of legitimacy of the Moldovan statality, and advocate for the elimination of the consequences of the Molotov-Ribbentrop pact. The denial of the historical and juridical arguments about the Treaty of Paris of 1920 and the non-recognition, after 1941 and 1947, of the nullity of the Molotov-Ribbentrop pact, the breach of the international law, which offers to all peoples the right for national identity and self-determination, the propagation of the dogmas about the necessity of liquidation of the consequences of the Molotov-Ribbentrop pact by some political and scientific circles are being a manipulation in the name of some political goals.

Keywords: *The Republic of Moldova, international relations, the Molotov-Ribbentrop pact, the objective reality, legitimacy, self-determination, the Moldovan statality, consequences, the historical and juridical arguments, the Treaty of Paris, national identity, a manipulation, political goals.*

Numeroși politicieni, istorici, politologi și publiciști manifestă un interes constant față de așa-zisul “Pact Ribbentrop-Molotov”, cunoscut în istoria relațiilor internaționale sub denumirea — *Tratatul sovieto-german de neagresiune* din 23 august 1939. Parlamentele Republicii Moldova și al României, de exemplu, au consacrat ședințe întregi acestei tematici, discutând cu abnegație la tema “teritoriilor anexate cu forța în urma înțelegerilor secrete stabilite prin Pactul Ribbentrop-Molotov” [1, p. 108].

Prin *Declarația privind Pactul Ribbentrop-Molotov și consecințele acestuia pentru țara noastră* din 24.06.1991, Parlamentul României “a condamnat acest pact ca fiind ab *initio* nul și neavenit” și a cerut “înlăturarea pe cale pașnică a consecințelor nefaste ale actelor nedrepte ce au la bază protocoalele secrete ale Pactului Ribbentrop-Molotov” [1, p. 109]. Declarația dată cere oficial instaurarea *status quo* de la 26.06.1940: reîncorporarea “Basarabiei” în Regatul român. Altfel zis, Parlamentul român la 24.06.1991 cerea oficial lichidarea Republicii Moldova, aflată juridic încă în componenta URSS, și transformarea ei în “provincie românească”, cerea recroirea configurației politico-teritoriale stabilite după Războiul al doilea mondial, cerea revizuirea Tratatului de pace de la Paris din 10.02.1947, căci prin acesta s-au stabilit granițele Europei contemporane.

Încă în iunie 1991, când Parlamentul României a adoptat hotărârea prin care Pactul amintit a fost declarat nul și neavenit, ministrul de externe de atunci, Adrian Năstase, considera unificarea în termeni foarte optimiști, identificând și un model în acest sens: modelul german. Argumentarea se baza pe Actul final de la Helsinki al Conferinței pentru Securitate și Cooperare în Europa, care preconizează în enunțul primului din cele zece

principii ale reglementării relațiilor internaționale: “Ele (statele — *Aut.*) consideră că frontierele lor pot fi modificate în conformitate cu dreptul internațional, prin mijloace pașnice și pe calea acordurilor” [2, p. 188].

Este de remarcat, ca România a fost primul stat, care a recunoscut Republica Moldova, după proclamarea independenței la 27.08.1991. Din momentul recunoașterii independenței Republicii Moldova, în România, repetat, s-au făcut numeroase referiri la necesitatea eliminării consecințelor Pactului Ribbentrop-Molotov. Evident, în aceste două decenii, din cauza dogmei despre Pactul Molotov-Ribbentrop, o parte a clasei politice românești mai este derutată. Din această motiv pînă în prezent România nu are cu Republica Moldova un Tratat de bază, o convenție despre recunoașterea frontierelor.

Republica Moldova e considerată o „consecință” a Pactului germano-sovietic și de unii politicienii și savanți moldoveni care, avînd majoritatea în Parlamentul Republicii Moldova, la 23 iunie 1990, printr-o Hotărîre a Parlamentului Republicii Moldova au dezaprobat „proclamarea în mod nelegitim la 2 august 1940 a RSS Moldovenești” [3]. Majoritatea acestor „argumente” ignorează realitatea obiectivă, dreptul poporului moldovenesc la autodeterminare și caută să demonstreze lipsa de legitimitate a statalității moldovenești, necesitatea eliminării consecințelor Pactului Molotov- Ribbentrop [4].

În acest context, sub aspect istoric și de drept, se iscă citeva întrebări: Este oare Moldova contemporană o consecință a Pactului Molotov-Ribbentrop ori o continuitate a Republicii Democratice Moldovenești, proclamată între Prut și Nistru în 1917 și anexată de către România în 1918? Poate oare modelul german de unificare să servească drept precedent istoric, juridic de unificare pentru Moldova și România?

O abordare realistă, bazată pe știința și practica dreptului și relațiilor internaționale ne-o prezintă mai mulți cercetători moldoveni și străini cu renume.

“În primul rînd, astăzi nu avem a face cu consecințele Pactului Ribbentrop-Molotov, cînd vorbim despre frontiera dintre România și Moldova...”, subliniază într-o lucrare politologii români G. Andreescu, V. Stan și R. Weber [5, p. 3-4]. Evident, pe arena internațională, nu Pactul Molotov-Ribbentrop, ci *Tratatul de Pace de la 1947* a legiferat această frontieră moldo-română. După dizolvarea URSS, frontierele Republicii Moldova, inclusiv cea moldo-română sînt recunoscute de circa 190 de state, de ONU și cele mai importante foruri internaționale conform principiilor dreptului internațional al succesiunilor.

Renumita cercetătoare română D. Popescu, avînd în vedere dreptul succesiunilor, de asemenea este convinsă că frontiera între Republica Moldova

și România nu este fixată în baza Pactului Molotov-Ribbentrop, ci în baza Tratatului de pace de la 1947 care a legiferat granița sovieto-română, „în conformitate cu Acordul sovieto-român de la 28 iunie 1940...” [6, p. 66]. Astfel nu Pactul Molotov-Ribbentrop, ci Acordul sovieto-român de la 28 iunie 1940 și Tratatul de Pace din 1947 constituie acte de drept internațional care legitimează statalitatea moldovenească contemporană restabilită după 2 august 1940 [3].

Savantul moldovean Al. Burian aduce noi precizări de principiu în această problemă de drept și relații internaționale și anume, că “războiul dintre Germania și URSS, început la 22 iunie 1941, a anulat consecințele politicii externe staliniste, dar NU a restabilit status quo ante, care a existat pînă la încheierea Pactului, generînd alte consecințe, tot atît de grele și nu mai puțin legitime decît primele. Este vorba despre faptul că la 22 iunie 1941 în războiul împotriva URSS, împreună cu Germania nazistă, a intrat și România regală, care, prin participarea sa la război, a lichidat consecințele amintite, fie “consecințe ale Pactului Ribbentrop-Molotov”, fie “consecințe ale politicii externe staliniste” și a generat noi urmări, de data aceasta ale acțiunilor sale (ale Germaniei și României – *Aut.*), care ulterior au fost lichidate prin acțiunile comune ale aliaților Coaliției Antihitleriste... Sînt cunoscute rezultatele celui de-al doilea război mondial. El a lichidat atît “consecințele Pactului Ribbentrop-Molotov”, cît și “consecințele campaniei Drangnach Osten”, lăsînd consecințele sale pentru Europa și pentru întreaga lume, formulate juridic și incluse în tratatele de pace din 1947 încheiate cu Italia, România, Bulgaria, Ungaria și Finlanda” [7, p. 346]. Conștienți de aceste adevăruri mai mulți istorici și politologi români resping hotărît viziunile primitive ale unor politicieni și pseudosavanți asupra Tratatelor internaționale, semnate de România. Modificarea acestor tratate poate dăuna României, și nu Republicii Moldova.

“...Modificarea Tratatului de Pace (căci despre el este vorba cînd vorbim despre anularea consecințelor Pactului Ribbentrop-Molotov) nu privește numai România. Un lucru trebuie înțeles: indiferent de modul în care a fost reglementată situația frontierelor, Tratatul de Pace constituie baza păcii și stabilității europene după anul 1947... Tratatul readucea în fruntariile țării (României — *Aut.*) Transilvania și consacra independența statului românesc. Tratatul de Pace din 1947 ori este acceptat în întregime ori este respins în întregime” [6, p. 5-6].

În timp ce promotorii „României Mari” văd o singură piedică în calea „Unirii” Moldovei cu România – consecințele Pactului Molotov-Ribbentrop, „teoria” aceasta este combătută cu argumente incontestabile de savanți cu renume mondial. Într-un studiu intitulat „Fiul răătăcitor: Moldova și România”, doctorul în drept de la Universitatea din Hamburg, Gunter Tontsch, pornind

de la “modelul german” de reunificare, demonstrează că în Moldova „niciodată n-a persistat ideea vreunei uniri cu Valahia/România” [2, p. 188-190].

În cazul Germaniei s-au unit două părți ale unui stat, dezbinat prin forța împrejurărilor, de puteri străine, iar în ce privește România și Republica Moldova situația a fost și este alta. Republica Moldova poartă tradiția statală moldovenească, provenită din statul medieval Țara Moldovei. Teritoriul de azi și de ieri al Republicii Moldova s-a aflat în componența Moldovei istorice circa 450 de ani, pe când în componența României - doar 22 de ani de ocupație.

În acest context, a aborda astăzi legitimitatea statului Republica Moldova din punctul de vedere al dreptului internațional și al relațiilor dintre state în corelare cu prevederile și “consecințele Pactului Ribbentrop-Molotov” referitor la “Basarabia”, este mai mult decât o eroare. Fără a îndreptăți politica stalinistă, prevederile expansioniste ale Pactului Ribbentrop-Molotov, care, împreună cu *Acordul de la Munchen* (septembrie 1938), a creat condiții pentru ca Hitler să înceapă al doilea Război mondial, în baza documentelor și a realităților istorice, este evident că “problema Basarabiei”, legitimitatea Republicii Moldova, nu a fost iscată de acest pact. În epoca contemporană acest subiect a intrat în preocupările diferitelor foruri internaționale și în relațiile dintre diferite state, întâi de toate – dintre România și URSS, din momentul când Regatul român a ocupat, în ianuarie 1918, teritoriul moldovenesc dintre Prut și Nistru, proclamat la 2.12.1917 Republică Democratică Moldovenească. Anexarea în condițiile Primului război mondial de către România a teritoriului Republicii Democratice Moldovenești – Basarabiei, considerată în baza dreptului internațional la acel moment din punct de vedere juridic încă teritoriu al Republicii Federative Ruse, a devenit cauză a tensionării relațiilor sovieto-române. Rusia Sovietică(URSS) în perioada 1919-1924 a propus soluționarea problemei Basarabiei prin organizarea unui plebiscit sub control internațional.

Anumiți oameni politici și diplomați români încă în perioada interbelică, deasemenea au constientizat lipsa de acoperire juridică a acțiunilor militare și politice ale autorităților românești în anul 1918 în „problema basarabească”. Diplomatul roman N. Titulescu într-o scrisoare adresată regelui României Carol al II-lea în chestiunea Basarabiei scria: „Autodeterminarea, la drept vorbind, este un plebiscit. Pentru a obține puterea un plebiscit trebuie să se desfășoare în condițiile libertății. De aceea acolo unde deseori s-a recurs la el, acolo anume forțele internaționale, iar nu cele militare ale unei sau altei părți cointerestate, au asigurat ordinea”[8, p.284].

Cu toate acestea, România a refuzat organizarea unui referendum în Basarabia în problema autodeterminării populației acestui teritoriu disputat

în relațiile româno-sovietice, având speranța în sprijinul Marilor Puteri internaționale. Însă în perioada 1918-1940 România n-a putut legifera desprinderea Basarabiei de la Rusia Sovietică în baza dreptului internațional, așa precum au făcut-o conducătorii Finlandei, Poloniei, Estoniei, Lituaniei, Letoniei. O problema gravă pentru guvernul roman a fost și legalitatea Tratatului de la Paris din 1920. Tratatul de la Paris recunoștea anexarea Basarabiei la România, dar el nu a fost semnat de SUA, iar Rusia Sovietică nu a fost invitată să-l semneze. Eforturile diplomației române au eșuat și acest tratat n-a intrat în vigoare, deoarece SUA n-a recunoscut anexarea, iar Japonia nu a ratificat tratatul respectiv. SUA, care în perioada interbelică devenise o importantă Putere Internațională, prin doctrina Președintelui W. Wilson, susținea dreptul popoarelor la autodeterminare prin plebiscit, dar și dreptul statelor la inviolabilitatea granițelor. Diplomația americană era conștientă de faptul, că în Republica Democratică Moldovenească plebiscitul nu s-a petrecut și acordul Rusiei Sovietice la desprinderea unui teritoriu aflat sub jurisdicția ei nu a existat. Odată cu stabilirea relațiilor diplomatice dintre SUA și URSS, după anul 1933, Franța, Marea Britanie, Polonia refuză să susțină public România în “problema basarabeană”.

Astfel este evident, nu Pactul Ribbentrop-Molotov, care este nul și neavenit *ab initio* și care și-a pierdut orice valoare la 22.06.1941, ci caracterul ilegal al aflării “Basarabiei” în componența României a servit temei juridic pentru înțelegerea sovieto-română din 26-28 iunie 1940.

Din alt unghi de vedere, în 1940 URSS deasemenea nu a oferit populației Basarabiei, adică fostei Republici Democratice Moldovenești dreptul la autodeterminare prin referendum (plebiscit), cum propunea Guvernul sovietic anterior, în mai 1919 și în martie 1924 la *Conferința de la Viena*. Populația din Moldova dintre Prut și Nistru, cea din RASS Moldovenească, proclamată la 12 octombrie 1924 și cea din Bucovina, în baza legii din 2.08.1940 a Sovietului Suprem al URSS, a format RSS Moldovenească unională, ulterior mutilată teritorial și limitată în prerogative. Evident, asemenea modalități de creare a unor entități statale în mare parte nu corespund principiilor de autodeterminare națională, devenite norme ale dreptului internațional.

Cu toate acestea, crearea în componența URSS a Republicii Sovietice Socialiste Moldovenești a fost un pas înainte pe calea restabilirii și statornicirii statalității moldovenești. Declararea Suveranității și Independenței Republicii Moldova a avut la bază statalitatea cu suveranitatea limitată a RSSM în cadrul URSS.

După anul 1991 structurile statului independent Republica Moldova, alese

și confirmate democratic, au proclamat și afirmat tradiția continuității statalității moldovenești, legătura indisolubilă cu Moldova istorică, iar populația și-a exprimat susținerea deplină a împlinirii năzuințelor sale multiseculare. În pofida acestor procese benefice, în contradicție cu rezultatele sondajului sociologic republican din 6 martie 1994, unde 98 % din participanți s-au pronunțat pentru independența statului, contrar realităților elucidate de recensământul populației din anul 2004, în cadrul căruia 78 % s-au identificat moldovenii acțiunile politice și „științifice” de anihilare și subminare a statalității Republicii Moldova continuă.

Despre acest fenomen periculos, academicianul H. Corbu scria: “Declarată ca stat suveran și independent, Republicii Moldova i s-a contestat legitimitatea chiar din start... S-a creat o situație paradoxală și curioasă în felul ei: peste o sută douăzeci de țări și state de pe glob recunosc legitimitatea, independența și suveranitatea Republicii Moldova, în timp ce forțe politice din interior nu acceptă această realitate” [9, p. 404-405].

De menționat că, în ultimul deceniu teoriile iredentiste și separatiste cu conținut antidemocratic despre legitimitatea incertă a Republicii Moldova, au fost respinse nu doar de populație și politicieni, ci și de renumiți istorici, juriști, politologi moldoveni și străini în cadrul Congresului „*Casa Noastră – Republica Moldova*” (1994), simpozionului moldo-german „*Statul național și societatea polietnică*” (1996) etc.

Nu pactul Molotov-Ribbentrop, dar tradiția statalității în Moldova istorică, existența națiunii moldovenești, a etnonimului „moldoveni”, utilizarea în Moldova a glotonimului „limbă moldovenească” (limba română), renașterea în Moldova de Est (Basarabia) a statalității moldovenești contemporane, constituie legitimare pentru statul Republica Moldova. „Statalitatea înseamnă o etapă istorică de dezvoltare a țărilor, națiunilor, care au reușit să-și creeze propriul stat, ori să reanimeze statalitatea pierdută anterior... moldovenii din teritoriile anexate (după 1812 și 1918 – *Aut.*), în repetate rânduri, au demonstrat fidelitate propriei statalități...” [10, p. 134-135].

Forțele politico-ideologice și „științifice” care leagă legitimitatea Republicii Moldova cu pactul Molotov-Ribbentrop, comit erori ori falsuri, ce nu au nimic cu știința. Apreciind obiectiv evenimentele anului 1812, acești savanți ascund adevărul despre cucerirea militară și sugrumarea în anul 1918 a Republicii Democratice Moldovenești, neglijează argumentele istorico-juridice despre nulitatea după anii 1941 și 1947 a Pactului Molotov-Ribbentrop, ignoră prevederile dreptului internațional care oferă popoarelor, inclusiv poporul moldovenesc, dreptul la identitate și autodeterminare națională.

În concluzie, legitimitatea statului Republica Moldova este bazată pe

principiile dreptului internațional și a dreptului la autodeterminare a popoarelor, iar teritoriul și granițele statului au fost legitimate prin dreptul succesiunilor și în conformitate cu prevederile Tratatului de la Paris din 1947; neglijarea argumentelor istorico-juridice despre statutul Basarabiei (Republicii Democratice Moldovenești), fixat în Tratatul de la Paris din 1920, precum și nerecunoașterea nulității după anii 1941 și 1947 a Pactului Molotov-Ribbentrop, ignorarea prevederilor dreptului internațional care oferă popoarelor, inclusiv poporului moldovenesc, dreptul la identitate și autodeterminare națională, vehicularea dogmei despre necesitatea lichidării consecințelor Pactului Molotov-Ribbentrop, de către anumite cercuri politice și științifice are caracter de manipulare în numele unui scop politic- lichidarea statului Republica Moldova; promovarea unionismului în Republica Moldova de către oficialitățile moldovene și straine, inclusiv prin intermediul mesajului despre necesitatea lichidării consecințelor Pactului Molotov-Ribbentrop reprezintă un atentat împotriva suveranității statale a țării noastre și este o problemă de securitate națională.

Referințe bibliografice

1. Diacon V. *Reîntregirea. Basarabia, Bucovina și Insula Șerpilor în dezbateri ale Parlamentului României*. - Iași: Unirea, 1992, 252 p.
2. Tontsch G. *Fiul răătăcitor: Moldova și România. // Statul național și societatea polietnică: Moldova în anii '90*. - Chișinău: Rotaprint, 1997, p. 178-190.
3. Arhiva Parlamentului Republicii Moldova, Fondul R- 2948, inv.6, d.1127.
4. Moldova Suverană, 29.06.1991
5. Andreescu, G., Stan, V., Weber, R. *Raporturile României cu Republica Moldova. // Revista "22"*. - București, ianuarie 1994, p. III-X.
6. *15 Ani de Independență a Republicii Moldova. // Materialele Conferinței Științifice Internaționale 22 august 2006*. Chișinău, 2006, 168 p.
7. Burian, Al. *Geopolitica lumii contemporane*. - Chișinău: Tipografia Centrală, 2003, 456 p.
8. Levit I. *Republica Moldovenească. An de răspîntie: de la proclamarea Republicii Moldovenești pînă la desființarea autonomiei Basarabiei. Noiembrie 1917 – noiembrie 1918*. - Chișinău: Universul, 2003, 400 p.
9. Corbu, H. *Deschideri către valori. Studii, eseuri, atitudini*. - Chișinău: Cartea Moldovei, 2003, 456 pag.
10. *Statul național și societatea polietnică Moldova în anii 90*. - Chișinău: Rotaprint, 1997, 254 p.

stepaniucolog@yahoo.com

DREPTUL NAȚIONAL ȘI LEGISLAȚIA INTERNAȚIONALĂ

MEDIEREA ÎN SPAȚIUL EUROPEAN

Constantin LAZARI, *doctor în drept, IRIM*

Rezumat

Edificarea unui sistem judiciar modern și fortificarea încrederii populației în actul de justiție nu pot fi realizate fără a trece la soluționarea alternativă a litigiilor. Aceasta este concepută ca o cale de a facilita accesul cetățenilor la justiție și presupune existența unor mecanisme/forme de susținere a medierii, promovarea cât mai activă a acestei forme de rezolvare a conflictelor în societate. În anul 2002, Comisia Europeană a emis așa-numita Green Paper – în care Soluționarea Alternativă a Disputelor (SAD) este considerată o prioritate politică pentru toate instituțiile UE care au drept sarcină utilizarea tehnicilor alternative. Studiul este consacrat evoluției medierii în cadrul UE, fiind evidențiate oportunitățile medierii în calitate de alternativă pentru modernizarea sistemului judiciar din RM.

Cuvinte-cheie: *sistem de soluționare alternativă a litigiilor; mediere judiciară, mediere extrajudiciară, flexibilitatea procesului.*

MEDIATION IN THE EUROPEAN SPACE

Constantin LAZARI, *Ph. D. in Law, IRIM*

Abstract

The development of a modern justice system and strengthening public confidence in justice can not be achieved without going to the alternative dispute resolution. It is intended as a way to facilitate access to justice and implies the existence of mechanisms / forms to support mediation, and

an active promotion of this form of conflict solving in society. In 2002, the European Commission issued the so-called Green Paper - in which Alternative Dispute Resolution (ADR) is considered a political priority for all EU institutions that have the task to use alternative techniques. The study is devoted to development of mediation in the EU, highlighting the opportunities of mediation as an alternative to modernize the judicial system in RM.

Keywords: *system of alternative dispute resolution, judicial mediation, mediation out of court process flexibility.*

Cel mai **sacru** dintre toate tribunalele
să fie acela pe care **părtile** și-l vor fi creat ele însele,
și pe care îl vor fi ales prin bună înțelegere".

PLATON

Confucius (551-479 î. Hr.) considera că **cea mai bună cale de rezolvare a disputelor era realizată pe cale amiabilă și nu prin constrângere**. Referiri la termenul de **mediator** sau **mijlocitor** se regăsesc, de asemenea, în **Biblie** respectiv în versetul Timotei 2:5 „Căci este un singur Dumnezeu, și este un singur mijlocitor (mediator) între Dumnezeu și oameni: **Omul Iisus Hristos**".

Medierea, în înțelesul ei modern, este atestată documentar din anul 1680. În acest an, Johann Wolfgang Textor descrie standardele esențiale ale medierii internaționale, pe care le putem considera prima lucrare de specialitate din domeniul medierii [1]. Ca alternativă de soluționare a conflictelor, medierea este utilizată în Statele Unite ale Americii încă din anii '70 ai secolului XX. Medierea constă în depistarea și preluarea a ceea ce este mai bun în oameni – lucru pe care Președintele SUA Lincoln l-a numit "îngerii mai buni ai naturii noastre". Menționăm că legislația din domeniul medierii aplicată în Europa este inspirată preponderent de modelul american, model care și-a dovedit eficiența de-a lungul timpului. Inițial, medierea se utiliza preponderent în conflictele de muncă. Ulterior, ea a fost folosită la soluționarea litigiilor de divorț, ecologice, locative, conflictele din închisori, școli, conflictele între victime și infractori. Companiile private, chiar și juriștii, au găsit medierea atractivă și susțin crearea și dezvoltarea serviciilor comerciale de mediere.

Dezbaterea teoretică a modului în care pot fi abordate și rezolvate consecințele unei infracțiuni de către cei direct implicați în aceasta, anume

victima și infractorul, au început să se facă simțite în Europa pe la sfârșitul anilor '60 ai secolului XX. În această perioadă, în diferite țări europene, au fost formulate propuneri concrete de proiecte inovatoare. Discuțiile asupra acestor probleme s-au desfășurat în același timp, sau poate chiar înainte ca primele experimente privind medierea victimă-infractor să fie organizate, pe la mijlocul anilor '70, în Canada și S.U.A. Unele dintre primele inițiative nord-americane au fost fără îndoială influențate de lucrările teoretice ale unor profesori europeni. Din aceste motive, nu trebuie privită medierea victimă-infractor, sau justiția restaurativă în ansamblul său, ca fiind ceva importat din lumea anglo-saxonă.

În ultimele decenii tot mai multe state au trecut la forme alternative de soluționare a litigiilor, inclusiv mediere. Prin funcționarea eficientă a sistemului de soluționare alternativă a litigiilor (SAL: arbitrajul, medierea) pot fi soluționate litigii de orice natură: civile, comerciale, familiale, de muncă, penale, administrative etc. În majoritatea țărilor europene, instituția medierii este una facultativă. Una dintre puținele excepții de pe bătrânul continent este Italia, care prescrie obligativitatea prezentării părților la mediere înainte de introducerea acțiunii civile în instanța de judecată. În alte state, cum ar fi Japonia, medierea este obligatorie în toate cauzele ce țin de dreptul familiei, or Canada - medierea este obligatorie în toate pricinile civile.

E necesar de menționat că, bazele negocierii și ale medierii au fost puse în Anglia, dar s-a dezvoltat și perfecționat mai târziu în Statele Unite ale Americii. În 1998, în SUA, a fost adoptat Actul privind Soluționarea Alternativă a Disputelor (Alternative dispute resolution act – ADR act), prin care se solicită în mod expres tuturor instanțelor federale și districtuale să adopte norme care să autorizeze utilizarea unor “soluționări alternative ale disputelor” în cazul proceselor civile.

Soluționarea alternativă a litigiilor este concepută ca o cale de a facilita accesul la justiție și ea presupune existența unor mecanisme/forme de susținere a medierii, inclusiv financiară din partea statului, pregătirea judecătorilor, avocaților, notarilor și promovarea cât mai activă a acestei forme de rezolvare a conflictelor în societate. În plan internațional se cunoaște medierea judiciară și medierea extrajudiciară care se dezvoltă concomitent, constituind cele două componente fundamentale ale justiției secolului XXI. Alături de conceptul clasic de „proces”, teoria recentă a organizării judiciare consacră și o altă sintagmă, „procesul fără procedură” [2]. Procesul fără procedură înseamnă că părțile nu supun litigiul unei soluționări tranșate în favoarea uneia sau

celelalte prin intermediul instanței, ci apelează la un mecanism care să permită o soluționare amiabilă a acestuia. Legitimarea acestui mecanism vine din libertatea contractuală a părților care decid astfel să evite un judecător și, deci, regulile clasice de procedură. În această categorie intră modurile alternative de soluționare a litigiilor (ADR2). „Judecătorul” este unul privat, care aplică anumite reguli proprii fiecărui astfel de litigiu, procedura desfășurându-se, de regulă, într-un cadru confidențial.

Medierea judiciară și extrajudiciară colaborează și se completează în vederea realizării unei misiuni comune, aceea de a favoriza soluționarea conflictelor umane. Ele nu se exclud reciproc, după cum nu se exclud reciproc sistemul de justiție tradițional și modalitățile profane de soluționare a conflictelor bazate pe intervenția membrilor comunității (familie, prieteni, biserică etc.). Medierea judiciară și medierea extrajudiciară urmăresc scopuri diferite care însă converg spre un deziderat comun: acela de a soluționa, prin sinergie, conflictele în timp util, într-o manieră satisfăcătoare și economică.

Medierea judiciară a fost dezvoltată ca răspuns la slăbiciunile aparente ale modelului clasic confruntat cu transformarea nevoilor și exigențele exprimate de societate cu privire la sistemul de justiție. Medierea judiciară este flexibilă, rapidă și centrată pe soluționarea litigiului, ea înlătură diverse carențe ale sistemului contradictoriu și reprezintă o alternativă puternică în raport cu un proces care tranșează și mai puțin conciliază. Medierea este perfect adaptată litigiilor care au rezistat tuturor celorlalte forme de înțelegere extrajudiciară. Prin mediere părțile sunt aduse în situația de a-și reasuma litigiul de care s-au desesizat și de a încerca să îl soluționeze potrivit intereselor lor. Originalitatea medierii judiciare derivă din faptul că aceasta se desfășoară în același cadru judiciar și cu participarea judecătorului care renunță la puterea sa de a stabili dreptul cu scopul de a lăsa părților un spațiu normativ în care ele să determine propria lor decizie. Astfel, părțile pot alege soluțiile ingenioase conforme cu regulile de drept pe care judecătorul nu le-ar fi putut aplica în baza mandatului său judiciar. Este un veritabil transfer judiciar, o reasumare de către părți a responsabilității conflictului lor. Voluntar părțile vor relua controlul asupra destinului lor judiciar și se vor angaja pentru a găsi ele însele o soluție, găsind încrederea necesară prin prezența judecătorului mediator.

Medierea introduce două principii novatoare în justiție: capacitarea (împuternicirea) părților de către judecători și responsabilitatea subiecților de drept pentru conflictele lor. Dacă medierea nu duce la o tranzacție, apoi

părțile trebuie să revină la sistemul contradictoriu. Dar la această etapă ele, deja, au dobândit prețioase cunoștințe ale aspectelor de fapt și de drept relevante pentru litigiu, ele vor putea distinge chestiunile importante de acelea care nu merită un examen atent din partea Curții și vor putea să ajungă la o înțelegere parțială sau cel puțin să își concentreze concluziile în cadrul dezbaterilor. Această experiență și va conduce la economisirea de resurse materiale atât pentru părți, cât și pentru Curte. În final, medierea permite identificarea cauzelor care trebuie să facă obiectul audierilor cu prioritate, dat fiind caracterul lor urgent. Judecătorul mediator acționează ca un judecător al urgențelor, facilitând accesul acestora la rolul instanței. Percepția funcției judiciare, ca fiind fundamentată pe imparțialitate și independență, conferă judecătorului un plus de autoritate morală. Aceasta poate contribui la evitarea abuzurilor de procedură din partea părților și fluidizarea negocierii. Judecătorul mediator este un negociator șlefuit prin uzul, practica și cunoașterea profundă a dreptului. Într-o anumită măsură el acționează ca un dirijor de orchestră care conduce abil negocierea dintre părți, echilibrează raportul de părți și devine un factor de care favorizează realismul și soluționarea. Dacă judecătorul mediator oferă opțiuni de soluționare, apoi el se ferește de a impune voința sa părților. În cauzele complexe, care implică mai multe părți, autoritatea morală a judecătorului constituie un atu semnificativ pentru soluționarea litigiului. În dosarele care au făcut obiectul unor medieri prealabile prejudiciare, intervenția judecătorului mediator este adesea esențială. În sala de mediere, judecătorul favorizează consensul ca negociator neutru prin a permite exprimarea normelor, valorilor și intereselor părților. Le permite acestora să își redacteze propria lor hotărâre, le reservecă cu litigiul lor. Judecătorul mediator veghează ca acest acord să nu încalce legea și ordinea publică însă nu controlează soluția. Cu asentimentul părților, el controlează procesul de mediere și dezvoltă opțiuni. Întrucât este plasat în umbra procesului judiciar formal și a garanțiilor procedurale ale acestuia, el se va feri în general să își exprime opinia asupra dreptului. În acest sens, trebuie reamintit că esența medierii judiciare este de a reda părților puterea lor de decizie.

Experiența medierii în apel demonstrează că învestirea unui singur judecător în acest sens permite eliberarea altor doi judecători, care își pot consacra timpul soluționării litigiilor pe cale judiciară. Un sistem integrat de mediere judiciară creează totodată o sinergie a instanțelor care sunt chemate să colaboreze pentru soluționarea globală a conflictelor. Adesea

medierea în apel permite soluționarea judiciară a unor litigii care așteaptă audierea în fața altor instanțe, ori sunt de durată.

Așadar, în urma aplicării efective a medierii pot fi realizate: un aranjament „câștig-câștig”, în concordanță cu interesele părților; o înțelegere ușor de adus la îndeplinire; un proces flexibil și adaptat; o pace socială; o metodă care tratează cauza conflictului; o formă care restaurează.

Medierea a arătat că, în materie civilă și comercială (economică) au fost găsite soluții în aproximativ 80% din cazuri, soluții care au fost executate fără dificultate și foarte rapid. Medierea permite încheierea de acorduri/înțelegeri la care părțile aderă și aceasta duce la o justiție mult mai rapidă și mai eficientă. Departe de creșterea costurilor sau de pierderea timpului, medierea permite o economie de timp și de bani, atunci când acordurile sunt obținute în mai puțin de trei luni și aduse la îndeplinire în mod voluntar. Datorită metodelor sale specifice care permit mediatorului să discute cu fiecare parte separat, medierea înlătură tensiunea și dă flexibilitate procesului. Dezbaterile contradictorii se întâlnesc și în mediere. Mediatorul poate discuta singur cu una dintre părți și să nu îi dezvăluie celeilalte conținutul discuției. Această flexibilitate nu poate fi întâlnită într-un proces în fața unei instanțe. Totodată, sunt necesare și garanții în legătură cu etica mediatorului. De aceea este important ca mediatorii să adere la Codurile Etice. Medierea nu trebuie să fie un obstacol într-un proces echitabil, în concordanță cu articolul 6 din Convenția Europeană a Drepturilor Omului (CEDO) [3].

În prezent, în multe țări din lume, medierea joacă un rol important în soluționarea alternativă a litigiilor [4]. Acest subiect a fost considerat ca fiind unul dintre cele mai importante de către Consiliul Europei și Uniunea Europeană (fiind adoptate numeroase Rezoluții, Regulamente, Decizii etc. întru implementarea și dezvoltarea acestei instituții – medierea). Începând cu anul 1980, Consiliul Europei s-a interesat îndeaproape cu privire la modalitățile de justiție alternativă și a adoptat un șir de acte normative:

1. Recomandarea R (81) 7 a Comitetului de Miniștri cu privire la accesul la justiție își propune să încurajeze procedurile care simplifică acest acces, printre care «concilierea părților și reglementarea diferendelor pe cale amiabilă, înaintea oricărei proceduri judiciare sau în cursul unei proceduri angajate».

2. Recomandarea R (86) 12 a Comitetului de Miniștri cu privire la diminuarea sarcinii tribunalelor preconizează «reglementarea pe cale amiabilă a diferendelor, fie în afara ordinului judiciar, fie înainte sau după procedura judiciară».

3. Recomandarea R (93) 1 a Comitetului de Miniștri cu privire la accesul

efectiv la drept și la justiție, pentru persoanele aflate în situație de sărăcie extremă, sugerează accesul efectiv la «modalitățile extrajudiciare de soluționare a conflictelor..., precum medierea și concilierea,... prin aceasta înțelegându-se beneficiul la ajutorul judiciar sau orice altă formă de asistență a acestor modalități de soluționare a conflictelor».

4. Recomandarea R (94) 12 a Comitetului de Miniștri cu privire la independența, la eficacitatea și rolul judecătorilor consacră, ca o veritabilă obligație judiciară: «încurajarea părților în obținerea unei reglementări pe cale amiabilă» (principiul V -3, e).

5. Recomandarea R (95) 5, cu privire la îmbunătățirea funcționării sistemelor și procedurii de recurs în materie civilă și comercială, cere în mod expres judecătorului să vegheze asupra «încurajării la reglementarea pe cale amiabilă» (articolul 6 g).

6. Recomandarea R (98) 1 coroborează recurgerea la medierea familială.

7. Recomandarea R (99) 19 stimulează medierea penală.

8. Recomandarea R (2001) 9 susține «modalitățile alternative de reglementare a litigiilor între autoritățile administrative și persoanele private»

9. Recomandarea R (2002) 10 încurajează medierea în materie civilă (adoptată de Comitetul de Miniștri la data de 18 septembrie 2002).

10. Propunerile CEPEJ (2007) 14 din data de 7 decembrie 2007, intitulate «Linii directe ce vizează îmbunătățirea punerii în practică a recomandărilor existente».

CEPEJ (Comisia Europeană pentru Eficacitatea Justiției) a condus un studiu, în statele europene, în ceea ce privește impactul ultimelor patru recomandări cu privire la mediere. Datorită acestui studiu, CEPEJ a elaborat linii directe și propune măsuri specifice, ce vizează asigurarea unei mai bune aplicări efective a următoarelor recomandări:

Recomandarea (98) 1 cu privire la medierea familială;

Recomandarea (2002) 10 cu privire la medierea în materie civilă;

Recomandarea (99) 19 cu privire la medierea în materie penală;

Recomandarea (2001) 9 cu privire la modalitățile alternative de soluționare a litigiilor între autoritățile administrative și persoanele private etc.

Tabloul de bord din 2013 privind sistemele judiciare ale Uniunii Europene se concentrează asupra parametrilor unui sistem judiciar care contribuie la ameliorarea climatului de afaceri și investiții. În special, acesta examinează indicatorii de eficiență privind cauzele civile și comerciale, care sunt relevanți pentru soluționarea litigiilor comerciale. De asemenea, tabloul de bord analizează instanțele administrative, întrucât acestea joacă un rol important

în cadrul unui mediu de afaceri, de exemplu, în ceea ce privește acordarea de licențe sau litigiile cu autoritățile fiscale, sau cu organismele naționale de reglementare. Principalele constatări ale primului tablou de bord sunt:

- durata procedurilor judiciare variază considerabil între statele membre ale UE, o treime dintre aceste state având proceduri cu o durată de cel puțin două ori mai mare decât majoritatea statelor membre. Problemele pot fi amplificate în situația în care ratele scăzute de soluționare a cauzelor conduc la un număr tot mai mare de cauze pendinte;
- monitorizarea și evaluarea contribuie la îmbunătățirea rapidității și calității actului de justiție. În timp ce majoritatea statelor membre au un sistem cuprinzător de monitorizare, un număr dintre acestea înregistrează întârzieri în acest sens;
- metode alternative de soluționare a litigiilor, cum ar fi medierea, reduc volumul de activitate al instanțelor și ar trebui utilizate pe scară mai largă;
- percepția privind independența sistemelor judiciare naționale diferă, de asemenea, considerabil. Cu toate că mai multe state membre se află printre primele zece lideri mondiali în ceea ce privește percepția independenței judiciare, în alte state membre, percepția întreprinderilor, care sunt utilizatorii finali ai sistemului judiciar, privind independența sistemului, este relativ scăzută.

Pe baza tabloului de bord, Comisia Europeană invită statele membre, Parlamentul European și toate părțile interesate la un dialog deschis cu privire la modul de îmbunătățire în continuare a sistemelor judiciare naționale din UE în contextul semestrului european. Miniștrii justiției europeni au participat deja, în cadrul Consiliului Justiție și Afaceri Interne din 08 martie 2013, la o primă discuție cu privire la modul în care sistemele judiciare eficiente pot contribui la creșterea economică (MEMO/13/173). De asemenea, Comisia va lansa o dezbatere mai cuprinzătoare privind rolul justiției în UE, care va începe cu organizarea unei conferințe la nivel înalt, Assises de la Justice, la 21-22 noiembrie 2013 [5].

Așadar, îmbunătățirea calității, independenței și eficienței sistemelor judiciare face parte din procesul de coordonare a politicilor economice ale UE din cadrul semestrului european. În 2012, au fost identificate șase state membre care se confruntă cu dificultăți în acest domeniu (Bulgaria, Italia, Letonia, Polonia, Slovenia și Slovacia), în special în ceea ce privește durata procedurilor judiciare și organizarea sistemului judiciar. Reformele judiciare naționale au constituit, de asemenea, o parte integrantă din programele de ajustare economică în Grecia, Irlanda, Letonia și Portugalia. Tabloul de bord va sprijini atât UE, cât și statele membre în vederea atingerii unui grad

sporit de eficacitate a sistemelor de justiție în beneficiul cetățenilor și al întreprinderilor. Aceasta va contribui la consolidarea strategiilor de creștere în țările în cauză și în ansamblul Uniunii Europene.

În ceea ce privește evoluția medierii în cadrul Uniunii Europene, trebuie precizat că în anul 2002, Comisia Europeană a emis așa-numita Green Paper – în care *Soluționarea Alternativă a Disputelor* (SAD) este considerată o prioritate politică pentru toate instituțiile UE care au drept sarcină, printre altele, promovarea acestor tehnici alternative. Mai mult decât atât, documentul a inițiat o consultare la scară largă cu statele membre și părțile interesate referitoare la posibile măsuri de promovare a utilizării medierii. Consecință a răspunsurilor pozitive, Comisia Europeană a emis în octombrie 2004 propunerea pentru o directivă asupra medierii în chestiunile civile și comerciale. Directiva 2008/52/CE se axează pe disputele transfrontaliere, având ca scop sporirea accesului la justiție prin punerea unui mecanism de rezolvare a disputelor la dispoziția părților private și întreprinderilor, dar și pe promovarea folosirii medierii în Uniunea Europeană fără ca aceasta să fie obligatorie.

În cazul conflictelor penale, sfârșitul anilor 1990 marchează intrarea într-o nouă fază a dezvoltării medierii victimă-infractor la nivel european; țări precum Germania, Norvegia, Franța, Austria sau Belgia beneficiază de o reglementare legală a medierii penale încă de la începutul anilor '90, în timp ce în state precum Marea Britanie, Finlanda, Republica Cehă sau Polonia un cadru legal pentru mediere se dezvoltă în premieră începând cu anul 2000; mai mult decât atât, programe-pilot de mediere victimă-infractor se desfășoară în aceeași perioadă în state precum Olanda, Irlanda, Luxemburg, Italia și Spania. Așadar, medierea penală a luat amploare în spațiul european, dezvoltându-se un număr mare de procese extrajudiciare de rezolvare a conflictelor conduse de părți, de un terț ales în mod liber sau desemnat de un judecător; în acest context, medierea apare ca o alternativă la urmărirea penală, având drept obiectiv remedierea supraîncărcării tribunalelor și aducerea unui răspuns rapid, eficace și util victimelor infracțiunilor.

Directiva 2008/52/CE a Parlamentului European și a Consiliului Europei din 21 mai 2008 privind anumite aspecte ale medierii în materie civilă și comercială. Prezenta directivă se aplică cazurilor în care o instanță trimite părțile să recurgă la mediere sau în care dreptul național prevede medierea. Mai mult decât atât, în măsura în care un judecător poate acționa ca mediator în conformitate cu dreptul național, prezenta directivă trebuie să se aplice de asemenea medierii efectuate de un judecător care nu este implicat în nici o procedură judiciară conexă domeniului sau domeniilor litigioase.

Aplicarea acestei directive nu trebuie, însă, să fie extinsă la demersurile instanței sau ale judecătorului sesizat cu soluționarea unui litigiu, în contextul procedurii judiciare privind litigiul respectiv, sau la cazurile în care instanța sau judecătorul sesizat solicită asistență sau consiliere din partea unei persoane competente.

Prezenta directivă nu trebuie să se aplice negocierilor precontractuale și nici procedurilor cvasijudiciare, precum anumite sisteme de conciliere judiciară, sisteme de soluționare a plângerilor consumatorilor, arbitrajul și deciziile experților sau procedurilor în cadrul cărora persoanele sau organele care conduc procedura emit o recomandare oficială, ce poate fi obligatorie sau nu privind soluționarea litigiului.

Medierea nu trebuie considerată o soluție inferioară procedurii judiciare din cauza faptului că respectarea acordurilor rezultate în urma medierii ar depinde de bunăvoința părților. Prin urmare, statele membre trebuie să le asigure părților un acord scris rezultat în urma medierii posibilitatea conferirii unui caracter executoriu conținutului acestuia.

Un stat membru ar trebui să aibă posibilitatea de a refuza recunoașterea caracterului executoriu al unui acord numai în cazul în care clauzele acestuia sunt contrare dreptului său, inclusiv dreptului internațional privat al acestuia, sau în cazul în care legislația acestuia nu prevede posibilitatea pentru conținutul acordului respectiv de a dobândi caracter executoriu. Un astfel de caz ar putea fi cel în care acordul cuprinde obligații care, prin natura lor, nu pot avea caracter executoriu.

Obiectivul prezentei directive este de a facilita accesul la soluționarea alternativă a litigiilor și de a promova soluționarea pe cale amiabilă a acestora prin încurajarea utilizării medierii și asigurarea unei relații echilibrate între mediere și procedurile judiciare.

Prezenta directivă se aplică, în cazul litigiilor transfrontaliere, în materie civilă și comercială, exceptând acele drepturi și obligații de care părțile nu pot dispune în conformitate cu legislația aplicabilă corespunzătoare. Directiva nu se aplică, în special, chestiunilor fiscale, vamale sau administrative și nici răspunderii statului pentru actele sau omisiunile sale în exercitarea autorității publice (“*acta iure imperii*”). Dispozițiile Directivei trebuiau transpuse în dreptul intern al statelor membre într-un termen maxim de 36 de luni de la data adoptării, adică până la data de 21 mai 2011.

La finalul anului 2010, Viviane Reding, vicepreședintele Comisiei Europene și responsabil cu justiția, chiar declara: “Măsurile UE sunt importante pentru promovarea unui acces alternativ și suplimentar la justiție

în viața cotidiană. Sistemele de justiție dau oamenilor posibilitatea de a pretinde respectarea drepturilor lor. Accesul efectiv la justiție este protejat în conformitate cu Carta UE a drepturilor fundamentale. Cetățenilor și întreprinderilor nu ar trebui să li se îngreșească drepturile doar pentru că le este greu să apeleze la sistemul de justiție, pentru că nu își pot permite acest lucru și nu pot să aștepte derularea procesului sau nu fac față birocrăției.”

De la 1 octombrie 2012, medierea a devenit o procedură prealabilă obligatorie și în România. Conform Legii nr. 192/2006 privind medierea “instanța va respinge cererea de chemare în judecată ca inadmisibilă în caz de neîndeplinire de către reclamant a obligației de a participa la ședința de informare privind medierea, anterior introducerii cererii de chemare în judecată sau după declanșarea procesului până la termenul dat de instanța în acest scop”, pentru unele litigii. Astfel, de la 1 august 2013 instanțele de judecată sunt obligate, înainte de a judeca cauza, să le ceară părților să soluționeze conflictul pe calea medierii, îndeosebi în cele ce țin de:

- domeniul protecției consumatorilor, când consumatorul invocă existența unui prejudiciu ca urmare a achiziționării unui produs sau a unui serviciu defectuos, a nerespectării clauzelor contractuale ori garanțiilor acordate, a existenței unor clauze abuzive cuprinse în contractele încheiate între consumatori și operatorii economici ori a încălcării altor drepturi prevăzute în legislația națională sau a Uniunii Europene în domeniul protecției consumatorilor;

- în materia dreptului familiei: continuarea căsătoriei: partajul de bunuri comune; exercițiul drepturilor părintești; stabilirea domiciliului copiilor; contribuția părinților la întreținerea copiilor; orice alte neînțelegeri care apar în raporturile dintre soți cu privire la drepturi de care ei pot dispune potrivit legii;

- în domeniul litigiilor privind posesia, grănițuirea, strămutarea de hotare, precum și în orice alte litigii care privesc raporturile de vecinătate;

- în domeniul răspunderii profesionale în care poate fi angajată răspunderea profesională, respectiv cauzele de malpraxis, în măsura în care prin legi speciale nu este prevăzută o altă procedură;

- în litigiile de muncă izvorâte din încheierea, executarea și încetarea contractelor individuale de muncă;

- în litigiile civile a căror valoare este sub 50.000 lei, cu excepția litigiilor în care s-a pronunțat o hotărâre executorie de deschidere a procedurii de insolvență, a acțiunilor referitoare la registrul comerțului etc.

Multitudinea aspectelor juridice, financiare, psihosociale, și mai ales cele privind durata soluționării conflictului prin justiție, cât și apariția

„instituției mediatorului” fac ca medierea, în calitate sa de alternativă pentru modernizarea sistemului judiciar din Republica Moldova, să fie una deosebit de complexă. De aici, a și apărut necesitatea descifrării semnificației și sensului ei nu doar pentru un cerc restrâns de specialiști, dar și pentru persoanele care ar putea deveni beneficiarii acestei metode. Republica Moldova nu-și mai poate permite „luxul pe care și l-a permis de decenii întregi”, de a plăti toate procedurile, fără să țină cont de existența soluțiilor alternative ale sistemului judiciar, care există și este aplicat eficient în multe state, inclusiv în spațiul Uniunii Europene.

Deși Republica Moldova se află la etapa de inițiere în ce privește implementarea medierii, reieșind din experiența mai multor state, inclusiv cele europene în rezolvarea alternativă a disputelor (negocierea, concilierea, medierea, arbitrajul) implementarea medierii va juca un rol important în degrevarea instanțelor de judecată de numărul mare de procese și în reducerea numărului de conflicte care vor ajunge în instanță.

Formal, implementarea mecanismelor alternative de soluționare a litigiilor este pe agenda Europeană a Republicii Moldova, ea fiind abordată și în strategii/programe de activitate ale Guvernului ”Programul Guvernului Republicii Moldova - *Integrarea Europeană: Libertate, Democrație, Bunăstare - 2011-2014*, inclusă și în Strategia de reformare a justiției. În realitate, în Republica Moldova se cunoaște despre mediere, ea este aplicată rar, iar despre medierea judiciară nici nu se vorbește. Legile, Codurile din Republica Moldova nu conțin asemenea noțiuni. Astfel, Codul de procedură civilă nu conține nici un articol, capitol care ar fi consacrate formei alternative de soluționare a litigiilor – medierii, iar Codul de procedură penală conține doar un articol (344 prim.).

În opinia noastră e necesar :

- Codul de procedură civilă să fie modificat în ce privește ajustarea lui cu prevederile *Legii cu privire la mediere nr. 134-XVI din 14.06.2007* privind îndeplinirea condițiilor contractuale de soluționare amiabilă prejudiciară a litigiului, suspendarea procesului, creșterea rolului instanței de judecată în promovarea și aplicarea medierii;

- de introdus obligativitatea soluționării prejudiciare prin mediere sau arbitraj a litigiilor dintre agenții economici, precum și a dreptului instanței de a acorda un termen în cadrul procesului pentru a tranșa litigiul pe cale amiabilă;

- de reglementat și procedura de informare obligatorie a părților despre posibilitatea recurgerii la mediere (conform art. 5 *Directiva 2008/52/CE privind anumite aspecte ale medierii în materie civilă și comercială*);

- a completa Codul familiei și Codul muncii pentru a asigura acoperirea legală și prevederea responsabilităților instituționale în materie de mediere pentru litigiile familiale și de muncă;

- a completa Codului civil cu norme privind suspendarea termenelor de prescripție în cazul inițierii unor proceduri prejudiciare sau prearbitrale de soluționare a litigiilor (după modelul Franței (art. 2245), României (art. 2541), Rusiei (art. 202), Estoniei (art. 167), Germaniei (§ 212a) etc.;

- a institui procedura specială pentru omologarea acordurilor (tranzacțiilor) de împăcare semnate în cadrul sau în afara procesului civil, inclusiv în litigiile cu element de extraneitate pentru a fi executate;

- a completa/modifica Codul penal și Codul de procedură penală în vederea reglementării procedurii, efectelor medierii precum și implicarea autorităților competente din domeniul penal pentru declanșarea și respectarea procesului de mediere, cât și alte măsuri ce țin de pregătirea profesională a mediatorilor, a avocaților-mediatori, a notarilor-mediatori, inclusiv a judecătorilor-mediatori etc.

Concluzii. Edificarea unui sistem judiciar modern, îmbunătățirea accesului cetățenilor la justiție, diminuarea sarcinilor instanțelor de judecată, accelerarea procesului de soluționare a cauzelor și consolidarea încrederii populației în actul de justiție nu pot fi soluționate fără a trece la soluționarea alternativă a litigiilor - ADR (alternative dispute resolution), termen utilizat în documentele de politici ale UE: Parlamentul European 2009 – 2014, Comisia pentru afaceri juridice, Proiect de raport referitor la soluționarea alternativă a litigiilor în materie civilă, comercială și de familie (2011/2117(INI), 8.6.2011), cunoscut și aplicat pe larg în multe state.

Un sistem judiciar eficient este esențial pentru creșterea economică a țării, iar încrederea persoanelor fizice și juridice în respectarea pe deplin a statului de drept ne asigură, în mod direct, încrederea necesară pentru realizarea de investiții. Din aceste considerente, deficiențele existente în cadrul sistemului judiciar constituie o problemă nu numai pentru persoanele care activează în acest sistem/domeniu, dar și pentru întreaga societate.

Referințe bibliografice

1. Năbârjoiu Neculae, Note de curs doctoral, Academia de Poliție, *Medierea conflictelor*, 2010; Dr. Nicolae Zecheru, *Medierea unor conflicte de natură penală, alternativă pentru modernizarea sistemului judiciar*: Editura Ministerului

Afacerilor Interne. - București: 2013 (Web: www.editura.mai.gov.ro).

2. Guinchard Serge, Bandrac Monique, S. Constantin. Delicostopoulos ș. a. *Droit processuel. Droit commun et droit compare du proces*, Edition Dalloz, 3-e edition, 2005, p. 997-1005. 2 ADR – acronim pentru *Alternative Dispute Resolution*, adică acel sistem de soluționare a litigiilor în afara unui proces judiciar, extras din Zeno Șuștac, Claudiu Ignat, Cristi Danileț, *Ghid de mediere*. Editura Universitară. - București: 2010. Pentru îmbunătățirea ghidului, contactați cdanilet@just.ro.

3. Éric Battistoni, judecător, Tribunalul Muncii din Verviers, Belgia, Marco Bouchard, Procuror, Parchetul din Torino, Italia, *Medierea și concilierea: norme europene și naționale*. Igor Dolea, Victor Zaharia, Gheorghe Gladchi, Vasile Rotaru, Marcela Dilion, Lilia Gribincea, Cristina Beldiga; *Raport de evaluare și monitorizare a implementării instituție medierii în Republica Moldova*, Institutul de Reforme Penale, Chișinău, Institutul de Reforme Penale, 2009.

4. Bobaru Daniela. *Medierea – alternativă la procesele lungi și costisitoare*, Universitatea Constantin Brâncuși din Târgu Jiu, Analele Universității “Constantin Brâncuși” din Târgu Jiu, Seria Științe Juridice, Nr. 2/2009, Annals of the „Constantin Brâncuși” University of Târgu Jiu, Juridical Sciences Series, Issue 2/2009, 119 – 124; Marcel Burlcau, Svetlana Rusu, Eugen Roșcovan, Valeriu Rusu, Alexandru Postică, Lilia Potîng, *Ghid de mediere a conflictelor fiscale*, Asociația Obștească “Agenția pentru Dezvoltare Regională Habitat”, or Rezina, str. Păcii, 61, MD-5400, Republica Moldova, Ghidul apare în versiune tipărită și electronică (pagina web: <http://www.habitat.md>).

5. *Ghid pentru o mai bună implementare a Recomandării cu privire la medierea în materie civilă și familială*, Adoptat de Comisia Europeană pentru Eficiența Justiției la 7 dec.2007, CEPEJ(2007)14, traducere: jud. Cristi Danileț.

constantin_l@mail.ru

LOCUL ȘI ROLUL IZVOARELOR DERIVATE ÎN DREPTUL UNIUNII EUROPENE: PERIOADA POST-LISABONA

Vasile CUCERESCU, *IRIM*

Rezumat

Legislația Uniunii Europene are un caracter distinct în sistemul de drept continental. Normele de drept european își găsesc consacrare în diverse izvoare juridice. Investigația transcende clasificarea clasică în surse scrise și nescrise, axându-se asupra categoriei izvoarelor derivate din triada ierarhică a izvoarelor de drept primar, secundar și complementar european. Sunt prezentate și analizate izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene, reliefându-se locul și rolul acestora în sistemul dreptului european.

Cuvinte-cheie: drept european, izvor derivat, act unilateral, act tipic, regulament, directivă, decizie, aviz, recomandare, act atipic, rezoluție, concluzie, comunicare, declarație, carte albă, carte verde, act convențional, acord internațional, acord între state membre, acord interinstituțional.

THE PLACE AND THE ROLE OF DERIVED SOURCES IN THE EUROPEAN UNION LAW: POST-LISBON PERIOD

Vasile CUCERESCU, *IRIM*

Abstract

The European Union legislation has a distinct character in the continental system of law. European law norms find their inclusion in various legal sources. Investigation transcends traditional classification in written and unwritten sources, focusing on the category of derived sources from hierarchical triad of European primary, sec-

ondary and complementary sources. The sources of European Union law are presented and analysed, projecting their place and role in the system of European law.

Keywords: *European law, derived source, unilateral act, typical act, regulation, directive, decision, opinion, recommendation, atypical act, resolution, conclusion, communication, declaration, white book, green book, conventional act, international agreement, agreement between Member States, interinstitutional agreement.*

Introducere. Dreptul Uniunii Europene este socotit în mod esențial un drept scris, fapt care nu a permis și nici nu a încurajat dezvoltarea cutumei ca izvor juridic. Cu toate acestea, se consideră că principiile generale ale dreptului sunt izvoare nescrise. Izvoarele dreptului Uniunii Europene designează ideea de sursă sau origine a dreptului european. Acestea s-au materializat în paralel cu evoluția integrării europene, în speță a integrării juridice.

Izvoarele dreptului Uniunii Europene se împart în izvoare materiale și formale. Prin izvoare materiale ale dreptului Uniunii Europene se înțeleg izvoarele care desemnează faptele europene de care norma juridică leagă nașterea, modificarea sau stingerea raporturilor juridice în cadrul procesului de integrare europeană. Pot constitui izvoare materiale ale dreptului Uniunii Europene doar faptele europene care fac obiectul reglementării normelor juridice. Prin izvoare formale ale dreptului Uniunii Europene se înțeleg izvoarele care exprimă forma pe care o îmbracă normele juridice elaborate de factorii competenți, domeniul de reglementare, ierarhia forței juridice a actelor normative, procedura de elaborare, întinderea normelor, producerea efectelor în spațiu, timp și asupra persoanelor.

Izvoarele dreptului Uniunii Europene sunt definite ca reprezentând „modalități specifice prin care regulile de conduită considerate necesare în structurile europene devin norme de drept prin acordul de voință al statelor membre” [5: 69]. Izvoarele dreptului Uniunii Europene rezultă din tratate, practica instituțiilor europene și a statelor membre, și din sistematizarea realizată de Curtea de Justiție a Uniunii Europene.

Izvoarele dreptului Uniunii Europene sunt de trei tipuri: izvoare primare, izvoare secundare și izvoare complementare. Excursul urmărește analiza izvoarelor derivate ale dreptului Uniunii Europene din perspectiva dezvoltării lor, inclusiv după Tratatul de la Lisabona. Izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene reprezintă legislația cea mai bogată din cadrul surselor juridice europene, fapt care reclamă analiza lor continuă pentru o implementare corespunzătoare a normelor *aquis*-ului european.

Metode utilizate. În scopul realizării prezentei investigații se face apel

la sistemul de metode generale, individuale și particulare de cercetare, precum metoda istorică, descriptivă, deductivă, analitică, sintetică și comparativă.

Prezentarea și analiza rezultatelor. Izvoarele derivate (secundare) ale dreptului Uniunii Europene reprezintă actele adoptate în scopul aplicării prevederilor tratatului. Izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene au caracter obligatoriu. Izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene constituie actele unilaterale și actele convenționale.

A) Actele unilaterale. Actele unilaterale constituie legislația secundară care generează drepturi în virtutea voinței exclusive a instituțiilor europene. Doctrina distinge două categorii de acte unilaterale: acte care sunt și acte care nu sunt prevăzute de nomenclatură.

(1) *Actele expres enunțate (tipice)* în nomenclatura articolului 288 al *Tratatului privind funcționarea Uniunii Europene* sunt: regulamentul, directiva, decizia, avizul și recomandarea.

Actele expres enunțate în articolul 288 al *Tratatului privind funcționarea Uniunii Europene* sunt însoțite de definiții.

Regulamentul este actul cel mai eficient pus la dispoziția instituțiilor europene în calitate de instrument legislativ. Regulamentul reclamă voința autorității Uniunii Europene.

Potrivit definiției din tratat, regulamentul reprezintă actul cu aplicabilitate generală, obligatoriu în toate elementele sale și direct aplicabil în fiecare stat membru al Uniunii Europene. Din definiție rezultă că regulamentul are trei caractere esențiale:

- *aplicabilitate generală* – regulamentul vizează categorii abstracte (generale) de persoane care nu pot fi identificate (distincte); Curtea de Justiție a Uniunii Europene a precizat că este regulament și actul care se adresează unor cercuri de categorii de persoane chiar dacă se putea stabili în momentul publicării numărul și identitatea destinatarilor la care se referă;

- *obligatoriu în toate elementele sale* – regulamentul devine obligatoriu pentru statele membre, instituțiile europene și persoanele fizice cărora se adresează, nu poate fi aplicat selectiv, parțial sau incomplet;

- *aplicare directă în fiecare stat membru* – regulamentul nu face obiectul vreunei măsuri de includere în dreptul național al statelor membre, consacră drepturi și obligații în mod independent de măsurile naționale de punere în aplicare, are calitate referențială pentru persoanele fizice în relația lor cu instituțiile europene, statele membre sau alte persoane fizice.

Efectele juridice ale regulamentului prevalează asupra legislațiilor naționale ale statelor membre în mod simultan, automat și uniform.

Regulamentul este de două feluri:

- *de bază* care conține dispoziții esențiale de reglementare;
- *de punere în aplicare* sau *executare* care conține dispoziții tehnice ale măsurilor de punere în aplicare.

Regulamentul intră în vigoare după 20 de zile din data publicării în Jurnalul Oficial al Uniunii Europene.

Exemple de aplicare a regulamentului pot constitui, de pildă, reglementarea prețurilor unor categorii de produse, protecția denumirii unor produse care provin din anumite zone, impunerea anumitor obligații față de producătorii de automobile etc.

Regulamentul este un act legislativ doar dacă este aprobat în modul stabilit conform procedurii legislative ordinare ori speciale.

Directiva este actul și instrumentul juridic al instituțiilor europene de punere în aplicare a politicilor atribuite, fiind utilizat în vederea armonizării legislațiilor naționale, de depășire a diferențelor dintre reglementările interne ale statelor membre.

Potrivit definiției din tratat, directiva este obligatorie pentru fiecare stat membru destinat cu privire la rezultatul care trebuie atins, lăsând autorităților naționale competența în ceea ce privește forma și mijloacele. Deci, directiva se caracterizează prin flexibilitate, întrucât prevede obligația privitoare la rezultatul scontat, în schimb statele membre dispun de dreptul asupra formei și mijloacelor de realizare. Directiva, emanația instituțiilor europene, reprezintă actul juridic obligatoriu care are un domeniu general de aplicare și care trebuie transpus în legislația internă a statelor membre.

Directiva, la fel ca și regulamentul și decizia, este obligatorie pentru statele membre, obligatorie în toate elementele sale, nu poate fi aplicată selectiv, parțial ori incomplet.

Cu toate acestea, există diferențe între directivă și regulament sau decizie. Dacă regulamentul se aplică imediat în legislațiile naționale la intrarea în vigoare, atunci directiva trebuie, mai întâi, transpusă pentru a fi aplicată. Modalitatea de punere în aplicare ține de competența statelor membre. Spre deosebire de decizie, directiva vizează un domeniu general de aplicare, destinat fiecărui stat membru.

Directiva reprezintă actul juridic care cuprinde două niveluri:

- *directiva propriu-zisă*, fiind adoptată de instituțiile europene;
- *măsurile naționale de transpunere* a directivei, fiind adoptate de statele membre; transpunerea permite statelor membre să se conformeze rezultatului stabilit prin directivă, iar autoritățile naționale sunt obligate să comunice Comisiei Europene măsurile determinate.

Operațiunea de transpunere a directivei urmează a fi realizată într-un interval de timp stabilit de instituțiile europene (de obicei, între 6 luni și 2 ani). La încheierea intervalului stabilit de timp, pot fi profilate trei situații limitative: Comisia Europeană poate solicita Curții de Justiție a Uniunii Europene să condamne statul membru (neexecutarea hotărârii pronunțate poate conduce la o nouă condamnare, susceptibile cu aplicarea unor amenzi). Curtea de Justiție a Uniunii Europene a statuat să se acorde în anumite condiții persoanelor fizice posibilitatea de a fi despăgubiți în temeiul transpunerii incorecte sau tardive a directivei de către autoritățile naționale (hotărârea Francovich și Bonifaci din 19 noiembrie 1991). Curtea de Justiție a Uniunii Europene constată efectul direct al directivei, ceea ce înseamnă că persoanele fizice o pot invoca direct în fața judecătorului.

Directiva produce efect direct vertical din momentul transpunerii, adică persoanele fizice pot invoca prevederile acesteia în fața instanței numai față de statele membre. Pe de altă parte, directiva nu produce efect direct orizontal, adică nu pot fi invocate prevederile acesteia în fața instanței față de alte persoane fizice.

Condițiile stabilite pentru persoanele fizice pentru a invoca o directivă în fața instanței țin de caracterul necondiționat și suficient de precis al dispozițiilor acesteia și transpunerea incorectă prin măsurile naționale.

Directiva intră în vigoare din momentul notificării destinatarilor sau din momentul publicării în Jurnalul Oficial al Uniunii Europene.

Exemplu de aplicare a directivei poate fi, de pildă, reglementarea timpului de lucru în Uniunea Europeană, etc.

Directiva este un act legislativ doar dacă este aprobată în modul stabilit conform procedurii legislative ordinare ori speciale.

Decizia este actul juridic adoptat de instituțiile europene în baza tratatelor fondatoare care se poate adresa unuia sau mai multor destinatari, ori să nu indice nici un destinatar precis.

Prin definiție, decizia este obligatorie în toate elementele sale. În cazul în care se indică destinatarii, decizia este obligatorie numai pentru aceștia. Fiind un act obligatoriu în toate elementele sale, decizia nu poate fi aplicată selectiv, parțial sau incomplet.

Decizia cu destinatar are o aplicabilitate strict individuală cu efecte pentru acesta. Destinatar al deciziei pot fi statele membre sau persoanele juridice. Decizia intră în vigoare din momentul notificării destinatarului. Publicarea în Jurnalul Oficial al Uniunii Europene nu exclude notificarea față de destinatar, unica formă de a face actul opozabil față de destinatar.

Decizia fără destinatar nu indică neapărat un destinatar în conformitate cu Tratatul de la Lisabona. Conform tratatului, conținutul deciziei a fost extins, devenind instrumentul juridic de bază al domeniului politicii externe și de securitate comună. În consecință, Consiliul Uniunii Europene și Consiliul European pot adopta decizii privind interesele și obiectivele strategice ale Uniunii Europene, acțiunile Uniunii Europene pe plan internațional, pozițiile Uniunii Europene privitoare la problematica internațională, modalitățile de punere în aplicare a acțiunilor și a pozițiilor Uniunii Europene.

Exemple de practicare a deciziei pot fi, de pildă, sancțiunile aplicate unor întreprinderi care fac uz de practici concertate sau comit abuzuri de poziție dominantă, etc.

Decizia este un act legislativ doar dacă este aprobată în modul stabilit conform procedurii legislative ordinare ori speciale.

Regulamentul, directiva și decizia sunt acte juridice obligatorii.

Avizul este instrumentul prin care instituțiile și organismele europene își exprimă un punct de vedere fără caracter obligatoriu, adică nu poate fi impusă nici o obligație în rezultatul emiterii acestui act a cărui respectare rămâne la discreția titularului care este obligat să-l ceară. Altfel spus, nu produce efecte juridice. Avizul se emite, în fond, la cerere.

De obicei, avizul prezintă utilitate în procesul elaborării actelor legislative. În acest scop, instituțiile sau organismele europene competente se pronunță într-o anumită chestiune. Spre exemplu, Comitetul Regiunilor poate emite aviz privitor la contribuția regiunilor în realizarea obiectivelor Uniunii Europene în domeniul energiei.

Recomandarea este instrumentul prin care instituțiile și organismele europene își fac cunoscută opinia și sugerează destinatarilor să adopte o anumită conduită fără a fi obligatorie. Recomandarea nu produce efecte juridice, fiindcă nu impune nici o obligație legală destinatarilor actului. Recomandarea se emite din oficiu.

Spre exemplu, Comisia Europeană a emis o recomandare ca structurile de remunerare a angajaților din sectorul financiar să nu-și asume riscuri excesive, deoarece se creează probleme sistemice în statele membre și se poate contribui la falimentul întreprinderilor.

Avizul și recomandarea nu sunt acte juridice obligatorii conform articolului 288 al *Tratatului privind funcționarea Uniunii Europene*.

(2) *Actele atipice* (nefiind enunțate în nomenclatura din articolul 288 al *Tratatului privind funcționarea Uniunii Europene*) sunt: rezoluția, concluzia, comunicarea, declarația, cartea albă și cartea verde.

Actele atipice fac parte din categoria actelor unilaterale în măsura în care nu sunt menționate în textele tratatelor. Actele atipice au fost create pentru practica instituțională, fiind utilizate în procesul de exercitare a competențelor atribuite instituțiilor europene în temeiul tratatelor. Actele atipice nu sunt acte legislative.

Rezoluția reprezintă documentul elaborat care conține voința sau expresia oficială a unei opinii adoptate de o instituție europeană. Rezoluția exprimă consensul actorilor asupra unei chestiuni distincte.

Concluzia constituie documentul elaborat care conține opinia la care se ajunge în rezultatul examinării și / sau dezbaterii în cursul sesiunilor asupra unei chestiuni de către o instituție europeană, investită cu puterea de adopta un asemenea act în virtutea exercitării atribuțiilor conferite.

Comunicarea este documentul elaborat prin care se realizează transmiterea unui mesaj din partea unei instituții europene.

Declarația înseamnă documentul elaborat de o instituție europeană prin care se enunță oficial și explicit relația de cauzalitate și efect a acțiunilor în aplicarea politicii Uniunii Europene. De obicei, declarația comună conține angajamente reciproce ale mai multor instituții europene.

Cartea albă este actul elaborat de o instituție europeană prin care sunt trasate liniile directoare dintr-un anumit domeniu de activitate, sunt stabilite măsurile și acțiunile ce urmează a fi întreprinse pentru atingerea unui obiectiv comun important. Spre exemplu, poate fi amintită Cartea albă a guvernării europene, Cartea albă a transporturilor, Cartea albă privind serviciile de interes general, etc.

Cartea verde reprezintă actul de consultare, elaborat de o instituție europeană, care conține măsuri cu caracter de recomandare pentru destinatari, fiind un document de analiză și reflecție ce poate sta la baza argumentării unei decizii. Drept exemplu pot servi calificările profesionale, domeniul energiei, gestionarea deșeurilor biologice, etc.

Regimul juridic al actelor unilaterale. În procesul de exercitare a competențelor atribuite, instituțiile europene dispun de dreptul de a-și alege actul pertinent privind aplicarea politicilor care le revin conform tratatelor.

Din punct de vedere formal, actele obligatorii trebuie să facă obiectul unei citări (i.e. prevederile dispozitive sunt precedate de sintagma „având în vedere”), necesită motivare (i.e. prevederile dispozitive sunt precedate de conjuncția „întrucât”) și trebuie să se refere la temeiul lor juridic.

În conformitate cu principiul publicității, actele obligatorii trebuie publicate în Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. De asemenea, acestea

pot fi notificate destinatarilor. De obicei, actele intră în vigoare în ziua notificării sau publicării în Jurnalul Oficial al Uniunii Europene. Prin derogare, actele pot prevedea intrarea lor în vigoare la 20 de zile de la publicare sau la o dată ulterioară menționată în text.

Actele unilaterale adoptate de către instituțiile europene constituie obiectul controlului jurisdicțional din partea Curții de Justiție a Uniunii Europene.

B) Actele convenționale. Actele convenționale ale Uniunii Europene îmbracă forma acordurilor, considerate izvoare derivate, izvoare secundare, legislație secundară.

Acordul exprimă rezultatul unui acord de voință al Uniunii Europene, încheiat cu un terț pentru a genera drepturi și obligații în baza angajamentelor. Spre deosebire de actul unilateral, acordul nu se încheie în rezultatul unei proceduri legislative ori a voinței unei instituții europene.

Actele convenționale cuprind trei tipuri de acorduri: acorduri internaționale, acorduri între statele membre și acorduri interinstituționale.

Acordurile internaționale. Acordurile internaționale constituie o categorie de acte juridice europene, încheiate de către Uniunea Europeană care acționează singură sau împreună cu statele membre în temeiul prevederilor tratatelor fondatoare.

Potrivit Tratatului de la Lisabona, Uniunea Europeană dispune de personalitate juridică, ceea ce înseamnă că este subiect de drept internațional care poate să negocieze și să încheie acorduri internaționale în nume propriu. Tratamentele constitutive definesc procedurile prin care Uniunea Europeană poate încheia acorduri internaționale, întrucât acestea produc efecte asupra dreptului intern al Uniunii Europene și asupra sistemelor naționale de drept din statele membre.

Prin acord internațional înțelegem rezultatul unui acord de voință între Uniunea Europeană, pe de o parte, și un terț (stat ori organizație internațională), pe de altă parte. Acordul internațional încheiat de către Uniunea Europeană este susceptibil de a crea drepturi și obligații pentru instituțiile europene și statele membre. Acordul internațional semnat de către Uniunea Europeană devine parte integrantă a ordinii juridice interne din momentul intrării în vigoare a acestuia.

Din punct de vedere al axiologiei juridice, se impun două precizări legate de acordul internațional la care este parte Uniunea Europeană.

Primo, din moment ce acordul internațional la care este parte Uniunea

Europeană intră în categoria izvoarelor derivate, secundare, înseamnă că acesta trebuie să fie conform tratatelor fondatoare.

Secundo, deși acordul internațional semnat de Uniunea Europeană face parte din legislația secundară, împreună cu actele unilaterale, totuși acordul internațional are o valoare juridică superioară în raport cu izvoarele unilaterale, întrucât acestea au fost adoptate în mod unilateral de instituțiile europene.

Competența externă a Uniunii Europene este definită prin domeniile de acțiune externă și procedurile de încheiere a acordurilor în dispozițiile titlului V din *Tratatul privind funcționarea Uniunii Europene*. Astfel, Uniunea Europeană poate încheia acorduri cu una sau mai multe țări terțe sau organizații internaționale, în cazul în care se prevede astfel în tratate sau în cazul în care încheierea unui acord fie este necesară pentru realizarea, în cadrul politicilor Uniunii Europene, a unuia dintre obiectivele stabilite prin tratate, fie este prevăzută printr-un act juridic obligatoriu al Uniunii Europene, fie poate influența normele comune ori poate modifica domeniul de aplicare a acestora. Acordurile încheiate de Uniunea Europeană sunt obligatorii pentru instituțiile europene și pentru statele membre. Uniunea Europeană poate încheia acorduri cu una sau mai multe țări terțe sau organizații internaționale, pentru a crea o asociere caracterizată de drepturi și obligații reciproce, de acțiuni comune și proceduri speciale.

La încheierea unui acord internațional Uniunea Europeană dispune de două tipuri de competență: exclusivă și partajată.

Competența exclusivă desemnează faptul că Uniunea Europeană este singura care poate negocia și încheia un acord internațional. *Tratatul privind funcționarea Uniunii Europene* stabilește limitele competenței exclusive a Uniunii Europene în ceea ce privește încheierea unui acord internațional în cazul în care această încheiere este prevăzută de un act legislativ al Uniunii Europene ori este necesară pentru a permite Uniunii Europene să își exercite competența internă sau în măsura în care aceasta ar putea aduce atingere normelor comune sau ar putea modifica domeniul de aplicare a acestora.

Competența partajată desemnează faptul că Uniunea Europeană este legată și de consimțământul statelor membre la negocierea și încheierea unui acord internațional, deoarece acesta trebuie încheiat atât de Uniunea Europeană cât și de statele membre. În conformitate cu această procedură nu suntem în situația unui acord „pur”, clasic, ci „atipic”, mixt, fiindcă și statele membre trebuie să se pronunțe. *Tratatul privind funcționarea Uniunii Europene* stabilește competența partajată a Uniunii Europene cu statele membre (art. 4).

Acordurile între statele membre. Statele membre ale Uniunii Europene pot negocia și încheia acorduri în vederea realizării unor obiective distincte și a soluționării unor probleme specifice. În acest sens, statele membre nu trebuie să încalce dreptul intern al Uniunii Europene.

Acordurile interinstituționale. Acordurile interinstituționale sunt încheiate între instituțiile Uniunii Europene în vederea organizării și facilitării cooperării eficiente în cadrul sistemului instituțional european, în contextul aplicării tratatelor și a îmbunătățirii ori clarificării procedurilor.

Cu toate că au luat naștere în rezultatul practicii instituționale, acordurile interinstituționale au fost consacrate în tratatele constitutive recent, adică de ultimul text, Tratatul de la Lisabona. Astfel, se recunoaște existența acordurilor interinstituționale. Instituțiile europene se consultă reciproc și organizează, de comun acord, condițiile cooperării lor, cu respectarea tratatelor, privind încheierea de acorduri interinstituționale care pot avea un caracter obligatoriu care depinde de voința autorilor actului dacă își asumă sau nu relații de obligativitate.

Acordurile interinstituționale europene pot lua forma unor coduri de conduită, schimburi de scrisori, etc.

Concluzii. În ierarhia izvoarelor juridice ale dreptului Uniunii Europene, izvoarele derivate se plasează imediat după izvoarele primare, datorită importanței normelor pe care acestea le conțin, în sensul că funcția lor este de a pune în aplicare dispozițiile de drept primar.

Izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene conțin cele mai dinamice izvoare juridice din totalitatea surselor juridice europene – izvoare primare, izvoare derivate și izvoare complementare. Izvoarele derivate ale dreptului Uniunii Europene reprezintă, în primul rând, emanația instituțiilor europene, competente în a elabora normele juridice ale izvoarelor derivate, și în al doilea rând, răspunsul imediat la multitudinea relațiilor sociale din cadrul Uniunii Europene care intră sub incidența reglementărilor de drept european în rezultatul aprofundării relațiilor dintre statele membre.

Ansamblul de relații complexe care se dezvoltă în cadrul Uniunii Europene depășește competența națională a statelor membre, constituind apanajul competenței unionale de reglementare juridică.

Referințe bibliografice

1. Alomar Bruno, Daziano Sébastien, Lambert Thomas, Sorin Julien, *Grandes questions européennes*, 2e édition, Paris: Sedes, 2010, 568 p.

2. Horspool Margot, Humphreys Matthew, *European Union Law*, Oxford: Oxford University Press, 2012, 672 p.
3. Jacqué Jean Paul, *Droit institutionnel de l'Union Européenne*, 7e édition, Paris: Dalloz, 2012, 786 p.
4. Kaczorowska Alina, *European Union Law*, 3rd edition, New York: Routledge-Cavendish, 2013, 969 p.
5. Mazilu Dumitru, *Integrarea europeană. Drept comunitar și instituții europene*, București: Editura Lumina Lex, 2007, 614 p.
6. *Tratatul privind funcționarea Uniunii Europene*, versiune consolidată, JO C 83/30.03.2010

cucerescu@irim.md

DEZVOLTAREA ECONOMICĂ ÎN CONTEXTUL GLOBALIZĂRII

METODOLOGIA ȘI INSTRUMENTELE POLITICII MACROPRUDENȚIALE

Radu CUHAL, doctor în economie, conferențiar universitar, BNM

Ludmila STARÎÎNA, doctor în economie, conferențiar cercetător, BNM

Nicolae BASISTÎI, BNM

Rezumat

Conceptul abordării macroprudențiale - nu reprezintă ceva nou (Crockett, 2000), totuși numai după criza financiară globală, instituțiile de conducere pe deplin au conștientizat probabilitatea și costurile unui eșec sistemic pe piețele financiare moderne și necesitatea controlului riscului dat. Ca rezultat această abordare se află încă în curs de dezvoltare (FSB/ FMI/ BIS, 2011). Politica macroprudențială deseori utilizează mecanismele și instrumentele tradiționale de reglementare în scopul asigurării unei abordări integrate, care necesită implementarea unui nou regim de reglementare pentru monitorizare în sistemul financiar a semnelor de creștere a pericolului pentru stabilitatea financiară și adoptarea unor măsuri pentru combaterea acestor amenințări. În articolul dat sunt justificate abordările metodologice ale politicii macroprudențiale; se iau în considerație instrumentele pentru prevenirea crizei financiare și pentru reducerea riscurilor posibile.

Cuvinte – cheie: Politica macroprudențială, riscul de lichiditate, sistemul financiar, monitoring bancar, evaluarea riscului sistemic, bufer de capital.

METHODOLOGY AND INSTRUMENTS OF MACROPRUDENTIAL POLICY

Radu CUHAL, Ph. D. in Economics, NBM

Ludmila STARIȚÎNA, Ph. D. in Economics, NBM

Nicolae BASISTÎI, NBM

Abstract

The concept of macro-prudential approach is not new (Crockett, 2000), but only after the Global Financial Crisis the possibility and the system failure costs in the financial markets, as well as the necessity of the systemic risk control were recognized by policymakers. As a result, this approach is still developing (FSB/IMF/BIS, 2011). The traditional mechanism and regulation instruments are often used by macro-prudential policy to ensure an integrated approach, which requires the new regime of regulation for monitoring the signs of increasing threats to stability and measures adopted by the regulator to eliminate these threats. In the article the methodological approaches to macro-prudential policy are grounded, and its instruments to prevent the financial crisis and reduce risk are analyzed.

Keywords: Macroprudential policy, liquidity risk, financial system, bank monitoring, measurement of systemic risk, capital buffer.

Introduction

Because it is increasingly recognized what traditional financial regulation allowed uncontrolled increasing of budget and financial vulnerability, contributing with this to the Global financial crisis, the authorities of many countries are ready to examine much more systemic approach to financial regulation. This complex approach is named macroprudential policy.

Macroprudential policy doesn't intend to replace the traditional regulation of financial organizations, such as commercial banks, which are needed for financial system prosperity. Instead of this, the policy adds and supplements microprudential policy. It usually uses traditional regulatory instruments and relies on traditional regulatory authorities to implement and maintain the regulation. But the policy uses these instruments to withstand growing risks in the financial system. This developing approach can require new form of regulatory regime to trace in financial system the signs of increasing threats to stability and measure adoption by the authorities to deal with these threats.

The notion of macroprudential policy is not new [1], but only after global financial crisis had occurred, policymakers completely realized the probability and costs of systemic failure on modern financial markets and the necessity of systemic risk control. As a result, this approach is still developing [3].

Main content

Macroprudential framework

Macroprudential policy has to discover and smooth system stability risks, lowering in its turn economy costs during the failures of financial services, which are underlies the functioning of financial markets (for example, credit providing, insurance services and payment and settlement services [2;5].

As the example of these failures may serve credit contraction, when the losses of banks and other creditors lead to reduction in lending to households and companies, what, in its turn, lows general economic activity.

These failures may be caused by general or aggregate financial sector weakness or the bankruptcy of so-called large single systemic organizations, which have financial connections with many other organizations.

General weakness appears when financial sector meets in general the same risks of excessive volumes – be it credit risk (lenders won't pay their debts), market risks (the value of the collateral will be lowered) or the risk of liquidity (it will appear difficult to sell assets or to refinance the debts). For example, on the threshold of crisis in the United States and in other regions credit was more and more tied with the value of pledge in the form of real estate. After the housing market collapse creditors found themselves liable to market (because real estate prices were lowered) and credit risk due to borrowers' limited possibilities to return their loans. Besides, in some countries lenders were increasingly borrowing the facilities on wholesale markets (for example, money market mutual fund), they provided afterwards as loans, relying in the less degree on traditional clients' deposits. When the resources of these markets were exhausted (especially after Lehman Brothers bankruptcy in 2008), such kind of lenders faced the liquidity risks because of their incapability to refinance their debts with approaching maturity [9].

If financial institutions had general open positions on these risk sources or these positions are linked between financial institutions, the most or even all financial intermediaries (such as banks and other lenders), probably will find themselves under some pressure because assets value is lowering and

replacement costs of lendable funds (liabilities) is increasing. This has negative impact over system capability to provide to economy main financial services, including credit and payment services.

The bankruptcy of a single institution can create a systemic risk, when it limits the ability of other institutions to continue to offer financial services to the economy. Usually, this kind of major organizations, which are linked with many other institutions, can provide secondary effects in the way that their bankruptcy threatens the system stability. These secondary effects can be spread by one or several chain reaction channels:

- direct connections of other financial institutions with suffered organization;
- asset fire sale of suffered organization, which leads to reducing the costs of similar assets, forcing other organizations to bear losses on their assets;
- other financial institutions reliance on the continuation of the provision to suffered institution of such financial services as loans, insurance and payment services;
- increase in the financing cost and mass deposit withdrawal from other organizations after the bankruptcy of the systemically important organization [10].

For instance, Lehman Brothers bankruptcy in 2008 led not only to direct losses in other financial institutions, but also to drastic increasing of financing costs for all financial institutions because financing providers weren't sure, which organizations bore losses, caused by Lehman Brothers ruin. As a result, they were wary of lending of any institution.

To allow to macroprudential policy to low expected costs of general weakness and irregularities caused by bankruptcy of single but systemically important institutions, two kinds of organizations must be included in its competence – systemically significant institutions and all lenders with leverage (which use borrowed funds for lending).

There are not only major banks, which are included in the group of the systemically significant organizations, but also there are the organizations providing the most important payment and insurance services to other financial organizations. For instance, American International Group (AIG) to the point provided insurance services to other financial organizations in the form of protecting the value of the securities owned by these institutions and linked with mortgages. If the AIG bankruptcy had been allowed, this insurance protection would have been vanished causing large losses of other institutions.

All lenders, who use borrowing funds for lending, irrespective of their size, are included in the range of macroprudential policy activity, because their joint weakness can influence over lending to the economy in general [10]. Despite of the fact that usually banks are the largest leverage lenders, in some jurisdictions on the important classes of creditors, which are not banks, the macroprudential policy coverage should be extended too. Otherwise, there is a risk that lending process will be transferred from banks sector to non-banks whose operations are limited to a lesser extent.

Methodology and applied materials

Macroprudential policy in practice

Macroprudential policy has to use a number of instruments to overcome general weakness and the bankruptcy of separate companies. As one taken separately instrument is unlikely to be able to cover the various sources of systemic risk, macroprudential regulation authority must be able to adapt specific macroprudential instruments for particular vulnerabilities identified by their analysis [8].

A number of instruments were elaborated and used recently to limit the aggregate risk accumulation with time. The dynamic capital buffer is an important instrument. Regulatory authorities required a long time ago financial organizations to have a certain amount of capital (usually, of share capital and retained earnings), allowing to cover (or smooth) losses on credits or securities. Dynamic buffer, suggested by the international group of specialists on regulation which is being congregated in Basel, Switzerland, lead to requirements from macroprudential policy authorities to financial organizations to increase their capitals in case, they face the signs of unusual rapid credit growth or sharp rise in asset prices, caused by credits. Accumulation of capital buffer has dual effect. Since lenders have to raise their own funds more costly, the cost of credit should be increased while its growth should slow down.

At the same time, the buffer should strengthen the system stability, allowing it to bear better any losses when a boom gives way to decline, which in turn reduces the likelihood of costly credit crunch.

Dynamic, or counter-cyclical, capital buffer is just one of the instruments at the disposal of macroprudential authorities to mitigate the specific vulnerabilities. Many of these tools were used in the past (especially in emerging market economies) to prevent the cycles of boom and bust and they include the instruments to eliminate the interaction between market risks and credit risks (such as maximum norms of the loan-to- the collateral

value for mortgages ratio) and to annihilate the accumulation risk of lack of liquidity proportional to the sharp increase in loan (such as instruments measures to limit the over-reliance on unstable wholesale funding):

- Variations of sectoral balance taking into account risks. Supposed to be less rough than dynamic capital buffer, they enforced organizations to add funds for covering of new loans in the sectors where excessive risks are accumulated. For example, Turkey has recently raised its norms for new loans to households to restrain high rates of credit growth in this segment.

- Macroprudential policy has to use a number of instruments to overcome general weakness and bankruptcies of single firms. Dynamic reserves force banks to set aside money in good times to cover loan losses when credit losses are relatively low, so that the balance sheets of banks increases the readiness to cover losses accumulated during the recession. The dynamic reserves regime was introduced in Spain in 2000 and later in Colombia, Peru, Uruguay and Chile.

- The ratio of the loan-to-collateral value. The maximum values of the ratio of loan-to-collateral value are increasingly used to reduce systemic risk in the episodes of boom and bust in real estate markets. The ratio of the loan-to-collateral value help to limit leverage ratio of households by limiting the size of the loan amount, significantly inferior to the value of property. They can also restrain the growth of housing prices and reduce the possibility that households with negative difference between providing costs and debts will be forced to go to default on their debts during the phase shift of housing cycle [6]. They are often complemented with a debt-to-income ratio, which seek to limit the proportion of household income spent on debt service.

- Measures relating to foreign currency lending. If borrowers receive loans in foreign currency, their ability to repay the debt may be changed substantially as they are not protected against oscillations in case of the foreign currency value increase. The threat of increasing the foreign currency value enhances credit risk for lenders as debt repayment becomes more expensive for borrowers. Macroprudential measures for reducing these risks include portfolio limits on foreign currency loans and other targeted restrictions such as the requirement of capital increases and more stringent limits on loan-to-collateral value and debt-to-income ratio on foreign currency loans (an approach recently adopted in a number of countries of Central and Eastern Europe with emerging markets).

- Liquidity requirements. With easy access to funding, increase in obligatory buffer of liquid assets (which are easy to convert quickly into cash)

provides cash, which can be used when funding runs out. This increase of requirements liquidity changing in time can also restrain the expansion under the influence of short-term and unstable wholesale financing and weaken dangerous dependence on such kind of financing. Recently, such measures have been introduced in New Zealand and Korea.

Official authorities have also to be capable to reduce bankruptcy risk of single systemic financial organizations. Most of the instruments, which are currently being discussed in this context, are designed to reduce the probability of failure of too important organizations to allow them to go bankrupt. The Financial Stability Board, an international regulatory authority created in 2009, has recently announced that a number of financial institutions, which have a great importance to the world economy, mainly major international investment banks, will have to carry out additional requirements regarding the ratio of the minimum capital size and the amounts related to the level of risk to which the global financial system is exposed by these organizations.

Despite the fact that these additional requirements regarding the minimum capital will help to restrain the growth of such kind of organizations, and better prepare them to cover the losses, some additional tools would also be useful to mitigate the effects of a systemically important institutions bankruptcy. For instance, arguments in favor of requiring from the organizations to increase their capitals for the actual risk associated with major systemically important institutions appears to be weighty, because the effect of major company bankruptcy is transferred by this open positions.

The requirement for greater transparency of open positions, including the transparency among financial institutions in the derivatives markets, is another potentially effective instrument to mitigate the uncertainty and, in its turn, the influence of single systemic organization bankruptcy to the market as a whole. It is this kind of uncertainty, which contributed to the freezing of financial markets after the Lehman collapse.

Results of investigations

Effective components of macroprudential policy

Since macroprudential policy is at an early stage of implementation, the authorities must cope with three major challenges before it can become effective:

- the construction or the improvement of its institutional framework;
- the development of an analytical framework for effective monitoring and the evaluation of systemic risk to direct corresponding policy measures;
- the establishment of international cooperation

Institutional framework

While the institutional foundations development of macro-prudential policy should take into account the special circumstances of countries and differences in institutional initial conditions, some general goals are likely to be relevant to all countries. Mechanisms must contribute to the effective identification of potential risks, provide powerful incentives to take effective measures to deal with these risks timely, and facilitate coordination of policies affecting the systemic risk [10].

To achieve these goals the system should avoid complex and overly fragmented structures. With numerous players institutional fragmentation and competition may hamper the identification of risks and the reduction of systemic risk, reducing the effectiveness of macro-prudential policy. In addition, to create strong incentives for action, the system must specify the leading body with a precise mandate and corresponding authority for it to be responsible for the achievement of its goals.

An independent central bank must play an important role in all the mechanisms. Central banks do not only have experience in risk assessment, as lenders of last resort of organizations, faced with liquidity problems. They have also the incentives to take timely measures to reduce the increasing risks. In addition, the important role of a central bank allows establishing the coordination with monetary policy that specifies the common conditions affecting the demand for credit and its supply. Government involvement is useful in order to support tax policies to promote changes in legislation that may be required in order to allow the authorities to reduce systemic risk. These changes include the regulator creation of non-bank credit organizations and other systemically important institutions. However, the important role of the government can create a risk, because of government's political character and due to the fact that it have incentives to oppose the adoption of macroprudential measures in good time when they are most needed.

The measurement of systemic risk

The question of how to create an analytical framework that would identify effectively and beforehand the systemic risks and encourage the adoption of macroprudential authorities' timely and suitable measures is also an important issue. Some attempts have been made to develop a single indicator of general systemic risk that could trigger the macroprudential instruments. But despite of the attractiveness of these statistics – because it would be easy to explain and use this statistics to evaluate the effectiveness of policies - such an indicator is still not found.

Instead, policy makers tend to use a set of indicators [7]. This approach recognizes that systemic risk is not limited to one single aspect. Additional information can also help policymakers to determine which instrument or instrument combination would resolve potential problems most effectively. For instance, to measure aggregate risk macro-prudential authority must monitor the general credit risk, liquidity risk and market risk, as well as the concentrations of any of these risks in a particular sector, such as housing and consumer credit. The authority will then analyze all these risks to make a decision on the most effective policy instruments to eliminate them.

International aspect

As national financial systems around the world are interconnected and the financial services provision extends beyond the borders of the countries, the countries need to coordinate their macroprudential policy. The necessity for international coordination is caused by the situation, where credit boom and the formation of asset price bubbles can contribute to attracting loans from abroad. The coordination also limits the abilities of systemic important on the international level organizations to transfer their activity to less restricted jurisdictions opposing in that way one country to another.

General instruments and international agreements on “mutual” use of such instruments can facilitate the coordination. As a good example may serve dynamic capital buffer created under the aegis of Financial Stability Board. But what will happen when countries discover what they have to use the instruments, which have no standards of reciprocity? It is not clear and have to be in the centre of international discussions during the evolution of global financial system.

Conclusion

Even the best macroprudential policy is not capable to prevent all financial crises. It means that there is a need of the reliable and flexible lender of last resort (usually it is central bank) to smooth temporary deficits of liquidity. There is also the need of trustworthy policy instruments to use the measures of influence (sanctions) towards the insolvent financial organizations or even to close them. Moreover, macroprudential policy can't work in vacuum. Rational monetary policy, tax policy and spending policy are needed to create stable conditions, contributing to healthy financial system development. Finally, directory authorities have to take into consideration that macroprudential policy as well as any other public policy is linked with costs, and the compromises between stability and financial system efficiency are possible. For in-

stance, requiring from financial organizations to maintain the high level of their capital and liquidity, authorities can strengthen the system stability but at the same time they can take measures when credit would be more expensive, and in its turn, the economic growth can be slowed down.

References

1. Crockett, Andrew, (2000) *Marrying the Micro- and Macro-prudential Dimensions of Financial Stability*, remarks before the Eleventh International Conference of Banking Supervisors, September 20-21, Basel, <http://www.bis.org/review/rr000921b.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
2. Financial Stability Board, International Monetary Fund, and Bank for International Settlements (FSB/IMF/BIS), (2009) *Guidance to Assess the Systemic Importance of Financial Institutions, Markets and Instruments: Initial Considerations, report to the G-20 finance ministers and central bank governors*, Basel, <http://www.imf.org/external/np/g20/pdf/100109a.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
3. Financial Stability Board, International Monetary Fund, and Bank for International Settlements (FSB/IMF/BIS), (2011) *Macroprudential Policy Tools and Frameworks, progress report to the G-20*, Basel, <http://www.bis.org/publ/othp13.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
4. Jacek, O., Luis I., Jacome, and Pamela Madrid, (2011) *Institutional Models for Macroprudential Policy*, IMF Staff Discussion Note 11/18 Washington: International Monetary Fund, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1118.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
5. International Monetary Fund (IMF), (2011a) *Macroprudential Policy: An Organizing Framework*, *IMF Policy Paper*, Washington, <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2011/031411.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
6. International Monetary Fund (IMF), (2011b) *Housing Finance and Financial Stability – Back to Basics?*, *Global Financial Stability Report, Chapter 3*, Washington, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2011/01/pdf/chap3.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
7. International Monetary Fund (IMF), (2011c) *Toward Operationalizing Macroprudential Policies: When to Act?*, *Global Financial Stability Report, Chapter 3*, Washington: September, <http://www.imf.org/External/Pubs/FT/GFSR/2011/02/pdf/ch3.pdf>, [Accessed 10 April 2013].
8. Lim, Cheng Hoon, Columba, F., Costa, A., Piyabha, K., Akira, O., Saiyid, M., Torsten W., (2011) *Macroprudential Policy: What Instruments and How to Use Them? Lessons from Country Experiences*, IMF Working Paper 11/ 238, Washington, <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2011/wp11238.pdf>, [Accessed 10 April 2013].

9. Merrouche, Ouarda, and Erlend W. Nier, (2010) What Caused the Global Financial Crisis? Evidence on the Drivers of Financial Imbalances 1999-2007, *IMF Working Paper 10/ 265*, Washington, <http://www.imf-ieo.org/external/pubs/ft/wp/2010/wp10265.pdf>, [Accessed 10 April 2013].

10. Nier, Erlend W., (2011) Macroprudential Policy - Taxonomy and Challenges, *National Institute Economic Review*, Vol. 216, No.1, p. R1- R15. http://api.ning.com/files/cXoyaNxi7x*EEzSoHp90KCq*ArV9TRPCIqh0a2QzAZVblZay2N17ITDPBLptOLV018yxTHTe75aahOANA*CvmPn*G8SQy0fl/NierMacroprudentialPolicies.pdf, [Accessed 10 April 2013].

Radu.Cuhal@bnm.md

Ludmila.Staritina@bnm.md

Nicolae.Basistii@bnm.md

DISCURSURI POLEMICE

DESPRE ASPECTUL ANTROPOLOGIC AL RELAȚIILOR INTERNAȚIONALE CONTEMPORANE

Vladimir GUTOROV, *doctor habilitat în filosofie,*
Universitatea de Stat din Sankt-Peterburg

Rezumat

În articol sunt analizate unele momente importante ale dezbatărilor referitoare la influențele procesului globalizării asupra condițiilor fundamentale ale existenței umane. Autorul analizează influențele asupra domeniilor: politic, economic, educațional. O atenție deosebită se acordă modificărilor din conținutul relațiilor internaționale ce au loc în lumea postcomunistă și tendințelor ce pot determina depășirea lor.

Cuvinte-cheie: *relații internaționale, globalizarea, geopolitica, postdemocrația, civilizația, învițământul.*

ON THE QUESTION OF ANTHROPOLOGICAL APPROACH TO MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Vladimir GUTOROV, *Ph. D. in Philosophy,*
Universitatea de Stat din Sankt-Peterburg

Abstract

In the article some important moments of discussion about the influence of globalization process on fundamental conditions of human existence including political, economic and educational spheres are analyzed. The main attention is paid to the new configuration of international relations which intensifies the contradictions in post-communist world and to the tendencies promoting their surmounting.

Keywords: *international relations, globalization, geopolitics, post-democracy, civilization, education.*

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К СОВРЕМЕННЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

На состоявшейся 2 апреля 2013 г. научно-практической конференции «Международные отношения – специфическое поле интеллектуальной активности. Вклад сопутствующих институтов», организованной Институтом международных отношений Молдовы (г. Кишинев) был представлен ряд интересных докладов, посвященных глобальным проблемам современности и теории международных отношений. Их содержание во многих аспектах представляется мне дискуссионным и заслуживающим дополнительного критического обсуждения (см.: 1; 2; 3; 4).

Начнем с глобальных проблем. В докладе Я. Яскевич «Глобальные политические риски и сценарии цивилизационного развития» встречается, например, следующее аналитическое рассуждение: «В

XXI столетии *классическая геополитика*, которую называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами, трансформируется в *глобальную геополитику (цивилизационную)*, в основу которой должны быть положены постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии гецивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли... Так называемая *Беловежская геополитическая эпоха*, наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение «холодной войны», с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несиловой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, идеалами взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы»» (2, с. 175-176).

В рамках данного, наполненного пророческим оптимизмом, рассуждения автор не только рассматривает перспективы наступления новой геополитической эры с позиции «долженствования», весьма характерной для многих политических теоретиков, специализирующихся в области геополитики, но и выражает надежду на радикальную трансформацию человеческой природы, которая по своему размаху вполне сможет соответствовать глубине веры в грядущий поворот в

мировой истории. Такого рода иллюзии далеко не единичны. В XX веке они регулярно возникали с каждым новым десятилетием и их не могли искоренить даже такие страшные катастрофы, каковыми были первая и вторая мировые войны. Ровно десять лет назад в предисловии к работе итальянского историка А.Д. Де Робертиса «Администрация Рузвельта и коллективная безопасность» мне пришлось следующим образом комментировать оптимизм великого американского президента в отношении нового мирового порядка, создаваемого лидерами великих держав под эгидой ООН: «И Рузвельт, и Сталин оказались достаточно прозорливыми, подчеркивая на конференции в Ялте, что механизм новой международной организации призван гарантировать мир, по крайней мере, на ближайшие пятьдесят лет. И действительно, именно на шестом десятке лет ее существования совершенное США и некоторыми их западноевропейскими союзниками нападение на Югославию в обход ООН и Совета Безопасности, равно как и продемонстрированное США в сентябре 2002 г. явное намерение осуществлять военные акции против Ирака, не считаясь даже со своими ближайшими партнерами по НАТО, выразившееся, в частности, в бесцеремонном заявлении госсекретаря Колина Пауэлла, что США начнут военные действия, даже если не удастся получить на это санкцию ООН, означают, что наступил новый период мировой истории, который, увы, может отбросить цивилизованные народы к уже, казалось бы, давно пройденным эпохам. Именно поэтому приводимые автором слова из обращения Рузвельта к конгрессу США 1 марта 1945 г. о том, что конференция в Крыму, окончательно санкционировавшая создание ООН, означает «“конец системы односторонних действий, монопольных альянсов, сфер влияния, равновесия сил и всех прочих уловок, которые были испробованы на протяжении веков и потерпели банкротство” теперь уже кажутся столь же далекими от современной американской внешней политики, как эпоха похода ахейцев на Трою. Эпитафией к этому обращению, ставшему, по существу, политическим завещанием вскоре умершего американского президента, звучат слова того же Пауэлла, сказанные во время слушаний в комитете по иностранным делам палаты представителей по поводу предстоящих военных действий против Ирака: “В случае, если Совет Безопасности проявит неспособность к решительным действиям, Соединенные Штаты должны располагать возможностью действовать в одностороннем порядке”» (5, с. 7-8).

Весьма характерно, что еще до того как мировые державы, одержавшие победу над нацизмом, перешли к новой стадии конфронтации в рамках «холодной войны», в Западной Европе и США имелось немало ученых и интеллектуалов, не только не поддававшихся всеобщей эйфории, распространявшейся пропагандистами глобального мира, но и сохранявшими изрядную долю скептицизма в отношении перспективы радикального изменения человеческой природы. Одним из них был Ганс Моргентау – основатель школы «политического реализма». «Фукидид, Макиавелли, Ришелье, Гамильтон или Дизраэли, – отмечал Моргентау в книге “Человек науки против политики власти” (1946 г.), – всегда воспринимали природу международной политики как непрерывную борьбу за выживание и власть. Верно и то, что даже до того, как возникло новое направление международной мысли, эта концепция международных отношений подвергалась постоянным нападкам. Начиная с отцов церкви до писателей-антимакиавеллистов восемнадцатого века, международная политика превратилась в объект морального осуждения. Но современная международная мысль идет дальше. Она отрицает не только моральную значимость политической власти, суть которой и состоит в постоянном опровержении рациональных ценностей истины и справедливости; она отрицает, если не само фактическое существование политики власти, то, по крайней мере, ее органическую и неизбежную связь с жизнью человека в обществе. Френсис Бэкон только предрекал, что господство человека над природой придет на смену порабощению человека человеком. Но для ведущей международной мысли девятнадцатого века это пророчество стало истиной... В рациональной общественной системе нет места насилию. Поэтому для среднего класса жизненно важной (как в практическом, так и в интеллектуальном плане) становится проблема – каким образом избегать вмешательства извне, в особенности – насильственного вмешательства, поскольку тончайший механизм социальной и экономической системы предполагает рациональность мира в самом широком смысле этого слова. Возвышая эту проблему до уровня абсолютно непогрешимого философского и политического постулата, либерализм упускал из виду как уникальность, так и совершенно исключительный характер того опыта, в рамках которого эта проблема возникла. Ведь отсутствие организованного насилия в течение длительных исторических периодов является скорее исключением, чем правилом во внутренних, но не в меньшей степени

и в международных отношениях» (6, р. 42-43). Развивая свою критику либеральной концепции власти, Г. Моргентау вполне справедливо подчеркивал, что либерализм твердо стоит на ногах, когда он отвергает насилие во внутриполитических делах. Ведь он в значительной степени заменил господство с помощью открытого насилия системой косвенного господства, ведущего свое происхождение из специфических потребностей среднего класса и дающего ему преимущество в борьбе за политическую власть. Однако международные отношения никогда не перерастали «долиберальной» стадии. Даже там, где юридические отношения скрывают отношения власти, власть должна пониматься в терминах насилия – актуального и потенциального. Потенциальное насилие всегда имеет тенденцию к превращению в реальную войну. Различие между войной и миром состоит не в сущности, а в степени. Либералы, обманутые внешним сходством между международным миром и миром во внутренних делах в новейший период, перенеся свой местный опыт в международную сферу, приравнивают различие между войной и миром к различию между автократическим насилием и либеральной рациональностью (6, р. 49 – 50). Основную причину краха традиционной политической философии либерализма Моргентау усматривал в несоответствии между статичной (хотя и необходимой человеку) системой интеллектуальных допущений и крайне подвижным характером современной жизни, постоянно формирующей новый опыт. Не сумев выразить того, что «человек улицы» «смутно предчувствовал, но все же сильно ощущал», а именно, - власти иррациональных сил над его жизнью, оставив без ответа вызовы новой политики, основанной на свойственной всем людям жажде власти, рациональная политическая философия уступила место не менее ущербной практической философии фашизма, рассматривавшей человека просто как объект политических манипуляций (6, р. 7-9). «Политика должна быть понята посредством разума, - писал Моргентау в завершении своего “обвинительного акта”, - и все же не в разуме она находит свою модель» (6, р. 10).

На наш взгляд, сформулированная выше позиция сохраняет актуальность и в наши дни. В настоящее время общественных науках нет недостатка в прогнозах относительно перспектив эволюции политических систем и политической власти на микро-и макро-уровнях, т.е. в мировом и региональном измерениях. Вдаваться во все нюансы научной полемики нет никакого смысла, поскольку при всем ее многообразии общий характер

поднимаемых вопросов является, на наш взгляд, вполне ясным и определенным. Мы в очередной раз переживаем время, когда пессимизм является наилучшим лекарством против самообольщения и когда трезвый взгляд на вещи как никогда прежде необходим. Никакие пророчества о наступлении новой эры глобализации, несущей пересмотр традиционных представлений о государстве, власти, правах человека и т.д., не могут быть приняты во внимание без предварительного научного анализа. «Наиболее фундаментальным элементом пессимизма, - отмечал Жорж Сорель в письме Даниэлю Галеви от 15 июля 1907 г., - является сам его метод поиска путей к освобождению...» (7, р. 34). Констатируя - с каким равнодушием большинство жителей Западной Европы, равно как и россиян наблюдали с телеэкранов трагедию, разворачивающуюся в Ираке и других странах Ближнего и Среднего Востока, поневоле желаешь утешить себя тем доводом, что для рода человеческого такое состояние безразличия является вполне обычным и что оно повторялось в истории множество раз. Приятно, конечно, утешать себя позаимствованными у О. Шпенглера следующими меланхолическими рассуждениями: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян... Преходяща любая мысль, любая вера, любая наука, стоит только угаснуть умам, которые с необходимостью ощущали миры своих "вечных истин" как истинные... Мы знаем это. Животное этого не знает...» (8, с. 329). Возможно, даже наверное, что Шпенглер прав. Но можно быть вполне уверенным и в том, что когда какую-либо нацию охватывает обывательское «историческое любопытство» (которое чаще всего сродни полной апатии), это является симптомом того, что она исчезнет с исторической арены гораздо скорее тех народов, которые в различные времена претендовали и еще претендуют на роль «первенствующих на земле».

Следует отметить, что в современной научной литературе охарактеризованная выше разновидность «эффекта театра» уже давно стала объектом для скрупулезного анализа. Например, уже во второй половине 1990-х гг. И. Валлерстайн в одном из своих эссе, имеющем название «Мир, стабильность и легитимность, 1990 – 2025/2050», следующим образом (а именно, - в форме риторического вопроса) охарактеризовал перспективную реакцию как нынешнего, так и будущих поколений на возможные войны и конфликты между Японией,

США и объединенной Европой: «И кто достаточно силен морально и в военном отношении, чтобы ставить такие заслоны? Кто готов вкладывать свои ресурсы в это, особенно с учетом интенсифицирующегося едва балансируемого соперничества Север – Север (Япония – США против ЕС)? Там и сям какие-то усилия будут предприниматься. Но большей частью мир будет просто взирать на происходящее, как это было во время ирано-иракской войны и как происходит в бывшей Югославии или на Кавказе, а на самом деле даже в гетто американских городов. Это станет еще более верным, когда возрастет число развивающихся одновременно конфликтов Юг - Юг» (9, с. 367).

В этом плане вряд ли стоит рассчитывать на то, современные западные демократии окажутся способными в ближайший исторический период преодолеть настроения пессимизма и апатии, сопутствующие новому мировому кризису, поразившему капиталистический мир в 2008-2009 гг. Тем не менее, такого рода надежды возникают вновь и вновь, оказывая влияние и на ученых-обществоведов. Проявлялись они и на нашей конференции. «...Ценностно-политический аспект международных отношений, - отмечает, например, Л. Брага, - представляется одним из наиболее важных областей политологических исследований, которые способствуют осмыслению международных взаимодействий с точки зрения их качества, в то же время, позволяя идентифицировать некоторые новые, характерные для современной эпохи, тенденции в их эволюции... Отправной точкой в изучении ценностно-политического содержания последних должно служить их осмысление исходя из контекста глобализационных изменений современного мира... В этой связи, предполагается, что активное воздействие со стороны «развитых демократий» на политические процессы, разворачивающиеся в странах демократической модернизации, может и должно способствовать продвижению демократии. Подобные установки с необходимостью получают свое адекватное отражение и закрепление в международных документах. В частности, 27 июля 2000 года в Варшаве представителями более 100 стран была подписана «Декларация к сообществу демократий», которая, провозгласив «универсальные демократические ценности», изложила общие принципы и обязательства создаваемого Сообщества, включая защиту прав, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека. Принятая декларация, указав на глубокую связь между демократией и гражданским обществом, уровнем его развития и культурой, особо подчеркнула важность поддержки гражданского общества с его

свободными и честными выборами, беспристрастной и независимой судебной системой, прозрачностью и подотчетностью в правительстве, подотчетностью властей перед гражданами и др.» (З, с. 184, 186).

Разумеется, можно верить и выражать надежду на то, что ценности либеральной демократии и гражданского общества, постоянно воспроизводимые в многочисленных международных декларациях, будут еще долго сохранять силу и оказывать влияние на политические процессы. Однако нельзя закрывать глаза на те вполне реальные процессы, которые неудержимо влекут западный мир в направлении формирования принципиально нового политического порядка, который некоторые политологи называют «постдемократией». Под постдемократией, - отмечает британский политолог К. Крауч, - понимается «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остаются на своем месте... Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны порождать массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движение служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии... Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентри-

рующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» (10, с. 7-9).

В рамках такой перспективы современные пост-коммунистические страны оказываются в очень незавидном положении: обладая только внешними атрибутами демократических режимов, они явно демонстрируют тенденцию к формированию собственной версии «постдемократии», лишенной каких-либо преимуществ традиционных западных демократий. Применительно к Молдове ситуация такого рода вполне определенно была охарактеризована в докладе Г. Роговой: «С одной стороны в Молдове, как в обществе развивающейся демократии, все еще ощутимо присутствие черт тоталитарного экономического, политического и идеологического строя: неравного и несправедливого распределения собственности, внеэкономического принуждения и т.д., отсутствие гармонического взаимодействия личности и государственных институтов, гражданского общества и государственных структур. Живучи еще рудименты тоталитаризма в общественном сознании» (4, с. 277-278).

Современные тенденции в международных отношениях могут только усиливать подобные тенденции в пост-коммунистическом мире. Сегодня, пережив опыт «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и краха СССР и Варшавского блока, мы можем совершенно отчетливо видеть, что ценностные характеристики власти такого рода полностью сохраняют свою актуальность. Ведь нет никаких оснований считать, что парадигма развития индустриального (или даже постиндустриального) общества радикально изменилась после того, как мир почти внезапно стал однополярным. Вершители его судеб вряд ли откажутся от перспективы дальнейшего обогащения в рамках традиционной парадигмы, коль скоро для «увечковечения опасности» требуется только создать образ нового глобального врага. Кампания по борьбе с «международным терроризмом», оккупация Ирака, политические интриги против Сирии и усиленная подготовка США и их союзников к широкомасштабной войне с Ираном – этапы на пути реализации вполне традиционной стратегии, прикрываемой риторикой, мало отличимой от тех идеологических штампов, которыми пестрела антикоммунистическая пропаганда эпохи «холодной войны». Совершенно не случайно, поэтому, английский социолог Э. Гидденс сравнивает современную глобальную систему с «лоскутным одеялом», имея в виду отсутствие баланса между бедностью и богатством, а также отсутствие как политической интеграции, так и согласия между

нациями и регионами, что само по себе является источником усиления международной напряженности (11, с. 513).

Тем не менее, нельзя отрицать, что специфический характер нового миропорядка продолжает влиять на постепенную трансформацию политической власти и политической культуры в направлении их униформизации в различных регионах, например, в результате новых форм взаимоотношения между Западом и посткоммунистическими странами. При этом следует подчеркнуть, что независимо от того, какую роль западные неоконсерваторы и радикальные либералы в Восточной Европе и России приписывали государству в новой конфигурации власти общий характер политической эволюции, основные механизмы которой сформировались после второй мировой войны, остаются неизменными.

В свое время, Г. Маркузе настаивал на тезисе, согласно которому западная социально-политическая система движется от традиционного плюрализма к формированию «одномерного общества» вследствие комбинации управляемого характера современной экономики и роста бюрократии на всех уровнях. Ведущая тенденция западной политической культуры состоит в ее «деполитизации», т.е. в выкорчевывании политических и моральных вопросов из социальной жизни, являющемся результатом обладания техническими средствами, о также роста производительности и эффективности. «Инструментальный рассудок», возникающий как побочный продукт деполитизации, гарантируется влиянием СМИ на культурные традиции низших социальных классов, на региональные и национальные меньшинства, которые загоняются в прокрустово ложе «упакованной культуры» при помощи информационного обмана.

Предполагается, что СМИ также становятся инструментом рекламной индустрии, нацеленной на безудержное потребление. Конечным результатом этих процессов является рост «ложного сознания», т.е. определенного психологического состояния, когда человек перестает осознавать свои собственные интересы, потому что мир бюрократии извращает человеческую жизнь. Но, несмотря на тот факт, что социальный порядок становится репрессивным и недостойным в рамках тесного взаимодействия между государством и промышленностью, большинство людей предпочитает мириться с такими условиями. Человеческое поведение становится пассивным, будучи пронизанным конформизмом. Люди лишаются выбора относительно того – какой вид продукции является для них наиболее

предпочтительным или в какой из форм демократии они желают принимать участие. Если они стремятся к безопасности и комфорту, они должны приспосабливаться к стандартам существующей экономической и политической системы из страха подвергнуться маргинализации. Следовательно, идея власти народа оказывается мифом (12, ch. I; 13 p. 253-254). «Политическая свобода, - отмечает Маркузе, - означала бы освобождение индивидов *от* политики, над которой они не имеют эффективного контроля. Аналогичным образом, интеллектуальная свобода означала бы восстановление индивидуальной мысли, ныне поглощенной массовой коммуникацией и индоктринацией, ликвидацией «общественного мнения» вместе с его создателями. Нереалистичное звучание этих предложений показательно не вследствие их утопического характера, но вследствие мощи тех сил, которые препятствуют их реализации» (12, p. 4).

В настоящее время вовсе не кажется странным, почему такие критические пассажи, созданные более сорока лет назад, оказались более чем пригодными для анализа политических процессов, развивающихся в странах Центральной и Восточной Европы, а также в России с начала 1990-х гг. Не входя во все детали проблемы, связанной с методологическими подходами, равно как и с выбором критических теорий, пригодных для исследования сложных реалий посткоммунистического мира, можно только выделить ту основную перспективную линию, которая приводит к самой возможности проведения параллелей между посткоммунистическими странами и, например, США, которые Г. Лассуэлл уже в 1950-е гг. характеризовал как «высоко манипулируемое общество». Это сверхидеологизация политического процесса и политического дискурса, выявляющая основные ориентации новых политических элит.

Несколько лет назад канадский политолог польского происхождения Петр Дуткевич, вынужденный в свое время покинуть родину вследствие гонений, обрушенных правительством «Солидарности» на ученых-обществоведов, получивших ученые степени в престижных московских академических центрах, следующим образом обрисовал ситуацию, сложившуюся в посткоммунистических странах, переживших «бархатные революции»: «Одно из наиболее интересных наблюдений состоит в том, что посткоммунизм подпитывает глобализацию, которая, в свою очередь, является структурой, которая направляет и контролирует посткоммунизм. В этом плане, как мне представ-

ляется, то, что действительно в целом недооценивалось в недавних дебатах, так это воздействие самого посткоммунизма на процесс глобализации (читай: реакция периферии на структурные проблемы своего центра). Посткоммунизм, с *необузданной силой* оттеняющий свою сущностную структуру (т.е. направление, на котором происходит глобализация мировой экономики), а также способы, с помощью которых воссозданная структура (т.е. глобализирующаяся мировая экономика) формирует траекторию посткоммунизма, должны стать объектами дискуссии. Следовательно, в то время как глобализация или то, что некоторые более скептически настроенные наблюдатели называют интернационализацией, несомненно, не представляет собой ничего нового, путь, по которому она развивается со времен краха коммунизма, поставил новые и важные вопросы относительно ее содержания, значения, темпа и размаха.

Моя точка зрения состоит в том, что глобализация и посткоммунизм являются взаимными отражениями, совместно участвующими в определении того, что они отражают. Я доказываю, что глобализация и посткоммунизм могут рассматриваться и анализироваться как форма диалектического мимесиса (мимикрии или имитации) по отношению к друг другу. Особый характер подобной миметической рефлексии состоит в том, что она имеет способность показывать или представлять в истинном свете то, что где-нибудь в другом месте затушевано или неопределенно. Представляется, что это обстоятельство имеет особое значение в плане того, что посткоммунизм хочет сказать нам относительно обсуждаемой природы глобализации. Это означает, что проблематичная практика и опыт посткоммунизма, такие как широкомасштабные экономические и социальные расстройствa, беспощадная монетаризация политики, криминализация общества вместо “гражданского общества” и правового государства, целенаправленная деполитизация общества и т.д. являются не столько затруднительными “абберациями” или “отклонениями” от “правильного” пути глобализации (или “ошибочным исполнением”, допущенным восточноевропейскими политиками, или же, как говорят некоторые, “долговременным историческим вырождением”), но, скорее, грубыми проявлениями возникающих глобальных тенденций. В этом смысле, “реально существующая глобализация” в Восточной Европе может быть отражением процессов и структур, являющихся грядущими и для более индустриализированных стран» (14, с. 43-44). В определенном

плане «Восточная Европа служит в качестве “широкомасштабной лаборатории” для определения среднесрочных эффектов глобализации (среди прочих “результатов тестирования” мы, пережив десять лет трансформации, гораздо лучше информированы относительно того – насколько далеко можно притеснять рабочий класс, лишая его преимуществ государства всеобщего благосостояния; до каких пределов может дойти пауперизация прежде чем могут прорваться широкомасштабные социальные волнения; как эффективно манипулировать “свободными средствами массовой информации”; каковы политические и экономические издержки драматического подрыва социальных связей; каковы различные последствия глобализации, опосредованной различными культурами?). Это всего лишь несколько фундаментальных вопросов, на которые хотели бы ответить менеджеры капиталистического проекта. Восточная Европа (в сопровождении Латинской Америки и Африки) теперь способна выступить в качестве коллективного свидетеля по этим делам, потому что посткоммунизм находится впереди Запада по своему опыту глобализации (в том смысле, что, если продукт прошел проверку в лаборатории, необходимо некоторое время для того, чтобы его разместили на полках и он стал доступным для всеобщего потребления). Я полагаю, что Ирак является первым “произведенным продуктом” такого нового подхода» (14, с. 44-45).

Происходящие в посткоммунистических странах процессы во многом были предопределены сложившимися в эпоху «бархатных революций» новыми механизмами политической власти, видоизменившими стереотипы политического сознания и культуры. «...Посткоммунизм, - отмечает П. Дуткевич, - трансформировал те образы демократии, либерализма и капитализма, которые мы до сих пор знали. Вместо того, чтобы утвердить изначально заложенные в них эмансипаторские идеалы, посткоммунизм, пройдя по восходящей линии ряд экспериментов, явил себя, скорее, в виде процесса, посредством которого «жуткая» категория Запада – «политический нигилизм» («все позволено») – утвердил свое господство. Таким образом, в посткоммунизме политический нигилизм проявляет себя как сила, которая определяет сущность «посткоммунистического» капитализма и либерализма. Капитализм превратился в систему сложного симбиоза номинально легальных структур и «организованной» преступности, которая становится не только системной экономической силой, но также политическим актором,

обладающим собственными правами. В этом взаимопроникновении законного и незаконного, границы (возможные и дозволенные) нарушаются, профанируются или подвергаются эрозии и все то, что законно и что нелегитимно или незаконно, воспроизводят, опрокидывают и ниспровергают друг друга самым необычным образом. Вербально эта новая видоизмененная форма либерализма может быть [терминологически] продублирована как «люмпен-либерализм». Часто люмпен-либерализм использует также популистские политические методы в период политических кампаний, немедленно забывая обещания сразу после следующих за ними выборов. В этом смысле, насколько это относится к главной экономической политике, в Восточной Европе не существует слишком большого разрыва между левой и правой... Путешествуя по Восточной Европе, обычно удивляются, обнаруживая те же самые поведенческие штампы, которые были характерны при коммунизме. Устойчивые злоупотребления и широко распространенная коррупция становятся системными. Шаг за шагом общественность, первоначально воспринявшая демократию с идеалистической эйфорией, стала в ней разочаровываться (это задокументировано многочисленными опросами общественного мнения в большинстве восточноевропейских стран). Подобного рода фрустрация отражается, например, в нарастающих волнах нетерпимости по отношению к меньшинствам, антисемитизме и раздражительности в ряде аспектов женского вопроса. Такая ситуация подводит к вопросу об обоснованности нео-либеральных предписаний относительно трансформации и способности нео-либералов к такому видению, которое в настоящее время помогло бы справиться с решением соответствующих проблем. И даже более того, существует некоторое сходство между новой и старой системами. Особенно заметно, что коммунистический и посткоммунистический способы присвоения имеют одну важную общую черту: сущность этой власти заключается в ее нигилистическом характере. Такая власть может быть определена как неуважение или безразличие к самим понятиям справедливости и общего блага (если последние рассматривать в их национальном аспекте или же с точки зрения интересов сообщества). И наоборот, нигилистическим ядром такой политической экономики являются стремление и относительная свобода преступать границы блага и дозволенного, включая мораль и позитивное право. Для этих целей посткоммунизм позаимствовал язык демократии и капитализма в качестве средства легитимизации и как модель для подражания» (14, с. 43, 42).

Я не случайно привел столь пространные выдержки из доклада польско-канадского политического аналитика, поскольку, как мне представляется, они наиболее полно характеризуют сущностные черты происходящих в странах Центральной и Восточной Европы политических процессов, в том числе и на постсоветском пространстве. Возвращаясь к проблеме антропологического подхода к современным международным процессам, я хотел бы, в первую очередь, отметить правомерность суждения Л. Браги относительно того, что «механический перенос западных моделей и норм политических взаимодействий в условия, характеризующиеся ярко выраженной национально-исторической спецификой, никогда не даст положительных результатов. Напротив, западная модель может оказаться не только малоэффективной в ином социально-историческом контексте, но и рискует быть отторгнутой сложившейся системой ценностей как «чужеродная культура», не согласующаяся либо противоречащая сложившимся политико-культурным традициям» (3, с. 191).

Можно вполне согласиться с идеей, сформулированной в докладе проф. В. Саковича. «Объективный, социально и исторически обусловленный процесс глобализации, - отмечает он, - порождает и глобализацию человека. Современный человек все более отходит от привычного традиционного мышления. У него стираются грани между важным, принципиально нужным и незначительным, преходящим. На него большой, неизгладимый отпечаток (и не всегда лучший) накладывает глобальная информационная среда. Поэтому в условиях глобализирующегося мира возникает объективная необходимость формирования у молодого поколения через систему образования глобального мышления и понимания процессов, идущих в мире. В этой связи в осознании и постижении новейших реалий мирового развития – процесса глобализации значительно возрастает роль образовательной сферы» (1, с. 156). Однако нельзя, на наш взгляд, забывать и о том, что характерные для глобализации процессы таят в себе постоянную угрозу той образовательной традиции, которая возникла в эпоху расцвета западноевропейской цивилизации. Возможно, именно с ее возрождения возникнет и перспектива преодоления тех негативных тенденций, которые пронизывают все без исключения регионы современного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сакович В. Глобалистика: новое научное направление и образовательная дисциплина о глобальном мире (из опыта исследовательской и преподавательской деятельности в Государственном Институте международных отношений Молдовы) // *Relațiile internaționale – domeniu specific de activitate intelectuală. Contribuția instituțiilor de profil. Materialele Conferinței științifico-practice internaționale, consacrate aniversării a X-a a Institutului de relații Internaționale din Moldova*, 2 aprilie 2013, Chișinău, 2013. p. 151-161.
2. Яскевич Я. Глобальные политические риски и сценарии цивилизационного развития // *Ibid.* p. 169-180.
3. Брага Л. Ценностно-политическая основа развития международных отношений в контексте глобального демократического процесса // *Ibid.* p. 181-192.
4. Роговая Г. Толерантность в международных отношениях как нравственная установка // *Ibid.* p. 269-278.
5. Антон Джулио де Робертис. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942-1945 гг. Перевод с итал. и ред. проф. В.А. Гуторова. Издательство С.-Петербургского университета, 2003.
6. Morgenthau H.J. *Scientific Man versus Power Politics*. Chicago & London, 1967.
7. Sorel G. *Reflections on Violence*. Transl. by T. E. Hulme and J. Roth with an introduction by Edward A. Shils. New York, 1967.
8. Шпенглер О. *Закат Европы*. М., 1993, Т. I.
9. Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация с современным миром*. СПб., 2001.
10. Крауч К. *Постдемократия*. М., 2010.
11. Гидденс Э. *Социология*. М., 1999.
12. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Boston, 1964.
13. Ellul J. *The Technological Society*. With an Introduction by Robert K. Merton. New York, 1964.
14. Дуткевич П. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей. Пер. с англ. В.А. Гуторова // *ПОЛИТЭКС (Политическая экспертиза)*. 2006, № 4.

gut_50@mail.ru

*Materialele publicate în revista „Relații Internaționale. Plus”
nu reflectă neapărat punctul de vedere al redacției.*

*Adresa redacției:
str. Pușkin 54, mun. Chișinău, Republica Moldova, MD-2005
telefon/fax: 22-82-86; e-mail: revista@irim.md*